

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2078-7898
ISSN online 2686-7532

ВЕСТНИК

ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2024

Выпуск 3

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЯ

*Свет и тени цифровой реальности:
искусственное и естественное*

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ
по следующим научным специальностям,
по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Киященко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусаелян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАЕН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Багин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, независимый исследователь, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октабринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородинкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Захарова (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несевья (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судбин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андрей Юрьевич Дудчик (канд. филос. наук, доцент, зам. директора по научной работе НАН Беларуси, Минск, Беларусь).

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта—Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology,
history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history
of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions
and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПН № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald»
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2024

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, independent researcher, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Neseyeva (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Andrey Yu. Dudchik (Candidate of Philosophy, Docent, Deputy Director for Science of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising,

Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕТ И ТЕНИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ИСКУССТВЕННОЕ И ЕСТЕСТВЕННОЕ (Тематический выпуск)

LIGHT AND SHADOWS OF DIGITAL REALITY: THE ARTIFICIAL AND THE NATURAL (Special issue)

Свет и тени цифровой реальности: искусственное и естественное (от редакции) <i>Внутских А.Ю. (главный редактор)</i>	299	Light and shadows of digital reality: the artificial and the natural (editor's note) <i>Alexander Yu. Vnutskikh (editor-in-chief)</i>
Квантовая онтология «элементарного интеллекта» <i>Спасков А.Н.</i>	305	Quantum ontology of «elementary intelligence» <i>Alexander N. Spaskov</i>
Искусственные интеллектуальные системы и проблема опыта <i>Биричева Е.В.</i>	317	Artificial intelligent systems and the problem of experience <i>Ekaterina V. Biricheva</i>
Событие в цифровую эпоху: статус действующего лица <i>Дурнев А.Д.</i>	328	An event in the digital age: the status of the actor <i>Aleksei D. Durnev</i>
Человеческое и постчеловеческое: качества, границы и отношения с позиций технологического постгуманизма <i>Белоусов И.Л.</i>	340	Human and posthuman: qualities, boundaries, and relationships from the perspective of technological posthumanism <i>Ilya L. Belousov</i>
К вопросу о принципиальной (не)возможности сильного искусственного интеллекта <i>Габриелян О.А.</i>	351	On the fundamental (im)possibility of strong artificial intelligence <i>Oleg A. Gabrielyan</i>
«Я-образ» современной студенческой молодежи в пространстве виртуальной коммуникации <i>Горбатова М.М., Билан М.А., Ермолаева Е.Н.</i>	362	«Self-image» of modern students in virtual communication <i>Marianna M. Gorbatova, Marina A. Bilan, Elena N. Ermolaeva</i>
Манипуляция эмоциональной безопасностью кибермошенниками с применением технологий социальной инженерии: case-study <i>Игнатова Е.С.</i>	374	Manipulation of emotional security by cybercriminals using social engineering technologies: a case study <i>Ekaterina S. Ignatova</i>

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Борьба за бытие в символической реальности <i>Огородников А.Ю., Руппель Е.Ю.</i>	391	The struggle for being in symbolic reality <i>Aleksander Yu. Ogorodnikov, Elena Yu. Ruppel</i>
--	-----	---

Американская социально-философская утопия: генезис и проблемы репрезентации <i>Куликов М.В.</i>	402	American socio-philosophical utopia: the genesis and problems of representation <i>Mikhail V. Kulikov</i>
---	-----	---

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Целостность и интеграция личности в процессе переживания собственной деструктивности <i>Филатова А.Ф., Костромина С.Н.</i>	411	Integrity and integration of personality in the process of experiencing one's own destructiveness <i>Anastasiya F. Filatova, Svetlana N. Kostromina</i>
---	-----	--

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Взаимосвязь социального и культурного капиталов студенческой молодежи <i>Соловьев С.С., Кибанова Ю.Н.</i>	429	The relationship between the social and cultural capitals of students <i>Semyon S. Solovyov, Yulia N. Kibanova</i>
Социологические подходы к определению понятия ранней помощи <i>Серебрякова В.Ю.</i>	439	Sociological approaches to defining the concept of early intervention <i>Valeria Yu. Serebryakova</i>
Информация для авторов	451	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ

СВЕТ И ТЕНИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ИСКУССТВЕННОЕ И ЕСТЕСТВЕННОЕ
(Тематический выпуск)

УДК 111.7

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-299-304>

EDN: MMJODU

Поступила: 11.09.2024

Принята: 18.09.2024

Опубликована: 03.10.2024

СВЕТ И ТЕНИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ИСКУССТВЕННОЕ И ЕСТЕСТВЕННОЕ (ОТ РЕДАКЦИИ)*Внутских Александр Юрьевич (главный редактор)**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь),**Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)*

Подчеркивается актуальность гуманитарного осмысления процесса цифровизации, ее достижений и вызовов в рамках широкой междисциплинарной дискуссии. Примером такого обсуждения стала II Всероссийская научная конференция с международным участием «Свет и тени цифровой реальности: искусственное и естественное». Анализируется основное содержание статей тематического выпуска, подготовленных участниками конференции и представленных авторами независимо. Заявлен план регулярного проведения силами двух крупнейших национальных исследовательских университетов Перми следующей конференции, выступающей правопреемницей конференций «Свет и тени цифровой реальности» (ПГНИУ 2023–2024 гг.) и «Образ инженера XXI века» (ПНИПУ, 2014–2019 гг.).

Ключевые слова: цифровая реальность, цифровизация, искусственное, естественное, человек, общество.

Для цитирования:

Внутских А.Ю. Свет и тени цифровой реальности: искусственное и естественное (от редакции) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 299–304.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-299-304>. EDN: MMJODU

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-299-304>

Received: 11.09.2024

Accepted: 18.09.2024

Published: 03.10.2024

LIGHT AND SHADOWS OF DIGITAL REALITY:
ARTIFICIAL AND NATURAL (EDITORIAL)*Alexander Yu. Vnutskikh (editor-in-chief)**Perm State University (Perm),**Perm National Research Polytechnic University (Perm)*

It is highly important to provide reflections on the digitalization process, its achievements and challenges from the perspective of the humanities within a broad interdisciplinary discussion. An example of such a discussion was the II All-Russian Scientific Conference with international participation 'Light and Shadows of Digital Reality: the Artificial and the Natural'. The note analyzes the main content of the papers

included in this thematic issue and prepared by the Conference participants or presented by the authors independently. A plan is presented for a conference to be regularly held as a successor of the Conference 'Light and Shadows of Digital Reality' (Perm State University, 2023–2024) and the Conference 'Image of the Engineer in the 21st Century' (Perm National Research Polytechnic University, 2014–2019).

Keywords: digitalization, digital reality, artificial, natural, human, society

To cite:

Vnitskikh A.Yu. [Light and shadows of digital reality: the artificial and the natural (editor's note)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 299–304 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-299-304>, EDN: MMJODU

В апреле 2024 г. философы и мировое интеллектуальное сообщество в целом отметили знаменательную дату — 300-летний юбилей Иммануила Канта. Очень символично, что старт Международному Кантовскому конгрессу в Калининграде в этом году дала дискуссия с говорящим названием «Критика искусственного разума: проблемы бытия и познания в контексте развития искусственного интеллекта» [Академия Кантиана, 2024]. Действительно, человеческий рассудок, характеризуемый Кантом, по сути, представляет собой аналог искусственной вычислительной машины. И, по видимому, современные искусственные интеллектуальные системы (ИИС) могут с успехом освоить «технологию» человеческого рассудка, смоделировав его функционирование. Очевидно, это порождает множество серьезных теоретических проблем. Например, о границе искусственного и естественного в эпоху ChatGPT и киборгов, о степени субъектности современного человека и самообучающихся интеллектуальных систем (СИС) и, в конце концов, о роли гуманитарных наук в эпоху цифровизации.

Успех цифровизации связан сейчас и будет связан в ближайшем будущем в первую очередь с хорошо формализуемым функционированием рассудка. Разумеется, в человеческом сознании есть и неформализуемые таким образом компоненты. Но что, если они продолжат тенденцию к редукции уже просто потому, что сложности их формализации станут очевидным *недостатком* в глазах современного «технизированного» человека? В связи с этим нельзя не вспомнить слова «антропоконсерваторов» об опасности утраты самим человеком «естественных» для него способностей, реализацию которых либо берут на себя ИИС, либо они начинают отмирать (те из них, которые ИИС

взять на себя сейчас/в принципе не могут) [Кутырев В.А., 2014; Шнуренко И.А., 2021].

В силу актуальности и необходимости изучения данной проблематики, философско-социологический факультет Пермского государственного национального исследовательского университета продолжил традицию проведения статусных научных мероприятий, посвященных осмыслению процессов, связанных с цифровизацией, с позиций гуманитарных и социальных наук. 22 марта 2024 г. состоялась II Всероссийская научная конференция с международным участием «Свет и тени цифровой реальности: искусственное и естественное». Актуальные вопросы цифровой трансформации общества и все более широкого применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) обсудили сотрудники, студенты и аспиранты философско-социологического, механико-математического и юридического факультетов ПГНИУ, а также ученые из Института философии Российской Академии Наук, Института философии Национальной Академии Наук Беларуси, университета ИТМО (Санкт-Петербург) и Российского университета дружбы народов (Москва). Часть выступлений участников этой конференции стали основной для данного тематического выпуска.

На пленарном заседании конференции д-р филос. наук, декан философско-социологического факультета ПГНИУ С.В. Комаров представил доклад «Искусственный интеллект и философия Иммануила Канта». В докладе было показано, что функционирование как естественного, так и искусственного интеллекта можно понимать как «вычисление», ключевую роль в котором играет система категорий. Вместе с предикабиями и предикаментами категории задают все многообразие предметно-

вещественного эмпирического опыта. Аналитическая функция рассудка, глубокому исследованию которого положил начало именно Кант, представляет собой наиболее «технологичную» его составляющую, которая с успехом может воспроизводиться как «искусственная» вычислительными машинами. Однако есть еще синтетическая функция рассудка, связанная с деятельностью живого воображения, которая в качестве «естественной» пока остается за человеческим интеллектом. Поэтому, когда мы говорим о количественной мощи современного искусственного интеллекта, мы подразумеваем мощь «аналитического счета» — мощь слабого ИИ, как это ни парадоксально звучит. Вместе с тем в случае нейронных сетей возникает неопределенность «категориального драйвера», задающего квазисубъектность СИС — с точки зрения формальной они уподобляются программисту, программирующему самого себя. Именно с этой неопределенностью связаны потенциальные угрозы функционирования ИИ. Статья С.В. Комарова планируется к публикации в 4 выпуске нашего журнала.

Впрочем, для обсуждения естественного и искусственного интеллекта следует адекватно представлять их фундаментальные предпосылки и формирование. Что, если некая психическая активность присуща любой материальной частице-монаде? Именно из этого предположения, существенно важного для понимания как возможностей, так и ограниченностей ИИ, исходит квантовая концепция сознания. Оригинальная версия этой концепции представлена на конференции и в статье тематического выпуска заведующим отделом теории познания и методологии науки Института философии НАН Беларуси (г. Минск), канд. филос. наук А.Н. Спасковым. Им предлагается модель «элементарного интеллекта» в комплементарном единстве с элементарным телом — волновая функция интерпретируется как прототип сознания, а наблюдаемые физические величины как прототип материального тела монады, данного в ее феноменальном опыте. Вероятностный характер поведения квантовых частиц объясняется объективным существованием случайностей и активностью квантовых объектов, которую, возможно, следует рассматривать как потенциальную основу формирования психики [Спасков А.Н., 2024].

В своем выступлении и статье преподаватель ИТМО (Санкт-Петербург) А.Д. Дурнев исходит из того, что феномены цифровой трансформации могут интерпретироваться в рамках событийной онтологии — как, собственно, события. Действующее лицо в цифровую эпоху определяется контекстом, включающим переплетение элементов, имеющих различную природу (например, человеческую и техническую). Ни само событие, ни действующее лицо при этом не могут полностью быть сведены к одному началу. Человеческие индивиды (создатели и пользователи) меньше контролируют смысловые процессы и отходят на второй план, оттаясь самим событием. Это существенно купирует человеческую субъектность в традиционном смысле, формирует смысловой гибрид, несводимый к идентичности одного из элементов, составляющих цифровое событие [Дурнев А.Д., 2024].

Отрадно, что в работе конференции и подготовке статей для тематического выпуска приняли участие молодые исследователи — их видение новейших тенденций цифровизации, как и способов их гуманитарного осмысления, имеет особое значение. И.Л. Белоусов, студент-философ из РУДН (Москва), связывает человеческое состояние с внутренней и внешней каузальностью, способностью порождать экзистенциальные риски для жизни и неспособностью их преодолеть, культурной ограниченностью, возможностью полной и однозначной передачи опыта между различными человеческими субъектами, а также с духовным творчеством. Критерием демаркации человеческих и постчеловеческих субъектов автор считает степень полноты феноменального опыта, а также свободы от внутренней и внешней каузальности. Выдвигается радикальная гипотеза о способности постчеловека преодолеть естественные и социогенные экзистенциальные риски, тем самым выступив в качестве гаранта сохранения сознающей жизни во вселенной. Автору представляется перспективным развитие метамодернистских концепций, ведущих к снятию антитезы между искусственным и природным [Белоусов И.Л., 2024].

В докладе заведующего кафедрой философии Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского, д-ра филос. наук О.А. Габриеляна отмечается, что эпоха Просве-

щения как социальная и научная парадигма исчерпала свой потенциал. Поэтому научная логика должна быть дополнена «логикой мифа», основанной не на рациональности нашего сознания, а на его способности к воображению. При этом ни рациональность, ни воображение не являются доминирующими — мы познаем мир, используя их вместе. Дальнейшее познание и решение проблем общественного развития требует учесть их взаимодополнительность. Особенно это касается познания человеческого сознания, его понимания и объяснения. Главные характеристики человеческого сознания — это целеполагание, основанное на мотивации, которую формирует экзистенциальная потребность человека. Это включает процесс смыслопорождения и понимания. По мнению О.А. Габриеляна, воспроизвести искусственно всю эту цепочку проблематично, поскольку сознание включает в себя как необходимый элемент социальную составляющую индивидуального бытия. И потому работа человеческой мысли возможна в том числе и благодаря индивидуальному «усилию быть» как актом не интеллектуальным, а экзистенциальным. Далее рождаются смыслы (пока неизвестным образом), обеспечивающие эту экзистенцию. Процесс их появления тоже находится за пределами собственно интеллектуальной деятельности. Сознание человека *не только рационально, но и мифологично*. По мнению автора, мифологический компонент человеческого сознания участвует в формировании целостного и непротиворечивого представления о мире, а также обеспечивает гибкость нашего сознания [Габриелян О.А., 2024].

В статье заведующей кафедрой общей и клинической психологии, канд. психол. наук Е.С. Игнатовой исследуется проблема распознавания психологического механизма кибермошенничества и дается психологический анализ случая манипулятивного воздействия на эмоциональную безопасность кибермошенниками с применением технологий социальной инженерии. Сформулированы рекомендации по профилактике виктимного поведения жертвы мошенников: 1) в ходе принятия решения ориентироваться на ценности информационной и личностной безопасности, принципы прагматизма, отвечая на вопрос: «Зачем я это делаю в этих условиях?»; 2) помнить о необходимости рефлексии в отношении угрожающей инфор-

мации; 3) снять эмоциональное напряжение в ходе доверительной коммуникации с проверенным Другим; 4) сфокусировать внимание на саморегуляции, а не на предлагаемой посторонними помощи; 5) осваивать технологии психологической самопомощи, развивать осознанность и тренировать толерантность к дистрессу; 6) осуществлять диагностику собственной личностной предрасположенности к виктимному поведению [Игнатова Е.С., 2024]. Хотелось бы надеяться, что столь качественно выполненная автором постановка проблемы и анализ кейса приведут в ближайшем будущем к проведению серьезного исследования психологических аспектов такого опасного современного явления, как кибермошенничество.

Подчеркнем еще раз: осмысление цифровизации уже стало важным элементом «мэйнстрима» развития современной гуманитаристики. Поэтому неудивительно, что ряд исследователей, не участвовавших в конференции, независимо от нее представили для публикации статьи, содержание которых позволило нам включить их в тематический выпуск. Так, в статье канд. филос. наук, научного сотрудника Института философии и права УрО РАН Е.В. Биричевой (Екатеринбург) подчеркивается, что современный дискурс приписывает искусственным агентам «способности», «обучаемость», «принятие решений». Однако способна ли машина действительно усваивать опыт, научиться и принимать решения в том смысле, который мы обычно вкладываем в эти понятия? Исходя из феноменологического подхода, автор полагает, что понятие опыта в строгом смысле слова неприменимо к ныне функционирующим «слабым/узким» ИИ. Вместе с тем возможность моделирования данного феномена открыта в рамках будущих разработок «сильного/общего» ИИ. Показано, что получать опыт означает постоянно выходить за границы данного, открыто осваиваться, соотнося физически воспринятое и/или психически пережитое с априорными формами-ориентирами. Сенсоров недостаточно для получения опыта; даже если бы системы воспринимали качества, помимо практической, нужна теоретическая составляющая, а также воля, обращающая внимание и направляющая усилия к цели [Биричева Е.В., 2024].

В целом, участники конференции и авторы тематического выпуска были далеки от необос-

нованного аллармизма в отношении цифровой трансформации, поскольку «на всякое действие возникает противодействие» и тенденция цифровизации формирует определенные обратные связи, в т.ч. способные в какой-то степени балансировать систему «человек – цифровая среда». Так, канд. психол наук М.М. Горбатова, канд. психол наук М.А. Билан и канд. филол. наук Е.Н. Ермолаева, представляющие Кемеровский государственный университет, в своей статье исследовали самопрезентацию современной студенческой молодежи в пространстве виртуальной коммуникации. Более половины респондентов заявили о способности реализовать свой личностный потенциал без помощи виртуального пространства, указывая, что влияние социальных сетей на их реальную жизнь и поведение невелико. Среди значимых фокусов самопредставлений участников эксперимента выделяется доминирование категории «рефлексивное Я», но не «виртуальное Я» [Горбатова М.М. и др., 2024].

Сказанное об актуальности проблематики, рассмотренной на конференции и в тематическом выпуске нашего журнала, стало основой для решения сделать проведение конференции, посвященной гуманитарному осмыслению цифровизации и инженерной деятельности в целом, ежегодной. Новая конференция, проведение которой планируется в марте–апреле 2025 года, станет «правопреемником» как конференции «Свет и тени цифровой реальности», так и конференции «Образ инженера XXI века», с успехом проводившейся Пермским национальным исследовательским политехническим университетом в 2014–2019 гг. Предполагается, что два крупнейших Национальных исследовательских университета Перми смогут выступить ее соорганизаторами, а по итогу ее проведения будут подготовлены 1 или 2 тематических выпуска нашего журнала. Мы приглашаем наших читателей следить за информацией о данной конференции, и будем рады как продолжить сотрудничество с уже зарекомендовавшими себя авторами, так и начать его с теми, кто пока не был вовлечен в работу наших конференций и подготовку соответствующих тематических выпусков.

Список литературы

Академия Кантиана / ВКонтакте. 2024. 13 июл.

URL: https://vk.com/wall-151856858_234?ysclid=m1j7ubt871372535173 (дата обращения: 30.07.2024).

Белюсов И.Л. Человеческое и постчеловеческое: качества, границы и отношения с позиций технологического постгуманизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 340–350. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-340-350>

Биричева Е.В. Искусственные интеллектуальные системы и проблема опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 317–327. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327>

Габриелян О.А. К вопросу о принципиальной (не)возможности сильного искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 351–361. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-351-361>

Горбатова М.М., Билан М.А., Ермолаева Е.Н. «Я-образ» современной студенческой молодежи в пространстве виртуальной коммуникации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 362–373. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-362-373>

Дурнев А.Д. Событие в цифровую эпоху: статус действующего лица // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 328–339. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>

Игнатова Е.С. Манипуляция эмоциональной безопасностью кибермошенниками с применением технологий социальной инженерии: case-study // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 374–390. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-374-390>

Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров. М.: Директ-Медиа, 2014. 295 с.

Спасков А.Н. Квантовая онтология «элементарного интеллекта» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 305–316. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-305-316>

Шнуренко И.А. Человек взломанный. М.: Наше завтра, 2021. 456 с.

References

Acaemia Kantiana (2024). VK, Jul. 13. Available at: https://vk.com/wall-151856858_234?ysclid=m1j7ubt871372535173 (accessed 30.07.2024).

Belousov, I.L. (2024). [Human and posthuman: qualities, boundaries, and relationships from the perspective of technological posthumanism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 340–350. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-340-350>

Biricheva, E.V. (2024). [Artificial intelligent systems and the problem of experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 317–327. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327>

Durnev, A.D. [An event in the digital age: the status of the actor]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 328–339. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>

Gabrielyan, O.A. [On the fundamental (im)possibility of strong artificial intelligence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 351–361. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-351-361>

Gorbatova, M.M., Bilan, M.A. and Ermolaeva, E.N. [«Self-image» of modern students in virtual communication]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 362–373. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-362-373>

Ignatova, E.S. [Manipulation of emotional security by cybercriminals using social engineering technologies: a case study]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 374–390. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-374-390>

Kutyrev, V.A. (2014). *Chelovecheskoe i inoe: bor'ba mirov* [Human and Other: The Struggle of Worlds]. Moscow: Direkt-Media Publ., 295 p.

Shnurenko, I.A. (2021). *Chelovek vzlomannyj* [The hacked man]. Moscow: Nashe zavtra Publ., 456 p.

Spaskov A.N. [Quantum ontology of «elementary intelligence»]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 305–316. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-305-316>

Об авторе

Внутских Александр Юрьевич
доктор философских наук, доцент

профессор кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

и.о. заведующего кафедрой философии и права,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;

e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

About the author

Alexander Yu. Vnutskikh
Doctor of Philosophy, Docent

Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;

Acting Head of the Department
of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;

e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

УДК 111.3

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-305-316>

EDN: NRVIUX

Поступила: 01.08.2024

Принята: 14.09.2024

Опубликована: 03.10.2024

КВАНТОВАЯ ОНТОЛОГИЯ «ЭЛЕМЕНТАРНОГО ИНТЕЛЛЕКТА»

Спасков Александр Николаевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь)

Дается критика атомистической онтологии и редукционизма в объяснении природы жизни и сознания. В качестве альтернативного направления на основе органической онтологии, фундаментальных психофизических принципов и квантово-информационного подхода предлагается концепция квантовой монадологии, метафизические основы которой даются в работах Г. Лейбница и Н. Лосского. Предлагается модель «элементарного интеллекта» в комплементарном единстве с элементарным телом. Предпосылкой такого представления является математический формализм квантовой механики. Волновая функция интерпретируется как прототип сознания, а наблюдаемые физические величины — как прототип материального тела монады, данного в ее феноменальном опыте. Вероятностный характер поведения квантовых частиц объясняется объективным существованием случайностей и активностью квантовых объектов, которую, возможно, следует рассматривать как потенциальную основу формирования психики. Для характеристики внутреннего состояния монады вводится понятие цветовой заряда, имеющего смысл двоичного информационного кода, и формулируется принцип динамической комплементарности. Строится модель элементарного «жизненного цикла» квантовой монады. Под элементарным интеллектом понимается способность к интеллектуальной деятельности, включающей в себя процессы переработки значимой для «жизнедеятельности» информации, в результате которой поддерживается и воспроизводится собственное существование квантовых монад. Дается субстанциальное обоснование квантового дарвинизма и выдвигается гипотеза генезиса и коэволюционного развития «элементарной психики» и физического тела монад в процессе глобальной эволюции. Делается вывод о возможности построения модели квантового поведения и синергетического взаимодействия монад, образующих более сложные системы, а также о перспективе разработки квантовой онтологии материи и сознания. Построение модели «элементарного естественного интеллекта» будет способствовать выявлению принципиальных онтологических ограничений при разработке сильного искусственного интеллекта.

Ключевые слова: атом, субстанция, квантовая монада, элементарный интеллект, интеллектуальная деятельность, жизненный цикл, органическая онтология, квантово-информационный подход, цветовой заряд, информационный код, психофизическое единство, комплементарность, коэволюция, квантовый дарвинизм.

Для цитирования:

Спасков А.Н. Квантовая онтология «элементарного интеллекта» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 305–316. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-305-316>. EDN: NRVIUX

QUANTUM ONTOLOGY OF «ELEMENTARY INTELLIGENCE»

Alexander N. Spaskov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus)

The article provides a critique of atomistic ontology and reductionism in explaining the nature of life and consciousness. As an alternative direction based on organic ontology, fundamental psychophysical principles and quantum-information approach, the concept of quantum monadology is proposed, the metaphysical foundations of which are given in the works of G. Leibniz and N. Lossky. A model of «elementary intelligence» in complementary unity with the elementary body is proposed. The premise of this representation is the mathematical formalism of quantum mechanics. The wave function is interpreted as a prototype of consciousness, and the observed physical quantities are interpreted as a prototype of the material body of the monad given in its phenomenal experience. The probabilistic nature of the behavior of quantum particles is explained by the objective existence of chance and the activity of quantum objects, which, perhaps, should be considered as a potential basis for the formation of the psyche. To characterize the internal state of the monad, the concept of a color charge is introduced, which has the meaning of a binary information code, and the principle of dynamic complementarity is formulated. A model of the elementary «life cycle» of a quantum monad is constructed. Elementary intelligence is understood as the ability for intellectual activity, including the processing of information significant for life, as a result of which the existence of quantum monads is maintained and reproduced. A substantial justification of quantum Darwinism is given, and a hypothesis about the genesis and co-evolutionary development of the «elementary psyche» and physical body of monads in the process of global evolution is put forward. A conclusion is made about the possibility of constructing a model of quantum behavior and the synergetic interaction of monads that form more complex systems, as well as about the prospect of developing a quantum ontology of matter and consciousness. The construction of a model of «elementary natural intelligence» will contribute to the identification of fundamental ontological limitations in the development of strong artificial intelligence.

Keywords: atom, substance, quantum monad, elementary intelligence, intellectual activity, life cycle, organic ontology, quantum-informational approach, color charge, information code, psychophysical unity, complementarity, coevolution, quantum Darwinism.

To cite:

Spaskov A.N. [Quantum ontology of «elementary intelligence»]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 305–316 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-305-316>, EDN: NRVIUX

Введение

В настоящее время в науках о жизни и сознании доминирует физикалистский подход, основанный на редукционистской методологии (нейрофизиология, аналитическая философия, бихевиористская психология, теория тождества, элиминативный материализм и др.). При этом феномены жизни и сознания рассматриваются как эмерджентные свойства высокоорганизованной материи, возникающие на определенном этапе

эволюции. Но, несмотря на впечатляющие успехи эволюционной концепции, она сих пор не сумела предложить общепризнанного объяснения того, как происходят три основополагающих фазовых перехода, — от момента возникновения наблюдаемой Вселенной (космологическая сингулярность) к возникновению фундаментальных физических законов (космогенез), от неживой материи к жизни (абиогенез) и от бессознательной психики к сознанию (антропогенез).

Кроме того, сама фундаментальная физика переживает сейчас глубочайший кризис, и надежда найти предельно простой уровень базовых элементов и законов их взаимодействия, на основе которого можно будет объяснить все многообразие феноменов физического мира, жизни и сознания, становится все более сомнительной. Самой серьезной проблемой при этом, которую называют также «трудной проблемой сознания», является объяснение внутреннего феноменального опыта. Ее до сих пор не удалось решить на основе реляционных связей материальных элементов и динамики их движения. Однако такое решение становится возможным, как мы считаем, если предположить, что сами базовые элементы материи обладают неким аналогом внутреннего феноменального опыта и активностью, родственной психике, в соответствии с принципом психофизического единства, имеющем универсальное значение для всех без исключения уровней организации Вселенной.

Ключом к решению этих проблем, по нашему мнению, является органический подход, основанный на психофизической онтологии и холистической методологии. Метафизическое обоснование этой мировоззренческой установки было дано в работах Г. Лейбница, Н. Лосского и их последователей. В данной работе, в качестве альтернативного подхода под условным названием «квантовая монадология», предпринята попытка дальнейшего развития этой философской традиции в сочетании с квантово-информационным подходом.

Построение модели «элементарного естественного интеллекта», основанной на квантово-информационном подходе и принципе психофизического единства, будет способствовать, по нашему мнению, выявлению принципиальных онтологических ограничений при разработке сильного искусственного интеллекта.

Ограниченность атомистической онтологии в понимании жизни и сознания

Античный атомизм Левкиппа и Демокрита был, по сути, первой научной попыткой редукционистского объяснения всего многообразия наблюдаемых феноменов на основе простых принципов движения неделимых атомов в пустоте и их механического соединения в различные тела. Эта установка доминирует и в современной науке.

Следует отметить, что атомная теория, несмотря на свой эвристический потенциал в объяснении широкого круга явлений и продуктивность в качестве рабочей гипотезы, подвергалась серьезной критике ее противниками. Часть аргументов, выдвинутых в процессе такого рода логической фальсификации, остаются актуальными и сейчас, т.к. экспериментальная физика достигла сейчас естественных пределов эмпирической верификации, а область планковских масштабов принципиально недоступна наблюдению, основанного на способах физического измерения.

Еще более серьезная критика идеи атомизма, с нашей точки зрения, имеет метафизический характер и востребована сейчас в связи с безуспешными попытками объяснить феномены жизни и сознания на основе редукционистской методологии.

Несмотря на тончайшие исследования мозга в современной нейрофизиологии, фундаментальной проблемой, впервые сформулированной Лейбницем, остается принципиальная необъяснимость восприятия «причинами механическими, т.е. с помощью фигур и движений» [Лейбниц Г.В., 1982, с. 415]. Онтологические границы механистического подхода к объяснению природы восприятия он продемонстрировал в мысленном эксперименте: «Если мы вообразим себе машину, устройство которой производит мысль, чувство и восприятия, то можно будет представить ее себе в увеличенном виде с сохранением тех же отношений, так что можно будет входить в нее как в мельницу. Предположив это, мы при осмотре ее не найдем ничего внутри ее, кроме частей, толкающих одна другую, и никогда не найдем ничего такого, чем бы можно было объяснить восприятие» [Лейбниц Г.В., 1982, с. 415].

Следует отметить, что возражение Лейбница остается в силе и для гораздо более сложных электродинамических и квантовомеханических процессов, о которых он не мог иметь представления. Д. Вулдридж, например, написавший книгу о функциях мозга с точки зрения современного физика, пишет, что «субъективный феномен сознания — чувство осознания, которое более реально для индивидуума, чем все остальное, обладает качественными атрибутами, совершенно исключающими возможность

вывести его из какого-либо сочетания известных в настоящее время физических принципов или объяснить его на их основе» [Вулдридж Д., 1965, с. 310].

Метафизическое обоснование органической онтологии

Критикуя на основе метафизических соображений материалистическую концепцию атомизма, Г.В. Лейбниц приходит к выводу, что «существуют только *атомы-субстанции*, т.е. единицы или реальные единства, абсолютно лишенные частей, составляющие источники деятельностей и первые абсолютные принципы сложения вещей и как бы последние элементы в анализе вещей субстанциальных. Их можно было бы назвать *метафизическими точками*: они обладают чем-то *жизненным* и своего рода *представлениями*; *математические же точки* — это их точки зрения для выражения универсума. Но когда телесные субстанции стягиваются, то все их органы образуют, на наш взгляд, одну физическую точку» [Лейбниц Г.В., 1982, с. 276].

Монады, в отличие от пассивных атомов в механистической картине мира, обладают внутренней активностью, которая проявляется в восприятии (перцепции) и в стремлении к изменению собственного состояния [Лейбниц Г.В., 1982]. Н.О. Лосский называл эти сущности, имеющие психофизическую природу, субстанциальными деятелями: «Чтобы подчеркнуть активность такого существа, я буду называть его не словом “субстанция”, а словами “субстанциальный деятель”» [Лосский Н.О., 1995, с. 295].

Таким образом, как Лейбниц, так и Лосский из чисто метафизических соображений отвергали философский атомизм, объясняющий все многообразие феноменального мира различными видами механических движений, неделимых и не имеющих внутренней структуры элементов, отличающихся друг от друга только внешней геометрической формой и величиной. Сущностью органического мировоззрения, в противоположность механистическому, Н. Лосский считал понимание целого как основание всякой множественности: «Первоначально существует целое, и элементы способны существовать и возникать только в системе целого» [Лосский Н.О., 1917, с. 7].

Мы полагаем, что хотя его целостное мировоззрение и противоречит редукционистскому подходу в науке, оно не противоречит современной физике. Более того, сейчас становятся все более очевидными глубочайший кризис в теоретической физике, сравнимый с квантовой революцией начала XX в., и принципиальная ограниченность физикалистской парадигмы в описании феноменов жизни и сознания.

Квантовый подход к проблеме сознания

С появлением квантовой механики ситуация существенно изменилась, и идеи Г. Лейбница и Н. Лосского, как мы полагаем, могут быть возрождены на новой экспериментальной и математической основе. Д. Чалмерс, например, связывает выяснение природы сознания с формулировкой фундаментальных психофизических принципов [Чалмерс Д.Дж., 2013]. А математическая формулировка этих принципов, в свою очередь, требует разработки квантовой онтологии, основанной на психофизической интерпретации квантовой механики.

В спонтанном поведении квантовых субъектов как раз и заключается, как мы полагаем, их внутренняя свобода, и в таком случае можно говорить о самых элементарных предпосылках формирования психики и интеллекта. К аналогичному выводу приходит и Д. Чалмерс: «Возможно, у фотонов есть некий элемент примитивного субъективного ощущения, некий примитивный предшественник сознания» [Чалмерс Д.Дж., 2013, с. 380].

Таким образом, можно констатировать, что на основе классической онтологии материи невозможно объяснить природу сознания. Отсюда следует, что необходимо найти более глубокие принципы, лежащие в основе природы как материи, так и сознания. Естественно предположить, что это будут психофизические принципы: «Эти фундаментальные (или *базовые*) законы будут выражены на уровне, связывающем базовые свойства опыта с элементарными характеристиками физического мира» [Чалмерс Д.Дж., 2013, с. 346].

Мы полагаем, что это будут квантово-информационные принципы. Это связано с фундаментальной ролью информации и квантовых представлений в понимании природы реальности. Поскольку у нас нет понимания квантовой онтологии и природы сознания, то

этот подход открывает перспективу объяснения природы сознания на основе единой квантовой онтологии материи и психики или, иначе говоря, на основе квантовой психофизики.

Квантовый подход к проблеме сознания в связи с особой ролью наблюдателя в квантовой механике наметился уже в работах ее основателей. Впервые, по всей видимости, эта идея была высказана В. Паули: «Для невидимой реальности, о которой мы имеем лишь отрывочные свидетельства в квантовой физике и в психологии неосознанного (unconscious), единый символический психофизический язык должен в конце концов быть адекватным» [Менский М.Б., 2022, с. 19].

Дальнейшие попытки квантового объяснения сознания сводились в основном «к поиску материальных структур в мозгу, которые могли бы работать в квантово-когерентном режиме. Это трудно (а вероятно и невозможно сделать, потому что квантовая когерентность быстро разрушается за счет неизбежной декогеренции» [Менский М.Б., 2022, с. 15].

Проблема декогеренции породила различные интерпретации квантовой теории, связанные с особой ролью наблюдателя в квантовых измерениях. Р. Пенроуз предпринял попытку решения проблемы декогеренции в микротрубочках, входящих в цитоскелет нейронов мозга [Пенроуз Р., 2008]. Альтернативная версия квантового подхода в нейронауке была предложена Г. Стэпом в концепции квантового интерактивного дуализма, согласно которой сознание является таким же фундаментальным атрибутом реальности, как и физические свойства материи [Юлина Н.С., 2014]. Оригинальную концепцию квантовой природы сознания, основанную на переосмыслении интерпретации квантовой механики Х. Эверетта, предлагает М.Б. Менский, отождествляя сознание и разделение альтернатив при квантовом измерении [Менский М.Б., 2005, с. 426].

В интерпретации квантового дарвинизма роль наблюдателя играет окружающая среда. Это значит, что при декогеренции квантовое окружение выбирает определенные состояния, уничтожая все другие [Zurek W.H., 2009]. Вот эти состояния, которые сохраняются при декогеренции и копируются в окружающей среде, и являются, согласно этой интерпретации, наиболее приспособленными и могут наблюдаться,

что эквивалентно дарвиновскому естественному отбору в квантовой среде.

Мы полагаем, что сознание — это поверхностный слой более глубокого уровня бессознательного, также как макроскопический мир — это поверхностный слой более глубокого уровня квантового мира: «Сознание можно представить как интерфейс или зеркальную поверхность, по одну сторону которой находится внешний объективный мир, а по другую — наша подсознательная психика» [Симанов А.Л., Спасков А.Н., 2020, с. 134].

Идеальная модель «элементарного интеллекта» в квантовой монадологии

В направлении исследований квантовой природы сознания мы предлагаем новый альтернативный подход — квантовую монадологию, который объединяет квантовую теорию и метафизику Лейбница [Спасков А.Н., 2023с]. Основная идея заключается в том, что элементарная модель сознания строится на фундаментальном квантовом уровне в предположении, что квантовые объекты, обладающие элементарным физическим телом, являются в то же время и квантовыми субъектами или активными агентами, обладающими потенциальными предпосылками формирования психики.

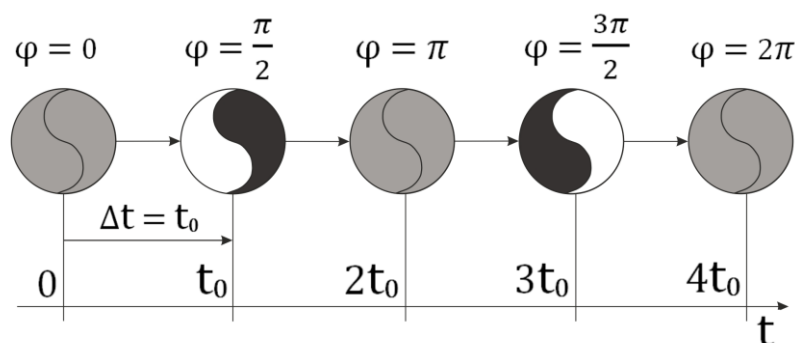
Согласно этой концепции, все элементы Вселенной обладают собственной субстанциональной активностью, поддерживающей их существование [Спасков А.Н., 2021]. Это означает, что их можно считать «простейшими живыми организмами», способными к «элементарной жизнедеятельности» и собственному воспроизводству по определенному информационному алгоритму. При этом «понимание жизни и сознания мы будем толковать в более расширительном смысле, выходящем за пределы способа существования белковых тел и особенностей человеческой психики» [Спасков А.Н., 2021, с. 71]. Вероятностный характер индетерминированного поведения квантовых частиц мы объясняем объективной случайностью и субъективной спонтанностью физического действия, которую можно интерпретировать как проявление «элементарной свободы воли», что позволяет говорить о самых предпосылках формирования психики и интеллекта (протосознания).

Фундаментальным принципом существования психофизических существ является интеллектуальная деятельность, включающая в себя способность «генерировать, передавать, воспринимать и перерабатывать» [Спасков А.Н., Козина О.А., 2016, с. 132] значимую для их жизнедеятельности информацию. Под «элементарным интеллектом» мы понимаем «интеллект квантовой монады», способный к интеллектуальной деятельности, в результате которой поддерживается и воспроизводится в «элементарном жизненном цикле» ее собственное существование в квантовой среде взаимодействующих с ней монад. Квантовая монада — это активный и не наблюдаемый непосредственно субъект, который «генерирует информацию в виде некоторых первичных структурных элементов и информационных паттернов, которые и воплощаются затем в физические объекты, воздействующие на наши органы чувств» [Спасков А.Н., Козина О.А., 2016, с. 132].

Предпосылки такого представления уже имеются, по мнению автора, в математическом формализме квантовой механики, где волновую функцию можно интерпретировать как прототип сознания квантовой монады, а наблюдаемые физические величины — как прототип физического тела, данного в феноменальном опыте монады. Внутреннее ментальное состояние монады и комплементарное ему физическое состояние мы описываем с помощью комплексной и комплексно-сопряженной волновой функции в модели расслоенного времени [Спасков А.Н., Карасевич А.О., 2019].

Для характеристики внутреннего состояния монады мы вводим понятие цветового заряда [Спасков А.Н., 2022]. Само понятие цвета в непрерывном диапазоне черно-белого спектра — это обозначение некоторого первичного, наиболее абстрактного качества, которое является прототипом всех других, более конкретных качеств. Будем считать, что любому физическому качеству и его субъективному восприятию соответствует некоторая динамическая информационная структура, построенная на основе двоичного информационного кода, соответствующего цветовому заряду в нашей модели.

Таким образом, монады в нашей модели — это точечные в математическом и физическом смысле субъекты-объекты, не имеющие протяженности. Но символически, как метафизические точки в терминологии Лейбница, мы изображаем их в нейтральном состоянии и в состоянии внутренней поляризации. «Жизнь» такой простейшей цветовой монады будет заключаться в изменении внутреннего состояния поляризации в непрерывном диапазоне между двумя противоположными состояниями, которые условно можно обозначить белым и черным цветом с мерой интенсивности, равной цветовому заряду $C = +1$ для белого цвета, и $C = -1$ — для черного цвета. Таким образом, течение времени для цветовой монады заключается в непрерывном изменении ее внутреннего состояния поляризации, которое составляет замкнутый «жизненный цикл». Промежуточное состояние в этом случае будет неопределенным и характеризуется серым цветом, что соответствует нулевому цветовому заряду $C = 0$.

«Жизненный цикл» квантовой монады
«Life cycle» of a quantum monad

На рисунке показана динамика изменения внутреннего состояния простейшей квантовой монады в зависимости от фазы внутреннего циклического времени. Полный цикл включает в себя четыре внутренние фазы, которые характеризуют состояния монады и соответствуют двум поляризованным и двум промежуточным состояниям. Сами монады — это точечные субъекты-объекты, не имеющие протяженности, но на рисунке они символически изображены в виде серого круга в нейтральном состоянии и в виде символа инь-ян в состоянии внутренней поляризации.

Полный цикл, характеризующий непрерывное изменение внутреннего состояния монады, включает в себя четыре фазы, которые соответствуют двум поляризованным и двум промежуточным состояниям. Будем считать, что монада пребывает в устойчивом и бесцветном состоянии, если ее полюса, образованные в результате внутренней дифференциации, подчиняются принципу динамической комплементарности:

Два цветовых полюса квантовой монады образуют нераздельную и динамически устойчивую связь, если они пребывают в состоянии суперпозиции в противоположных фазах и их суммарный цветовой заряд при любых внутренних изменениях монады остается инвариантным и равным нулю, что эквивалентно динамическому состоянию бесцветности монады.

Таким образом, монада своей собственной деятельностью внутри себя (самодействие) генерирует внутренний поток времени. Этот процесс можно описать как постоянный переход положительного цветового заряда ($C = +1$) и отрицательного цветового заряда ($C = -1$) из одного полюса в другой, при условии, что суммарный цветовой заряд монады всегда равен нулю (бесцветное состояние, обозначается серым цветом): $C = -1 + 1 = 0$.

Последовательность фаз задается изменением цветового заряда квантовой монады, которое сопровождается элементарным действием и поворотом на угол $\Delta\varphi = \pi/2$ в хрональном слое [Спасков А.Н., 2023б]. Таким образом, полный «жизненный цикл» простейшей квантовой монады будет соответствовать изменению фазы внутреннего состояния на угол $\varphi = 2\pi$ во внутреннем циклическом времени монады. Множество таких простейших и нелокально связанных

квантовых монад образуют в результате локализации на планковских масштабах локальную структуру реляционного физического пространства-времени [Спасков А.Н., 2023с].

Поставим теперь в соответствие цветовому заряду $C = +1$ собственную энергию квантовой монады $E = +E_0$. Тогда поток внутреннего времени в перцепции квантовой монады будет представлять собой волновой процесс взаимопревращения внутренней энергии. Энергия при этом трактуется как «жизненная сила», поддерживающая существование монады в течение «жизненного цикла», а изменение энергии генерирует изменение времени. Этот процесс представляет собой периодически воспроизводимый переход позитивной энергии ($+E_0$) и негативной энергии ($-E_0$) из одного полюса в другой, при условии, что суммарная внутренняя энергия монады всегда равна нулю: $E = -E_0 + E_0 = 0$. Это означает, что «монада действует на себя (самодействие) и воспринимает собственное действие одновременно, что можно трактовать как предельно элементарное самовосприятие и самосознание или, другими словами, элементарное чувство $Я$ квантовой монады» [Спасков А.Н., 2023а, с. 134].

Мы получили, таким образом, модель «элементарного интеллекта». «Элементарная мыследеятельность» квантовой монады означает, в данном случае, субстанциальную деятельность по воспроизводству собственного $Я$. Мыслить собственное $Я$ — значит материализовать собственное существование, т.е. воплощать идею $Я$ в материальное воплощение. И первое материальное воплощение квантовой монады — это возникновение (рождение) материальной частицы с определенной энергией E_0 и временем жизни, равным «жизненному циклу» монады $\Delta t = T = 4t_0$ в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга:

$$E_0 \times \Delta t = \sim \hbar/2,$$

где $\hbar$ — приведенная постоянная Планка.

Этот процесс можно интерпретировать как квантовое наблюдение, в результате которого квантовая монада получает «ощущение» собственной энергии. Таким образом, действие «элементарного интеллекта» эквивалентно действию оператора энергии на волновую функ-

цию в формализме квантовой механики, в результате которого получается собственное значение энергии. При этом элементарная интеллектуальная деятельность квантовой монады является субстанциальной основой ее материального существования как элементарной частицы с определенными физическими свойствами, воспроизводимыми в результате собственного квантового наблюдения (элементарного «чувства собственного Я»).

Таким образом, квантовая монада представляет собой простую субстанцию или «элементарный живой организм», который благодаря собственной субстанциальной деятельности поддерживает свое существование в течение элементарного «жизненного цикла» и воспроизводит свою «жизнедеятельность» как регенеративный процесс, представляющий собой упорядоченную последовательность ее «жизненных циклов». «Жизненный цикл» монады представляет собой упорядоченную последовательность фаз, соответствующих внутренним квантовым состояниям в комплементарном единстве с их внешним проявлением в феноменальном физическом мире. Это означает, что последовательность фаз воспроизводится как упорядоченная, в соответствии с определенным алгоритмом смена внутренних квантовых состояний монады в комплементарной связи «психического состояния» и физического тела, в соответствии с принципом психофизического единства.

Субстанциальное обоснование квантового дарвинизма

На основе простейшей идеальной модели квантовой монады мы надеемся далее построить модель квантового поведения и синергетического взаимодействия монад, образующих более сложные системы. При этом «индивидуальная психика» и элементарное тело квантовых монад находятся в комплементарном единстве и коэволюционно развиваются в процессе глобальной эволюции Вселенной в соответствии с принципом психофизического единства и концепцией квантового дарвинизма [Хертог Т., 2023].

Универсальность эволюционной концепции подтверждается, как считает Т. Хертог, тем, что на квантовом уровне метаэволюции ранней Вселенной работают те же принципы, которые

Ч. Дарвин открыл для эволюции биологической жизни на Земле [Хертог Т., 2023, с. 431].

Это означает, что действующие законы физики, которые традиционно считались неизменными базовыми принципами организации неживой природы, представляют собой на самом деле «ископаемые остатки древней эволюции». Эти законы, управляющие поведением квантовых частиц, возникают случайно на ранней стадии горячей Вселенной и закрепляются при ее остывании как «замороженный случай» в результате естественного отбора в квантовой среде различных вариантов квантового поведения и выживания наиболее приспособленных форм существования и алгоритмов воспроизводства и взаимодействия квантовых частиц.

По современным представлениям жизнь — это свойство организации материи, а фундаментальной организующей силой во Вселенной является энергия. При этом энергия в данной концепции действует первоначально вслепую и представляет по сути некую мистическую силу: «Стремление текущей энергии к упорядочению является совершенно естественным, но, что удивительно, концептуально оно не сильно отличается от старого понятия *élan vital* — “жизненной силы”, оживляющей неодушевленное» [Азарян Б., 2024, с. 35]. И лишь на более поздней стадии химической эволюции возникает такое качество организации материи, свойственное биологическим системам, как агентность: «Поток энергии создает агентов из неживой материи, организуя химические системы в автономные вычислительные системы» [Азарян Б., 2024, с. 35].

В нашей концепции квантовые монады изначально обладают агентностью. При этом агентность понимается как субстанциальное качество монады поддерживать собственное существование, независимое ни от каких внешних условий, в том числе и от внешнего потока энергии. Более того, сами условия физического существования монады, такие как пространство, время и энергия, генерируются в процессе собственной субстанциальной деятельности монады и ее синергетического взаимодействия с другими монадами.

Таким образом, мы можем объяснить не только целенаправленность биологической эволюции, следующей за предварительными этапами безагентной физической и химической эво-

люции, но и сам процесс глобальной эволюции Вселенной с момента ее возникновения. Это означает, что концепция квантового дарвинизма получает в квантовой монадологии свое естественное субстанциальное обоснование. Отсюда следуют, по нашему мнению, возможность разработки квантовой онтологии и перспектива построения на ее основе психофизической онтологии естественного интеллекта и сознания.

Заключение

По современным представлениям сознание — это своего рода эпифеномен, возникающий в результате нейронных процессов, происходящих в головном мозге человека. При таком подходе сознание редуцируется к физиологическим и, в конечном итоге, к физическим процессам. В квантовой монадологии сознание понимается как субстанциальное и, следовательно, как универсальное качество, присущее всем без исключения уровням организации материи. Таким образом, сами нейронные и физиологические процессы, происходящие в живом организме, а также разнообразные химические и физические процессы, происходящие в природе, которые, в свою очередь, являются разновидностью универсальных энергоинформационных процессов, являются результатом элементарной интеллектуальной деятельности активных элементарных существ — квантовых монад.

Аргумент декогеренции, который выдвигается против предположений о квантовой природе сознания, действительно справедлив, если ограничивать этот подход поиском материальных структур, работающих в квантово-когерентном режиме в мозге. Такие структуры, претендующие на роль функциональных носителей сознания, будут неустойчивы, т.к. мозг — это макроскопическая система, и квантовые состояния декогерируют, не оказывая, по всей видимости, влияния на нейронные процессы.

Но в квантовой монадологии этот аргумент не работает, т.к. мы рассматриваем сознание в расширенном толковании — как проявление элементарной интеллектуальной деятельности активных квантовых субъектов. Такой подход, с нашей точки зрения, позволяет рассматривать генезис жизни и сознания как коэволюционный процесс в рамках глобального космогенеза, начиная с момента возникновения Вселенной,

и, следовательно, открывает перспективу построения единой квантовой онтологии материи и сознания.

В общих чертах, не вдаваясь в детали, мы можем дать концептуальное описание глобальной физической эволюции ранней Вселенной следующим образом. С момента своего возникновения из первоначального сингулярного состояния простейшие квантовые монады моделируют и осуществляют свое квантовое (индивидуальное и коллективное) поведение и пробуют все возможные варианты взаимодействия и организации совместной деятельности. Затем происходит квантовый отбор и «выживают» при декогеренции наиболее оптимальные модели квантового поведения, которые позволяют извлекать из квантовой среды свободную энергию. Эти модели «выживают» в результате естественного отбора в квантовой среде (квантовый дарвинизм). Далее они «передаются по наследству» и «размножаются» в сообществе квантовых монад данного вида.

Эти «выжившие» и устоявшиеся модели квантового поведения закрепляются далее как безусловный алгоритм поведения (своего рода аналог безусловного рефлекса в квантовом мире). Этот алгоритм квантового поведения и становится далее физическим законом как результат метаэволюции на начальном этапе генезиса Вселенной. Например, так возникает вначале само пространство и время как реляционная сеть (подобная нейросети на планковских масштабах) нелокально и комплементарно связанных простейших монад [Спасков А.Н., 2023с].

Так возникают разные виды элементарных частиц — лептоны и кварки, и модели их квантового взаимодействия — гравитационного, электромагнитного, слабого и сильного. Эти модели или алгоритмы взаимодействия фундаментальных частиц (квантовых монад) и становятся на начальном этапе физической метаэволюции Вселенной фундаментальными физическими законами — гравитационного, электромагнитного, слабого и сильного взаимодействия, образующими незыблемый базис дальнейшей космологической эволюции.

Выражение признательности

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г23-049.

Acknowledgements

The work was carried out with the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, project No. G23-049.

Список литературы

Азарян Б. Романтика реальности. Как Вселенная самоорганизуется, порождая жизнь, сознание и сложность космоса / пер. с англ. М.А. Леоновича. М.: АСТ, 2024. 416 с.

Вулдридж Д. Механизмы мозга / пер. с англ. Ю.И. Лашкевича. М.: Мир, 1965. 344 с.

Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / пер. с лат., фр. и нем. Я.М. Боровского и др. М.: Мысль, 1982. 636 с.

Лосский Н.О. Мир как органическое целое. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахорова, 1917. 170 с.

Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / сост. А.П. Поляков. М.: Республика, 1995. 400 с.

Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. Т. 175, № 4. С. 413–435. DOI: <https://doi.org/10.3367/ufnr.0175.200504c.0413>

Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания — из квантовой реальности) / пер. с англ. В.М. Ваксмана. М.: ДМК Пресс, 2022. 320 с.

Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики / пер. с англ. под общ. ред. В.О. Малышенко. Изд. 3-е. М.: URSS, 2008. 400 с.

Симанов А.Л., Спасков А.Н. Квантовая основа сознания, или онтология психофизической квантовой реальности // Философия науки. 2020. № 1(84). С. 128–135. DOI: <https://doi.org/10.15372/ps20200108>

Спасков А.Н. Волновая концепция Я в квантовой монадологии // Интеллектуальная культура Беларуси: гуманитарная безопасность в условиях глобальных вызовов: материалы Седьмой междунар. науч. конф. (Минск, 16–17 ноября 2023 г.): в 2 т. / под ред. А.А. Лазаревича и др. Минск: Четыре четверти, 2023. Т. 2. С. 131–135.

Спасков А.Н. Классификация цветовых квантовых монад по принципу динамической комплементарности // Основания фундаментальной физики и математики: материалы VII Рос. конф. (Москва, 8–9 декабря 2023 г.) / под ред. Ю.С. Владимирова, В.А. Панчелюги. М.: Изд-во РУДН, 2023. С. 37–42.

Спасков А.Н. Концепция цветовой хроногеометрии // Основания фундаментальной физики и

математики: материалы VI Рос. конф. (Москва, 9–10 декабря 2022 г.) / под ред. Ю.С. Владимирова, В.А. Панчелюги. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 129–133.

Спасков А.Н. Нелокальная квантовая монадология на планковских масштабах // Третьи Степинские чтения. Перспективы философии науки в современную эпоху: материалы международной конференции (Москва, 20–23 июня 2023 г.) / отв. ред. В.А. Лекторский, В.Г. Буданов. Москва; Курск: Университетская книга, 2023. С. 234–238.

Спасков А.Н. Принципы субстанциально-информационной онтологии // Философские исследования: сб. науч. тр. / под ред. Т.И. Адуло и др.; Ин-т философии НАН Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2021. Вып. 8. С. 67–75.

Спасков А.Н., Карасевич А.О. Волновая природа ментального расслоенного времени // Когнитивные штудии: Эмерджентность и сложность, когнитивные практики: материалы VIII междунар. междисциплин. конф. (Минск, 16–18 мая 2019 г.) / под ред. А.П. Лобанова, Н.П. Радчиковой. Минск: Изд-во БГПУ им. М. Танка, 2019. Вып. 8. С. 74–81.

Спасков А.Н., Козина О.А. Философия и физика на пути к окончательной теории // Метафизика. 2016. № 2(20). С. 124–137.

Чалмерс Д.Дж. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В.В. Васильева. М.: УРСС: Либроком, 2013. 512 с.

Юлина Н.С. Гэнри Стэп: Квантовый интерактивный дуализм как альтернатива материализму // Проблема сознания в междисциплинарной перспективе: сб. докл. / под ред. В.А. Лекторского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. С. 99–122.

Хертмог Т. О происхождении времени. Последняя теория Стивена Хокинга / пер. с англ. К.Л. Масленникова. М.: Эксмо, 2023. 496 с.

Zurek W.H. Quantum Darwinism // Nature Physics. 2009. Vol. 5, no. 3. P. 181–188. DOI: <https://doi.org/10.1038/nphys1202>

References

Azaryan, B. (2024). *Romantika real'nosti. Kak Vselennaya samoorganizuetsya, porozhdaya zhizn', soznanie i slozhnost' kosmosa* [The romance of reality: How the Universe organizes itself to create life, consciousness, and cosmic complexity]. Moscow: AST Publ., 416 p.

Chalmers, D.J. (2013). *Soznayuschiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii* [Conscious mind: In

search of a fundamental theory]. Moscow: URSS, Librokom Publ., 512 p.

Hertog, T. (2023). *O proiskhozhdenii vremeni. Poslednyaya teoriya Stivena Khokinga* [On the origin of time: Stephen Hawking's Final Theory]. Moscow: Eksmo Publ., 496 p.

Leibniz, G.W. (1982). *Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 1* [Works in four vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 636 p.

Lossky, N.O. (1917). *Mir kak organicheskoe tseloe* [The world as an organic whole]. Moscow: G.A. Leman & S.I. Sakhorov Publ., 170 p.

Lossky, N.O. (1995). *Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuitsiya* [Sensual, intellectual and mystical intuition]. Moscow: Respublika Publ., 400 p.

Menskiy, M.B. (2005). [The concept of consciousness in the context of quantum mechanics]. *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Advances in Physical Sciences]. Vol. 175, no. 4, pp. 413–435. DOI: <https://doi.org/10.3367/ufnr.0175.200504c.0413>

Menskiy, M.B. (2022). *Soznanie i kvantovaya mekhanika. Zhizn' v parallel'nykh mirakh (Chudesnye soznaniya — iz kvantovoy real'nosti)* [Consciousness and quantum mechanics. Life in parallel worlds (Miracles of consciousness — from quantum reality)]. Moscow: DMK Press, 320 p.

Penrose, R. (2008). *Novyy um korolya: O komp'yuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki* [The emperor's new mind: Concerning computers, minds and the laws of physics]. Moscow: URSS Publ., 400 p.

Simanov, A.L. and Spaskov, A.N. (2020). [Quantum basis of consciousness, or ontology of psychophysical quantum reality]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. No. 1(84), pp. 128–135. DOI: <https://doi.org/10.15372/ps20200108>

Spaskov, A.N. (2021). [Principles of substantial-informational ontology]. *Filosofskiye issledovaniya: sb. nauch. tr., pod red. T.I. Adulo i dr.* [T.I. Adulo et al. (eds.) Philosophical Research: collect. of scientific papers]. Institute of Philosophy NASB. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., iss. 8, pp. 67–75.

Spaskov, A.N. (2022). [The concept of color chrono-geometry]. *Osnovaniya fundamental'noy fiziki i matematiki: materialy VI Rossiyskoy konferentsii (Moskva, 9–10 dekabrya 2022 g.)* [Foundations of Fundamental Physics and Mathematics: Proceedings of the 6th Russian Conference (Moscow, Dec. 9–10, 2022)]. Moscow: RUDN Publ., pp. 129–133.

Spaskov, A.N. (2023). [Classification of color quantum monads according to the principle of dynamic complementarity]. *Osnovaniya fundamen-*

tal'noy fiziki i matematiki: materialy VII Rossiyskoy konferentsii (Moskva, 8–9 dekabrya 2023 g.) [Foundations of Fundamental Physics and Mathematics: Proceedings of the 7th Russian Conference (Moscow, Dec. 8–9, 2023)]. Moscow: RUDN Publ., pp. 37–42.

Spaskov, A.N. (2023). [Nonlocal quantum monadology at Planck scales]. *Tret'i Stepinskije chteniya. Perspektivy filosofii nauki v sovremennuyu epokhu: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Moskva, 20–23 iyunya 2023 g.)* [Third Stepin Readings. Prospects of Philosophy of Science in the Modern Era: Proceedings of the International Conference (Moscow, Jun. 20–23, 2023)]. Moscow: Universitetskaya Kniga Publ., pp. 234–238.

Spaskov, A.N. (2023). [Wave concept of I in quantum monadology]. *Intellektual'naya kul'tura Belarusi: gumanitarnaya bezopasnost' v usloviyakh global'nykh vyzovov: materialy Sed'moy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Minsk, 16–17 noyabrya 2023 g.): v 2 t.* [Intellectual Culture of Belarus: Humanitarian Security in the Context of Global Challenges: Proceedings of the 7th International Scientific Conference (Minsk, Nov. 16–17, 2023): in 2 vols]. Minsk: Chetyre Chetverti Publ., vol. 2, pp. 131–135.

Spaskov, A.N. and Karasevich, A.O. (2019). [The wave nature of mental stratified time]. *Kognitivnye shtudii: Emerdzhentnost' i slozhnost', kognitivnye praktiki: materialy VIII mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii (Minsk, 16–18 maya 2019 g.)* [Cognitive Studies: Emergence and Complexity, Cognitive Practices: Proceedings of the 8th International Interdisciplinary Conference (Minsk, May 16–18, 2019)]. Minsk: BSPU Publ., iss. 8, pp. 74–81.

Spaskov, A.N. and Kozina, O.A. (2016). [Philosophy and physics on the way to the final theory]. *Metafizika* [Metaphysics]. No. 2(20), pp. 124–137.

Wooldridge, D. (1965). *Mekhanizmy mozga* [The machinery of the brain]. Moscow: Mir Publ., 344 p.

Yulina, N.S. (2014). [Henry Step: Quantum interactive dualism as an alternative to materialism]. *Problema soznaniya v mezhdistsiplinarnoy perspektive: sb. dokladov, pod red. V.A. Lektorskogo* [V.A. Lektorsky (ed.) The problem of consciousness in an interdisciplinary perspective: collection of reports]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 99–122.

Zurek, W.H. (2009). Quantum Darwinism. *Nature Physics*. Vol. 5, no. 3, pp. 181–188. DOI: <https://doi.org/10.1038/nphys1202>

Об авторе

Спасков Александр Николаевич

кандидат философских наук, доцент,
заведующий отделом теории познания
и методологии науки

Институт философии Национальной
академии наук Беларуси,
Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1/2;
e-mail: spaskov.a@mail.ru
ResearcherID: LBG-9319-2024

About the author

Alexander N. Spaskov

Candidate of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Theory of Knowledge
and Methodology of Science

Institute of Philosophy of the National Academy
of Sciences of Belarus,
1/2, Surganov st., Minsk, 220072, Republic of Belarus;
e-mail: spaskov.a@mail.ru
ResearcherID: LBG-9319-2024

УДК 165.12:004.89

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327>

EDN: OHSVIP

Поступила: 26.02.2024

Принята: 29.06.2024

Опубликована: 03.10.2024

ИСКУССТВЕННЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И ПРОБЛЕМА ОПЫТА

*Биричева Екатерина Вячеславовна**Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург)*

Разработка, внедрение и дальнейшее совершенствование систем искусственного интеллекта (ИИ) тесно связаны с проблемой опыта. Такие системы, в отличие от программ как замкнутых алгоритмов, взаимодействуют с внешней по отношению к ним средой и могут вносить в нее изменения на практике. В связи с этим современный дискурс приписывает искусственным агентам «способности», «обучаемость», «принятие решений» и т.п. Однако насколько правомерно экстраполировать на искусственные интеллектуальные системы (ИИС) смысл феноменов, характерных для живых существ? Способна ли машина действительно усваивать опыт, научиться и принимать решения? Поиск ответов на подобные вопросы побуждает к раскрытию понятия опыта, его структуры и специфики его получения живыми существами. Ввиду неоднозначности самого этого понятия продуктивным оказывается применение феноменологического подхода, позволяющего не только прояснить сущностные черты опыта, но и исследовать его многомерные связи с практикой, памятью, воображением, волей, постановкой и достижением целей. Разбор конкретных примеров также помогает оценить аналоги данных компонентов для искусственных агентов и систематизировать проблемы, возникающие при дальнейшем совершенствовании ИИС. Представленные результаты показывают, что понятие опыта в строгом смысле слова неприменимо к ныне функционирующим «слабым/узким» ИИ, тем не менее возможность моделирования данного феномена открыта в рамках будущих разработок «сильного/общего» ИИ. В заключении приводятся выводы о том, какие факторы необходимо учесть и воплотить в ходе создания ИИС, которые были бы способны к переживанию опыта и осознанной практической деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальные системы, понятие опыта, априорные формы, практика, квалиа, память, воля.

Для цитирования:

Биричева Е.В. Искусственные интеллектуальные системы и проблема опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 317–327. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327>. EDN: OHSVIP

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327>

Received: 26.02.2024

Accepted: 29.06.2024

Published: 03.10.2024

ARTIFICIAL INTELLIGENT SYSTEMS AND THE PROBLEM OF EXPERIENCE

*Ekaterina V. Biricheva**Institute for Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)*

The development, implementation, and further improvement of artificial intelligence (AI) systems tend to be related to the problem of experience. Unlike programs as closed algorithms, such systems interact with

the environment and are able to change it in practice. Thus, contemporary discourse appears to ascribe «abilities», «learning skills», «decision-making», etc. to artificial agents. However, is it correct to extrapolate to artificial intelligent systems (AIS) the sense of phenomena characteristic of living beings? Is a machine truly able to gain experience, learn, and make decisions? The search for answers to such questions encourages investigation into the category of experience, its structure, and its gaining by living beings. Due to the ambiguity of this category itself, the use of the phenomenological approach seems to be the most productive. It allows us not only to clarify the essential features of experience but also to explore its multidimensional connections with practice, memory, imagination, will, setting and achieving goals. An analysis of specific examples also helps in evaluating analogues of these components for artificial agents and in systematizing problems that arise with further improvement of AIS. The presented results show that the category of experience, in the strict sense of the word, is not applicable to the currently functioning «weak/narrow» AI. However, the possibility of modeling this phenomenon seems to be open within the framework of future developments of «strong/general» AI. In conclusion, the reader may find factors that should be taken into account and implemented when creating AIS that would be able to gain experience and to carry out conscious practical activity.

Keywords: artificial intelligence, intelligent systems, category of experience, a priori forms, practice, qualia, memory, will.

To cite:

Biricheva E.V. [Artificial intelligent systems and the problem of experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 317–327 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327>, EDN: OHSVIP

Введение

Искусственные интеллектуальные системы (ИИС) все активнее внедряются в практику во всех смыслах этого слова. Речь не только об изменениях, вносимых в эмпирическую реальность, будь то генерация новых «произведений», «умная» автоматизация производства или беспилотное управление. По меткому замечанию П. Вирно, «праксис» как выбор/поступок в сфере публичного (или политического) действия сегодня неразделимо переплетается с «общим интеллектом» [Вирно П., 2013, с. 73–74]. На этом основании при работе с большими данными «принятие решений» начинают делегировать искусственным агентам, что, однако, вызывает беспокойство (экзистенциальное [Арендт Х., 2000, с. 10] и этическое [Луньков А.С., 2020]), порождая также потребность в определении юридического статуса ИИС, зон ответственности и т.д. [Лаптев В.А., 2019]. Алармистские настроения указывают на непроясненность беспокоящих тенденций, поэтому подобные опасения необходимо преодолевать, опираясь на разбор лежащих в основании феноменов — в данном случае, практики и опыта. Философский анализ этих понятий также подготавливает надежную базу для разработки кон-

кретных мер этического и юридического регулирования ИИС. Так, прежде всего, необходимо исследовать структуру практического действия (в разных смыслах), приобретения опыта и его сущностные черты, характерные для живых систем, сделав также выводы о применимости данных понятий к системам искусственного интеллекта (ИИ).

Оставляя за рамками данной работы споры об определении самого ИИ, возьмем наиболее широкий смысл любой технически созданной системы, способной выполнять мыслительные операции. Распознавание и обобщение (визуальной, звуковой, символьной и др. информации) выполняются т.н. «узкими» (англ. **narrow**) или «слабыми» ИИС, которые уже повсеместно внедрены в виде чат-ботов, голосовых помощников, сканеров лиц, генераторов изображений и т.п. [Георгиу Т.С., 2022, с. 35]. «Общий» (англ. **general**) или «сильный» ИИ, способный к самостоятельной постановке и выполнению разноплановых задач, подлинному творчеству и самосознанию специалисты надеются создать в будущем [Витяев Е.Е. и др., 2020, с. 7]. В области разработки «общего/сильного» ИИ дискуссионными остаются вопросы связи «сознание–тело», моделирования творческих функций, возможности наделения машин волей и т.д.

[Биричев Е.В., 2020а; Биричева Е.В., Стерхов Е.В., 2019; Георгиу Т.С., 2022]. Ключевым моментом, их объединяющим, также представляется проблема опыта, без которого невозможны креативные способности, обучение, достижение сложных целей на практике [Витяев Е.Е. и др., 2020], самость и субъектность искусственных агентов [Турко Д.С., 2021].

В современном дискурсе как «слабый», так и «сильный» ИИ наделяются возможностями получения опыта, совершения выбора, обучения и т.п. Это происходит, поскольку, в отличие от программы как замкнутого алгоритма, ИИС (например, нейросеть из перцептронов) является открытой, сообщаясь с внешней для нее средой [Новиков Н.Б., 2023, с. 116]. Так возникает интенция говорить о некотором *опыте* имени дела с этой средой, который может быть эвристичен, поскольку сама перцептронная математическая модель не содержит образцов результата, критериев его правильности/неправильности [Витяев Е.Е. и др., 2020, с. 8]. Однако в этом случае не избежать ряда вопросов. Можно ли применительно к имеющимся ИИС говорить о феномене опыта? Каков генезис критериев его успешности (усвоенности)? Чем отличается опыт живых организмов и человека? В каком смысле машина может «принимать решение» и совершать «практическое действие»? Какие проблемы следует решить на пути создания универсальных ИИС, способных выполнять разноплановые задачи и «дообучаться» новому? В статье предпринимается попытка систематизировать данные проблемы, уточнив границы феномена опыта и обратив внимание на его связь с практикой, волей, вниманием, целеполаганием, воображением и памятью.

1. Два смысла понятия практики

В обыденном словоупотреблении «практика» и «опыт» используются как синонимы, хотя первое наделено более объективным значением, в то время как второе характеризует скорее деятельность субъекта «изнутри» его индивидуальной ситуации. В таком смысле, с одной стороны, безусловно, транспортное средство с автопилотом на ИИ объективно осуществляет действия «на практике» (движется). Однако правомерно ли по внешним параметрам приписывать искусственному агенту формирование

«опыта» вождения? Если такая система анализирует данные о своем перемещении, включает в выборку новые ситуации и на основе этого оптимизирует свою работу, то, согласно известным аргументам «китайской комнаты» и «философского зомби» [Георгиу Т.С., 2022, с. 37–38, 40–41], это вовсе не означает, что машина понимает и переживает, т.е. имеет полноценный опыт. С другой стороны, практика в широком смысле противопоставляется теории, опыт же может затрагивать не только физическую реальность, но и пространство воображения. Например, говорят об опыте эстетического переживания или о получении навыков решения математических задач, которые могут иметь место целиком «в голове», ничего не преобразуя «на практике». В связи с этим некоторые исследователи полагают, что «машина может обладать умениями, но не может обладать знанием, и это хорошая причина считать, что именно здесь и кроется отличительное метафизическое свойство человеческого разума» [Дёмин Т.С., Фролов К.Г., 2023, с. 106]. Если же сопоставлять искусственный интеллект с естественным не только человеческим, то можно заметить, что животные тоже не обладают знанием (по крайней мере, в смысле отрефлексированной информации), но очевидно получают опыт и научаются, в отличие от машин, нечто при этом *испытывая*. Таким образом, на наш взгляд, переживание одушевленного существа свидетельствует об опыте (хотя может не проявляться во внешней реальности), в то время как практическим в широком смысле можно назвать лишь действие, проявления которого можно объективно зарегистрировать по материальным коррелятам.

В узком (аристотелевском) значении «практическое действие» как *поступок* или *социально-политический выбор* характерно только для взрослого человека, этического существа. В этом смысле понятие «праксиса» неприменимо ни к жизни других живых существ, ни к действиям искусственных агентов, если у них не развиты самосознание и совесть. На данный момент системы «узкого» ИИ не способны совершать экзистенциальный и этический выбор (в т.ч. по причине отсутствия такого иррационального компонента, как воля), однако логический выбор они могут осуществлять вполне эффективно (хотя и при условии заданности кри-

териев отбора) [Биричева Е.В., 2020b, с. 93]. Скажем, навигационная система просчитывает различные возможные маршруты, предлагая один в качестве предпочтительного, поскольку ей задан критерий минимального времени, затрачиваемого на дорогу. В случае человекообразных задач «узкий» ИИ способен предложить набор вероятных решений, дальнейший выбор из которых (или альтернативный выбор вопреки логически просчитанному) должен осуществляться на уровне *полноты экзистенции*. Когда молодой человек использует «умный поиск» для подбора невесты на основании информации из профилей девушек, экзистенциальный выбор он совершает все равно «на свой страх и риск» по итогам реального знакомства с претендентками, т.е. на основании опыта переживания личного контакта. Поступок, в отличие от просто действия, осуществляется *перед лицом Другого*: во-первых, себя как другого, мыслящего, смотрящего «со стороны» на свое «я» (т.е. имеющего самосознание); во-вторых, в свете понимания самостоятельности других и наличия у каждого человека «внутреннего» мира, неприступного для «я» (т.е. в свете корреляции с другими посредством совести). Этический выбор также нагружен конкретикой обстоятельств, которая к тому же парадоксальным образом должна быть осмыслена в горизонте мира в целом со всем «возможным» и «невероятным». Поэтому его невозможно перевести в плоскость логических вычислений, всегда ограниченных конечной выборкой и находящихся «по ту сторону» универсальных критериев. Ниже еще вернемся к данным аспектам и подробнее их поясним на конкретных примерах, здесь же подытожим: «узкий/слабый» ИИ в отсутствие воли, самосознания и совести не выходит на уровень этического и экзистенциального выбора (т.е. «практического действия» в смысле «поступка»); его использование возможно лишь в качестве инструмента, применение же во благо или во зло оказывается целиком в области ответственности людей (создателей, обладателей и пользователей таких систем) [Лаптев В.А., 2019, с. 92, 99].

2. Понятие опыта

Исследование проблем опыта имеет огромную философскую традицию от платоновского «припоминания» эйдосов до попыток спекулятивных реалистов выйти из «корреляционного

круга». При этом нельзя сказать, что за 2500 лет значение самого этого понятия прояснилось. Как пишет Х.-Г. Гадамер, «понятие опыта относится..., — как бы парадоксально это ни звучало, — к числу наименее ясных понятий, какими мы располагаем» [Гадамер Х.-Г., 1988, с. 409]. Разработчик философской герменевтики также воздерживается от однозначной формулировки, тем не менее выделяя такие свойства опыта, как его телеологичность [Гадамер Х.-Г., 1988, с. 412], накапливаемость в повторении и историчность [Гадамер Х.-Г., 1988, с. 413–415], «негативность» в плане снятия ложных представлений [Гадамер Х.-Г., 1988, с. 416–418], участность и открытость новому тому, кого называют опытным [Гадамер Х.-Г., 1988, с. 418–421]. Безусловно, в литературе масса дефиниций, большинство из которых предлагают понимать под опытом совокупность знаний, умений, навыков, полученных субъектом в процессе взаимодействия с реальностью, а также в ходе внутренних переживаний, т.е. к опыту могут относить как чувственные восприятия, так и психическую деятельность человека (см., напр., [Лекторский В.А., 2010]). Однако возникают вопросы: действительно ли опытом являются «знания, умения, навыки», все ли переживания становятся опытом, остается ли опытом забытое? Кроме того, могут ли получать опыт не только взрослые люди, но и «неразумные» дети, животные, растения и, возможно, машины?

Для прояснения этих моментов обратимся к этимологии. Др.-греч. *ἐμπειρία* переводится как «опыт, практика, умение»; лат. *experiri*, «пробовать, испытывать» составляется из приставки *ex-*, «вне», и корня, означающего «изведывать» (от праиндоевроп. **per-*, «вести, проводить»); в русском языке *опыт* происходит от праслав. **pytati* – «спрашивать, мучить, пробовать». Так, наиболее общими аспектами опыта, выражаемыми однокоренными словами, являются «попытки» (нечто опробовать, в чем-то убедиться), «испытывание» и «выпытывание» [Радеев А.Е., 2016, с. 58–60]. Эти моменты предполагают *активную позицию* и движение *воли*: решимость на пробу и моделирование способов ее осуществления; испытание (на себе) как «участное переживание» (т.е. «впускание» в себя — не пассивное состояние, а акт, требующий усилий принятия и внимания); постановка

вопроса, конструирование условий для переживания ответа на запрос при испытывании. Так, получение любого опыта, запланированного или неожиданного (при внезапной встрече с новым), возможно только для *самостоятельных* акторов, способных хотеть, желать, стремиться, проявлять волю *сами*, без прямого принуждения извне, а также действовать вопреки принуждению.

К обозначенным трем составляющим необходимо добавить и четвертый обязательный аспект, благодаря которому попытки, испытывание и испытывание становятся опытом, — это *запоминание* и, соответственно, актуализация в нужный момент. Если индивид получил из действительности представление о чем-то или развил какое-то умение, но забыл и не смог воспроизвести, то вряд ли в этом случае можно говорить о том, что у него есть опыт в данной сфере. К примеру, человек в юности учился играть на гитаре, но долгие годы не брал инструмент в руки. Ему дадут гитару и скажут: «Играй», — он сходу не сможет, в лучшем случае вспомнит общие моменты (что нужно определенным образом ставить пальцы одной руки, прижимая струны к ладам, а второй «бить» по струнам, извлекая нужные звуки, и т.д.). Однако он может даже не вспомнить аккорды, а для того, чтобы сыграть, придется заново натренировать пальцы, скоординировать движения и слух. Безусловно, не все запомненное можно назвать опытом: та же память о прошедшем обучении не обязательно означает возможность актуализации бывшего опыта. В целом, имение знаний не гарантирует практического освоения того, о чем получены теоретические представления. Скажем, кто-то может глубоко изучить теорию катания на сноуборде, но на деле он окажется неопытным, пока не встанет на доску и не научится телом управлять движением на ней. Возможны и знания о том, о чем принципиально не может быть опыта (например, о фантастических мирах, религиозных сущностях, метафизических основаниях).

Сама *память* живых существ является непростым и не вполне изученным феноменом. По крайней мере, реальная память далека от того, что этим словом называют применительно к носителям информации в машинах. В «Исповеди» Св. Августина есть примечательный отрывок, в котором мыслитель глубоко и много-

гранно исследует специфику памяти [Августин, 1991, с. 242–262], показывая, что память каждого существа кажется хранилищем содержаний лишь по видимости. Скорее она представляет собой набор зафиксированных «ходов» доступа к представлениям, о которых индивид убедился в прошлом (любым способом — от личного контакта с предметом и физического переживания до абстрактного логического доказательства и веры). Привязка содержаний памяти к материальным носителям, например, нейронам, означала бы крайне ограниченный объем памяти, которая бы терялась при отмирании клеток и в которой при нехватке места информация стиралась бы без остатка. Тем не менее мы, даже если забываем, способны восстановить представление, если нам напомнят или мы сами совершим усилие. Удивляясь способностям памяти, Августин пишет: «Велика она, эта сила памяти, Господи, слишком велика!.. И, однако, это сила моего ума, она свойственна моей природе, но я сам не могу полностью вместить себя. Ум тесен, чтобы овладеть собой же» [Августин, 1991, с. 245]. Так, уникальная память скорее не склад представлений в голове, а умение выстроить свою систему обращения к хранимому, ориентироваться и находить нужное.

Если проводить компьютерные аналогии, то память живых существ больше похожа на поисковую систему, обращающуюся к общему серверу (или облачному хранилищу), чем на носитель информации. Этот «общий сервер» (или «облачное хранилище») — пространство Воображаемого. Многие указывают на изоморфность с воображаемыми структурами образов, к которым обращается память. Вспоминая о своих ощущениях, настроениях, эмоциях, мы не переживаем их заново, а как бы дистанцировано рассматриваем представления о них [Августин, 1991, с. 244, 249–252]. Эмпириокритик Э. Мах замечает, что «невозможно провести абсолютно резкой границы между воспоминанием и фантазией... всякое припоминание есть “смесь действительности с фантазией”». С другой стороны, в фантастических представлениях большей частью можно доказать присутствие элементов воспоминания» [Мах Э., 2003, с. 166]. Соответственно, сами представления как виды, формы, образы содержатся в Воображаемом и являются материалом для мысленного созерцания как то-

го, с чем индивид имел дело, так и того, что можно представить независимо от его реальной жизненной истории (несуществующие вещи или связи, предположения о будущем и т.д.). Припоминание требует усилия и некоторого поиска в этом воображаемом пространстве [Августин, 1991, с. 243, 247], которое не находится в голове индивида, но в которое, если воспользоваться метафорой М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, как в «сферу», индивид может входить или «впадать».

Таким образом, на основе контакта с действительностью и переживания психических и мыслительных процессов индивиды формируют ассоциации. Устойчивые связи закрепляются благодаря либо сильному единичному впечатлению, либо многократному повторению. Если эти связи периодически актуализируются, т.е. воспроизводятся ходы мысли, представления, движения тела, то можно говорить о формировании опыта. Если определять просто, то опыт — не что иное как *постоянно обновляемое освоение индивида в общих пространствах*; если развернуто, то это *актуализируемые в настоящем, закреплённые и пересматриваемые (уточняемые, перезакрепляемые) связи реально имевших место в индивидуальном прошлом (1) проявлений активности (в т.ч. внимания), (2) отклика на них (внутреннего и/или окружающих предметов, существ, явлений) и (3) оценки состояний, при этом переживаемых*. Так, становится очевидно, что опыт каждого уникален, поэтому его не передать, однако, показав нечто (в т.ч. словами), можно приобщить к своему опыту; существа способны иметь сходный опыт — одинаковый по форме связей, — но различающийся «локацией» (индивидуальным переживанием тех же ощущений, состояний, мыслей). Тогда опыт является не знанием, умением, переживанием, но более простым: *открытым примериванием себя к миру и собственному внутримирному бытию*. Несомненно, в результате опыта могут быть получены знания, умения и т.д., однако отождествлять их с опытом представляется не совсем корректным, поскольку они являются продуктом синтеза опыта и внеопытного (критериев успешности и «условий понятности» осваиваемого).

3. Опыт и целеполагание

Интересно в этом ракурсе рассмотреть целеполагание, которым нередко наделяется феномен опыта, и по отношению к которому уже имеющийся опыт часто кажется материалом. С одной стороны, перед живыми организмами не всегда стоит задача получения опыта. Животное может быть занято каким-то своим вполне привычным делом, однако изменение окружающих обстоятельств или появление других существ могут обратить на себя внимание и подарить новый опыт. В этом случае, если уместно говорить о цели извлечения опыта, то она в качестве возможности неотъемлемо *встроена* в самостоятельных акторов, т.е. если такая цель и есть, то она безусловна (сопутствует жизни независимо от условий). Другими словами, существа живут не ради получения максимума опыта, однако возможность его получать всегда открыта, поскольку активность в реальности автоматически означает для них постоянное закрепление уже освоенных практик и освоение незнакомого. К примеру, ребенок бежал, играл и вдруг начал мотать головой или с удивлением «изучать» какой-то совершенно, казалось бы, привычный предмет. Это происходит «низачем» и «нипочему»; мы огрубим феномен, если припишем ему задачи «познания» окружающих вещей или своего тела. По крайней мере, сделать это можно лишь задним числом, сам же опыт начинается *вдруг*, а цель его получения *всегда уже* поставлена. С этим неотъемлемо связано *обращение внимания*: в одних и тех же условиях разные существа даже одного вида могут придать или не придать значение тем или иным предметам, сигналам, событиям (одного кота заинтересовала новая вещь, к которой у другого может не проявиться ни малейшего интереса). Следовательно, в зависимости от *интереса*, если обстоятельства оставляют выбор, и живые существа могут в пределах *выбирать*, получать конкретный опыт или нет. Для человека в силу развитости воображения и осознания своей конечности это особенно заметно при расстановке приоритетов для профессиональных занятий, хобби и другого времяпрепровождения, когда он отказывает себе в получении одного вида опыта в пользу другого. На самом же деле у всех существ имеет место пе-

реключение внимания и иерархизация направлений получения опыта.

С другой стороны, некоторые разработчики ИИС точно подмечают *парадокс цели*: «Процесс достижения цели (как и процесс решения задачи), являясь целенаправленной деятельностью, в то же время принципиально не содержит знание о том, как, где и когда можно достичь цели» [Витяев Е.Е. и др., 2020, с. 10]. Если цель осуществляется впервые, то даже «знание желания», например, утолить жажду, не обязательно будет содержать знание о том, чем и как его удовлетворить, что для этого нужно сделать [Витяев Е.Е. и др., 2020, с. 9]. Этот пример показывает, что, во-первых, *цели не возникают из предшествующего опыта* самого по себе (хотя, безусловно, могут корректироваться и уточняться в опоре на него). Во-вторых, для того, чтобы опыт стал таковым, *до него (априори)* актер должен располагать *критерием его успешности* — чтобы, пробуя (особенно впервые), понять, получилось или нет. Таким образом, опыт тесно связан с лежащими вне его априорными формами, помогающими различать «то» и «не то»: нужное/ненужное, хорошее/плохое, достаточное/недостаточное и т.п. Данные критерии берутся *не из простого восприятия качеств предметов* (цветов, звуков, запахов, вкусов и т.д.), поскольку одни и те же качества способны на различных предметах или от одного объекта в разных условиях оказываться маркерами как опасного, так и жизненно важного (например, окраска ядовитых насекомых совпадает с цветом питательных ягод). Важен максимально широкий контекст других ассоциаций, в которые постоянно вписываются связи нового единичного, уточняющие предыдущие, уже сложившиеся паттерны. Хотя это может показаться противоречащим учению И. Канта, здесь очевидным становится, что априорные критерии используются всеми известными живыми существами, в т.ч. растениями, иначе они не имели бы возможности не только ориентироваться в текущих условиях, но и приспосабливаться к изменениям. Кроме того, не будь у биологических существ внеопытных ориентиров (к которым в т.ч. память привязывает встреченное в реальности), не возникало бы никакого обобщения для распознавания «знакомых» и «незнакомых». В реальности происходят встречи всегда с рядами единичных уникальных предметов и явлений, и в

противном случае существа реагировали бы на все каждый раз как на новое, терялись бы перед тем, с какими подобными условиями, предметами, веществами и т.д. они уже сталкивались.

4. Проблема критериев

Обозначенные моменты выводят к проблемам чисто индуктивного пути познания, квалиа и критериев истинности [Георгиу Т.С., 2022, с. 38–41; Новиков Н.Б., 2023, с. 114–116; Поппер К., 1983, с. 254–264]. В них сейчас особенно заметно упирается развитие «узкого/слабого» ИИ: на основе лишь полученных единичностей (фактов, описаний случаев, изображений и т.д.) без критериев различения можно прийти к неправильным решениям, составить ложные представления, испортить уже успешно получающееся. Это иллюстрируют, например, случаи с «предвзятостью» судебных экспертных систем [Бахтеев Д.В., Тарасова Л.В., 2020]; «нейро-инцест» генеративных ИИС, которые начинают обучаться на обильном интернет-контенте от других нейросетей (не только на оригинальных изображениях/видео от пользователей), соответственно, снижая качество новых работ [Shumailov I. et al., 2023]; недавние феномены «обучения» чат-ботов пользователями ненормативной лексике, расизму, буллингу; ложные ответы ChatGPT-4 на запросы о фактической информации (исторических событиях, личностях) и т.д. Такие проблемы связаны прежде всего с тем, что даже огромный массив данных, на которых обучается нейросеть, конечен и, следовательно, не может вместить в себя абсолютно все случаи, в т.ч. те, каких еще не было (классическая проблема индуктивного пути познания, маркируемая метафорой «черного лебедя»). Кроме того, если к достоверной информации или репрезентативной выборке примешивается по тем или иным причинам недостоверное или лишнее, то система, не обладая критерием отбора, будет ухудшать результаты своей деятельности (решения, изображения, текст и т.д.). Соответственно, если даже ИИС способна максимально качественно обобщать и систематизировать имеющееся, она не умеет отсекавать ненужное и самостоятельно выходить за границы данного. Последние — фундаментальные свойства живых существ; «творчество» же современных «узких» ИИС ограничивается комбинированием известных им блоков ин-

формации без различения продуктивных и непродуктивных элементов.

Парадокс регулировки таких систем заключается в том, что, с одной стороны, им необходимы критерии отбора правильного/неправильного, однако невозможно сформулировать *универсальные критерии* из самих данных (множества которых конечны), а с другой — если такие критерии навязаны извне (запрограммированы человеком), то это однозначно захлопывает ИИС дверь к самостоятельности и подлинной эвристичности. Безусловно, существа также используют для обобщения опыта индукцию, обобщая, собственно, только то, с чем имели дело, и ни одно из них не застраховано от ошибок. Однако различие заключается в том, что примеривающийся к миру живой организм *сам* способен распознать неудачу и исправиться, учесть в т.ч. негативный опыт. Естественно, совершается ошибок достаточно много, неуспех приспособления приводит к вымиранию целых видов, исторически люди в ходе познания нередко заблуждались, платя за это здоровьем, жизнью и т.д. Как замечает Э. Мах, «познание и заблуждение вытекают из одних и тех же психических источников; только успех может разделить их. Ясно распознанное заблуждение является в качестве корректива в такой же мере элементом, содействующим познанию, как и положительное знание» [Мах Э., 2003, с. 134–135]. Спасает от ошибок целенаправленное многократное повторение и рассмотрение опыта [Мах Э., 2003, с. 142], фундаментом которого является внимание [Мах Э., 2003, с. 135]. Существа как бы априори «знают» о том, что могут ошибиться и склонны перепроверять; наконец, они наблюдают за сородичами и способны в т.ч. учитывать их опыт (как позитивный, так и негативный). У ИИС же на данном этапе их разработки внеопытных критериев нет, и сами они не расширяют себе поле возможного опыта за пределы запланированных задач. Если нейросеть плохо «обучилась», человек возвращает ее на «дообучение», изменяя или расширяя выборку (например, сам обращает внимание генеративной сети на прорисовку зубов, конечностей, пальцев и т.д., с которыми у таких ИИС были поначалу серьезные проблемы).

Препятствие в этом плане также в том, что *ИИС имеет дело не с миром в целом*, а с блоками информации, будь то набор изображений,

случаев словоупотребления или количественных данных о звуковых колебаниях, температуре среды, длинах волн попадающего на сенсоры света и т.д. Классическая «проблема квалиа», представленная, например, в таких известных мысленных экспериментах, как «комната Мэри», «летучая мышь» и «философский зомби» [Георгиу Т.С., 2022, с. 38–41], в этом контексте поворачивается еще одной стороной. Дело не только в непереводаемости количественного в качественное и теоретического в практическое, но и в «неумении» современных нейросетей обращать внимание. Наличие сенсоров, считывающих те или иные показания, и элементов, обрабатывающих эту информацию, самих по себе недостаточно для переживания и получения опыта. Требуется отмеченное выше волевое начало, которое, само будучи бессодержательным «переключателем», обращает внимание (выделяет) что-то в действительности благодаря уже до всякого опыта имеющимся критериям. Существо не является сплошным чувствилищем, оно использует тело и априорные формы как инструменты ориентирования в мире. Хотя тело постоянно получает сигналы с рецепторов (внешних и внутренних), если бы не было некоего начала, регулирующего восприятие, мы бы сошли с ума, выражаясь словами Ж. Делеза, от «хаоса» непрерывного чувствования. На самом же деле некоторые даже интенсивные восприятия мы можем не замечать, к примеру, долго не чувствуем голода или забываем о боли в теле, если полностью захвачены каким-то интересным делом.

Заключение

Таким образом, что все это означает для разработки «общего/сильного» ИИ и совершенствования «узких/слабых»? Получать опыт означает постоянно выходить за границы данного, открыто осваиваться, соотнося встречаемое (физически воспринятое и/или психически пережитое) с априорными формами-ориентирами. Сенсоров недостаточно для получения опыта; даже если бы системы воспринимали качества, помимо практической, нужна теоретическая составляющая, а также воля, обращающая внимание и направляющая усилия к целям. В связи с этим возникла идея создавать ИИС из нескольких нейросетей, комбинирующих индуктивные и дедуктивные методы и контролирующих друг друга (например, генеративно-состязательные

модели (см., напр., [Аверченков А.В. и др., 2020])). Для решения проблемы «черного ящика» и повышения доверия к ИИС аналогичным образом разработали концепцию т.н. «объяснимого ИИ» (англ. *explainable artificial intelligence, XAI*), в котором одна нейросеть анализирует деятельность другой и объясняет на естественном языке выбор решения первой (см., напр., [Srihari S.N., 2022]). Все подобные модели, безусловно, являются перспективными в плане совершенствования «узких/слабых» ИИС, однако простого комбинирования функций и усложнения архитектур нейросетей недостаточно для создания «общего/сильного» ИИ. Поскольку опыт — не хранилище информации, а закреплённые связи уровня информации, уровня практического действия и критериев успешности, необходим ещё один момент, а именно их органичное соединение. Последнее оказывается слишком простым, чтобы его запрограммировать: в живом оно предшествует разделению на эти пространства (общих критериев-ориентиров и индивидуально испытанного), поэтому сложением отдельно смоделированных теоретической, дедуктивной способности и практических умений, переживаний его вряд ли можно получить.

При этом надежды подаёт модели, опирающиеся на эволюционную парадигму и идеи самоорганизации (см., напр., [Сергеев С.Ф., 2023]). В этом случае предполагается, что в своем становлении ИИ должен пройти некоторые стадии развития, подобно существам в живой природе. К примеру, чувственно-эмоциональная составляющая появляется у живых существ в качестве усовершенствования механизма приспособления к сложным, изменчивым условиям окружающей среды, помогая более эффективно в них ориентироваться. На определенном уровне развития можно было бы ожидать, что система породит в себе нечто вроде приложения, отвечающего за чувственное восприятие и эмоциональную сферу. Интересно заметить в этом контексте, что логическая способность развивается в полной мере только у человека в процессе взросления (и с этой точки зрения было странно начинать разработку ИИ «с конца» эволюционной цепочки, которую прошел естественный интеллект). Несмотря на концептуальную целостность и перспективность, в рамках этого направления неясным остается как вложить хотя бы в самую простейшую ИИС базовую способность любого жи-

вого существа — волю. Без нее система не будет самостоятельно ни к чему стремиться и вряд ли пожелает самосовершенствоваться, развивать в себе эмоции и логическое мышление. В связи с этим, пожалуй, ключевой проблемой создания «сильного» ИИ следует считать моделирование воли; решение же вопросов «квалиа», связи «сознание-тело», реализации подлинных коммуникативных, когнитивных и креативных способностей и т.д., как представляется, в этом отношении носят вторичный характер.

Список литературы

- Августин*. Исповедь / пер. с лат. М.К. Сергеев. М.: Ренессанс, ИВО—Сид, 1991. 488 с.
- Аверченков А.В., Андросов А.А., Малахов Ю.А.* Анализ и применение генеративно-состязательных сетей для получения изображений высокого качества // *Эргодизайн*. 2020. № 4. С. 167–176. DOI: <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2020-4-167-176>
- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
- Бахтеев Д.В., Тарасова Л.В.* Применение искусственного интеллекта в деятельности арбитражных судов РФ: перспективные направления и проблемы // *Вестник Костромского государственного университета*. 2020. Т. 26, № 4. С. 249–254. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-249-254>
- Биричева Е.В.* Воля в концепции сильного искусственного интеллекта // *Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации: 4-й молодежный конвент УрФУ: материалы междунаро. конф. (Екатеринбург, 26 марта 2020 г.)*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 1009–1012.
- Биричева Е.В.* Проблематизация информации как важнейшего понятия современности // *Манускрипт*. 2020. Т. 13, вып. 2. С. 90–95. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.15>
- Биричева Е.В., Стерхов Е.В.* Парадоксальность творческой деятельности и интеллектуальные системы: поиск альтернатив информационному подходу // *Российский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8, № 6. С. 390–402. DOI: <https://doi.org/10.15643/libartus-2019.6.2>
- Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с ит. А.Г. Петровой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 176 с.
- Витяев Е.Е., Гончаров С.С., Свириденко Д.И.* О задачном подходе в искусственном интеллекте и когнитивных науках // *Сибирский философский*

журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-2-5-29>

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Георгиу Т.С. Решение проблемы «сознание–тело» и искусственный интеллект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 4(62). С. 32–45. DOI: <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.4.032>

Демин Т.С., Фролов К.Г. Знание-что, знание-как, сознание и искусственный интеллект // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 102–109. DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-1-102-109>

Лантев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>

Лекторский В.А. Опыт // Новая философская энциклопедия (ИФ РАН): в 4 т. / под науч. ред. В.С. Степина и др. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 158–159.

Луныков А.С. Проблема стандартизации этики искусственного интеллекта // Искусственные общества. 2020. Т. 15, № 2. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800009044-7-1/> (дата обращения: 19.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.18254/s207751800009044-7>

Мах Э. Познание и заблуждение: Очерки по психологии исследования / пер. с нем. Г.А. Котляра. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.

Новиков Н.Б. Искусственный интеллект должен научиться делать случайные открытия // Аллея науки. 2023. Т. 1, № 4(79). С. 108–138.

Поппер К. Логика и рост научного знания: избранные работы / пер. с англ. Л.В. Блинникова и др. М.: Прогресс, 1983. 606 с.

Радеев А.Е. Что же имеется в виду под опытом, когда мы называем его эстетическим? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 4. С. 53–62. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2016.406>

Сергеев С.Ф. Компоненты техноразума: искусственное сознание // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. Т. 16, № 1. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.11621/tep-23-01>

Турко Д.С. Феноменальный минимализм в онтологии самости // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 7–30. DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2021_21_4_7

Shumailov I., Shumaylov Z., Zhao Y., Gal Y., Papernot N., Anderson R. The Curse of Recursion: Training on Generated Data Makes Models Forget / ArXiv; Cornell University. 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2305.17493.pdf> (accessed: 19.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2305.17493>

Srihari S.N. Explainable Artificial Intelligence: An Overview. 2022. URL: <https://cedar.buffalo.edu/~srihari/papers/XAI-Overview.pdf> (accessed: 20.02.2024).

References

Arendt, H. (2000). *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [The human condition]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 437 p.

Augustine (1991). *Ispoved'* [Confessions]. Moscow: Renessans Publ., IVO–SiD Publ., 488 p.

Averchenkov, A.V., Androsov, A.A. and Malakhov, Yu.A. (2020). [Analysis and application of generative-adversarial networks for producing high quality images]. *Ergodizayn* [Ergodesign]. No. 4, pp. 167–176. DOI: <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2020-4-167-176>

Bakhteev, D.V. and Tarasova, L.V. (2020). [The application of artificial intelligence in commercial courts of the Russian Federation: perspectives and issues]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University]. Vol. 26, no. 4, pp. 249–254. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-249-254>

Biricheva, E.V. (2020). [Problematization of «information» as the most important contemporary notion]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 13, iss. 2, pp. 90–95. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuskript.2020.2.15>

Biricheva, E.V. (2020). [Will in the strong artificial intelligence concept]. *Gumanitarnoe znanie i iskusstvennyy intellekt: strategii i innovatsii: 4-y molodezhnyy konvent UrFU: materialy mezhdunarod. konf. (Ekaterinburg, 26 marta 2020 g.)* [Humanities and Artificial Intelligence: Strategies and Innovations 4th Youth Convention: Proceedings of the International Conference (Ekaterinburg, March 26, 2020)]. Ekaterinburg: UrFU Publ., pp. 1009–1012.

Biricheva, E.V. and Sterkhov, E.V. (2019). [Intelligent systems and the paradoxicalness of creative activity: In search for alternatives to the informational approach]. *Rossiiskiy humanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia]. Vol. 8, no. 6, pp. 390–402. DOI: <https://doi.org/10.15643/libartrus-2019.6.2>

Demin, T.S. and Frolov, K.G. (2023). [Knowledge-that, knowledge-how, consciousness and artificial in-

telligence]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obschestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity]. Vol. 8, no. 1, pp. 102–109. DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-1-102-109>

Gadamer, H.-G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and method]. Moscow: Progress Publ., 704 p.

Georgiou, T.S. (2022). [Solution of the problem «mind–body» and artificial intelligence]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofia* [Herald of Tver State University. Series: Philosophy]. No. 4(62), pp. 32–45. DOI: <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.4.032>

Laptev, V.A. (2019). [Artificial intelligence and liability for its work]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. No. 2, pp. 79–102. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>

Lektorsky, V.A. (2010). [Experience]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya (IF RAN): v 4 t., pod nauch. red. V.S. Stepina i dr.* [V.S. Stepina et al. (eds.) New philosophical encyclopedia (IF RAS): in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 3, pp. 158–159.

Lun'kov, A.S. (2020). [The problem of standardizing the ethics of artificial intelligence]. *Iskusstvennye obshchestva* [Artificial Societies]. Vol. 15, no. 2. Available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800009044-7-1/> (accessed 19.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.18254/s207751800009044-7>

Mach, E. (2003). *Poznanie i zabluzhdenie: Ocherki po psikhologii issledovaniya* [Knowledge and error: Sketches on the psychology of enquiry]. Moscow: BINOM. Laboratoriya Znaniy Publ., 456 p.

Novikov, N.B. (2023). [Artificial intelligence has to learn to make random discoveries]. *Alleya nauki* [Science Alley]. Vol. 1, no. 4(79), pp. 108–138.

Popper, K. (1983). *Logika i rost nauchnogo znaniya: Izbrannye raboty* [The logic of scientific discovery: Selected works]. Moscow: Progress Publ., 606 p.

Radeev, A.E. (2016). [What is meant by experience when we call it aesthetic?] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17: Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedeniye* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17: Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies]. Iss. 4, pp. 53–62. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2016.406>

Sergeev, S.F. (2023). [Techno-mind components: Artificial consciousness]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology]. Vol. 16, no. 1, pp. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.11621/tep-23-01>

Shumaylov, I., Shumaylov, Z., Zhao, Y., Gal, Y., Papernot, N. and Anderson, R. (2023). *The curse of recursion: Training on generated data makes models forget*. ArXiv, Cornell University. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2305.17493.pdf> (accessed 19.02.2024). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2305.17493>

Srihari, S.N. (2022). *Explainable artificial intelligence: an overview*. Available at: <https://cedar.buffalo.edu/~srihari/papers/XAI-Overview.pdf> (accessed 20.02.2024).

Turko, D.S. (2021). [Phenomenal minimalist ontology of the self]. *Antinomii* [Antinomies]. Vol. 21, iss. 4, pp. 7–30. DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2021_21_4_7

Virno, P. (2013). *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoy zhizni* [A grammar of the multitude: for an analysis of contemporary forms of life]. Moscow: Ad Marginem Publ., 176 p.

Vitiaev, E.E., Goncharov, S.S. and Sviridenko, D.I. (2020). [On the task approach in artificial intelligence and cognitive sciences]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy]. Vol. 18, no. 2, pp. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-2-5-29>

Об авторе

Биричева Екатерина Вячеславовна
кандидат философских наук,
научный сотрудник

Институт философии и права УрО РАН,
620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16;
e-mail: ek.v.bir@gmail.com
ResearcherID: F-2980-2016

About the author

Ekaterina V. Biricheva
Candidate of Philosophy, Researcher

Institute for Philosophy and Law, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences,
16, S. Kowalevskaya st., Ekaterinburg, 620108, Russia;
e-mail: ek.v.bir@gmail.com
ResearcherID: F-2980-2016

УДК 165.12:004.8

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>

EDN: PRSHFO

Поступила: 01.08.2024

Принята: 04.09.2024

Опубликована: 03.10.2024

СОБЫТИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СТАТУС ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЛИЦА

*Дурнев Алексей Дмитриевич**Национальный исследовательский университет ИТМО (Санкт-Петербург)*

Основной целью статьи является ответ на вопрос, как можно подходить к определению действующего лица в современных реалиях, интерпретируемых как цифровая эпоха. Дается краткая характеристика цифрового, новейших цифровых технологий, характеризующихся использованием нейросетевых подходов в своем основании. Приводится критический обзор существующих подходов к определению статуса действующего лица в контексте социальных исследований техники. В ходе обзора показано, что основные существующие подходы главным образом сохраняют черты антропоцентрических и инструментальных принципов рассмотрения технологий. Однако такие подходы приводят к дихотомии человека и техники, что не вполне отвечает вызовам актуальных социальных и технических реалий, характеризующихся плотной встраиваемостью технологий в сферу человеческого бытия. Все это приводит к трудностям различения человеческого и технического вклада относительно конкретного результата. В свете данного тезиса предложена критика таких понятий, как актор, агент и субъект. В результате, с точки зрения практической деятельности и фундирующих ее современных реалий целесообразнее рассматривать человека и технологию как единое действующее лицо. В данной перспективе прочерчена связь с событийной онтологией, поскольку феноменально наблюдаемый результат деятельности может быть интерпретирован как событие, в котором квазисубъект конституируется в первую очередь положением наличного сущего, и границы действующего лица оказываются размыты. В статье предложена критика различных подходов к определению агентности и субъектности именно с позиций указанных оснований и намечены векторы развития темы.

Ключевые слова: технологии, искусственный интеллект, нейросети, субъект, агент, действующее лицо, событие, событийная онтология, практики.

Для цитирования:

Дурнев А.Д. Событие в цифровую эпоху: статус действующего лица // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 328–339. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>. EDN: PRSHFO

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>

Received: 01.08.2024

Accepted: 04.09.2024

Published: 03.10.2024

AN EVENT IN THE DIGITAL AGE: THE STATUS OF THE ACTOR

*Aleksei D. Durnev**ITMO University (Saint Petersburg)*

The main objective of the article is to address the question of how to approach defining an actor in the modern context, interpreted as the digital age. The article provides a brief overview of the concept «digital» and the latest digital technologies characterized by the use of neural network approaches. The work

presents a critical review of existing approaches to defining the status of an actor in the context of social studies of technology. The review shows that the main existing approaches largely retain features of anthropocentric and instrumental principles of considering technologies. However, such approaches lead to a dichotomy between humans and technology, which does not fully in accord with the challenges of contemporary social and technical realities, characterized by a deep integration of technologies into the sphere of human existence. All this leads to difficulties in distinguishing between human and technical contributions to a specific outcome. In light of this thesis, a critique of concepts such as actor, agent, and subject is proposed in the article. As a result, from the perspective of practical activity and the underlying modern realities, it is more appropriate to consider humans and technology as a hybrid actor. In this perspective, the approach is linked to event ontology, as the phenomenally observed outcome of an activity can be interpreted as an event in which a quasi-subject is constituted primarily by the configuration of Dasein, and actors become indiscernible. The article proposes a critique of various approaches to defining agency and subjectivity specifically from the positions of these foundations and outlines vectors for the development of the topic.

Keywords: technology, artificial intelligence, neural networks, subject, agent, actor, event, event ontology, practices.

To cite:

Durnev A.D. [An event in the digital age: the status of the actor]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 328–339 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>. EDN: PRSHFO

Введение: цифровая эпоха и нейросетевые технологии

Процесс цифровизации является одним из характерных признаков современной эпохи. Существует множество дискуссий относительно того, что такое цифровизация. Эти дискуссии зачастую носят междисциплинарный характер, поскольку определение цифровизации из одной области не способно концептуально отразить комплексность данного процесса. Ключевым моментом для данной работы является то, что цифровизация буквально — это перевод всевозможных объектов из одного состояния (условно — аналогового) в другое (цифровое) [Латур Б., 2017, с. 106; Burgess H.J., 2011]. Таким образом, цифровизация — это трансформация. Констатируя, что современная эпоха является цифровой, можно утверждать, что подобная трансформация является существенной характеристикой современности. Цифровая эпоха подразумевает, что эта периодически воспроизводящаяся трансформация затрагивает ключевые аспекты человеческого бытия, проявляясь в самой различной деятельности, среди которой, например, досуг и работа, чтение и письмо, всевозможные коммуникации и проч. В онтологической перспективе данные проявления могут быть воспринимаемы и трактуемы

как события, организующие человеческую жизнь. В таком случае, феномены-события как человеческого бытия, так и бытия вообще оказываются неизбежно связаны с процессом цифровизации. В данной статье производится акцент именно на сфере человеческого бытия, поскольку последующая проблематизация предполагает постановку под вопрос того, кто является действующим лицом.

Взросшее технологическое разнообразие, а также доступность этого разнообразия в виде всевозможных девайсов и сервисов — ключевая причина, позволяющая говорить о современной эпохе как цифровой. Помимо ставших уже привычными сетевых и облачных технологий (т.е., использующих интернет), за последние несколько лет повсеместное применение начали находить нейросетевые технологии. В медийном и академическом (в том числе философском) дискурсе широко представлены дискуссии, включающие концепции нейросетей, языковых моделей, цифровых помощников и им подобные. Самые разные дисциплины пытаются маркировать обозначенный ворох технологий под «зонтичные» понятия, такие как ИИ (системы искусственного интеллекта), ML (machine-learning, машинное обучение), КИТ/КИС (когнитивные информационные технологии или системы) и прочие [Буханов-

ский А.В., 2019, с. 106–107]. Это, выражаясь в терминах разработки, так называемая *middle-wage* классификация (срединная), представляющая собой ансамбль библиотек, отвечающих за отдельные функции. С позиции более высокоуровневых классификаций, на уровне готовых решений пользователя это могут быть преобразователи различных способов представления друг в друга (текста в видео, аудио, изображения, код и наоборот). Возможны и низкоуровневые классификации, для разработчиков, например, генеративно-сопоставительные (GAN), сверточные (CNN), рекуррентные и иные сети. Представленные категории не являются исчерпывающими, т.к. классификация данных технологий может служить темой для отдельного исследования. Однако они способны продемонстрировать, что довольно сложно свести эти разношерстные технологии под один знаменатель. И сам этот знаменатель во многом зависит от той или иной задачи, ее уровня (пользовательский, программный, инженерный), контекста. Поскольку в данной статье задача об уточнении статуса действующего лица в цифровую эпоху носит онтологический характер, достаточно указать, что мы имеем в виду широкий спектр цифровых технологий, встраивающихся в повседневность человека, будь то разработчик или рядовой пользователь. Однако при этом акцент осуществляется именно на нейросетевых технологиях как наиболее проблематизирующих текущий исследовательский вопрос.

Итак, нейросетевые технологии являются, пожалуй, ключевой причиной вернуться к вопросу о статусе действующего лица, поскольку они берут на себя такие креативные функции, которые раньше считались прерогативой человека. Уже сейчас такие функции, как генерация текста, аудио, изображений, могут показаться тривиальностью. Однако именно нейросетевые технологии позволяют реализовывать это на таком качественном уровне, который побуждает говорить не только и не столько о механистической (инструментальной) функциональности, сколько о способности стать соучастником в генерации образов и смыслов [Floridi L., 2023]. Одним из социально значимых эффектов данного аспекта цифровизации являются различные инициативы по регулированию сферы разработки и применения нейросетевых технологий в области права и политики. Однако без

осмысления оснований функционирования данных технологий адекватность формулировки и применения данных инициатив может оказаться под вопросом, причем основания функционирования не могут пониматься лишь технически, поскольку в этом случае существует риск пренебрежения социально-антропологической перспективой области регулирования, т.е. исключением человека из этих оснований. Иными словами, всевозможные эффекты, события, феномены, которые могут стать объектом рассмотрения, изучения, правоприменения, в основания своего функционирования включают не только специфику самой технологии, но и практики взаимодействия с ней. Данный аспект особенно выделяется, когда речь заходит о нейросетевых технологиях, поскольку результат их применения может восприниматься не только как цифровой след или артефакт (будь то звук, изображение или текст), но и как целостное произведение, обладающее смысловой и образной составляющей. В этой связи и возникает вопрос о статусе действующего лица: является ли им человек или же сама технология, или возможен иной подход?

Стратегии присваивания статуса действующему лицу

В данной работе в качестве базового метапонятия берется «действующее лицо», поскольку оно представляется как наиболее нейтральное по отношению к сложившимся в соответствии с различными интеллектуальными традициями смыслами. Однако постановка вопроса о статусе действующего лица неизбежно предполагает проблематизацию более предметных понятий. В философских дискуссиях относительно ИИ (так мы иногда будем, следуя общему тренду, обозначать высокоуровневые нейросетевые технологии) зачастую ставится вопрос о том, можно ли считать ИИ-актера (деятеля) субъектом или агентом [Müller V.C., 2024, p. 17; Butlin P. et al., 2023]. Первое — субъект — сразу же задействует наследие метафизики: огромный пласт не проясненных до конца вопросов. Второе понятие, агент, введено в широкий научный обиход междисциплинарными исследованиями в области науки и техники, и наиболее тесным образом связано с рассматриваемой в данной статье областью цифрового. Детальные комментарии по поводу этих понятий бу-

дут изложены в следующей части статьи, а пока мы сконцентрируемся на широком контексте и общеполитических тенденциях использования данных понятий.

Формально-методологическая сторона вопроса связана с маркированием действующего лица в той или иной наличной ситуации (событии). Ситуация может быть обусловлена оптикой, т.е. позицией рассмотрения, которая, в свою очередь, диктуется теоретической или, если угодно, дисциплинарной областью этой теории. Например, субъект в праве отличается от субъекта кантовской философии, и в зависимости от того, из какого поля осуществляется подход, следует подобрать к действующему лицу ту или иную рамку. Это можно описать как дискурсивную практику, призванную маркировать новый для нас объект, что позволяет, с одной стороны, отличить его от иных объектов, с другой — потенциально объединить по ключевым характеристикам с уже присутствующими в нашем предыдущем поле объектами.

Стратегии применения данных терминов заключаются в следующем. Маркирование чего-то в качестве субъекта или агента подразумевает обладание существенными характеристиками. Наиболее часто используемыми для субъектно-агентной дистинкции характеристики являются в зависимости от традиции: сознание (у аналитиков), воля (философия жизни), интенциональность у феноменологов, автономность и реляции (у сетевых теоретиков). Можно вспомнить даже средневековый принцип индивидуации, который был призван дать понимание того, как вещи вообще могут являться различными. Однако что общего у субъектно-агентной дистинкции, так это маркировать некую индивидуальную сущность, например, человека или девайс. Назвать ИИ субъектом или агентом — означает придать ему характер тождества с другими феноменами, маркируемыми тем же термином. Очень часто (в заданном проблемном поле) под такие феномены попадает и сам человек, из-за чего возникают коллизии и критика, сущность которых заключается в *quid juris* подобного обобщения. Как будет показано далее, с усложнением технологий, развитием цифровой сферы и практик обращения к ней указание на отдельные сущности оказывается все более затрудненным, сменяясь

лейбницианским принципом неразличимости [Antomarini B., 2024, p. 31–34].

Итак, классический сценарий подхода к определению действующего лица следующий. Индивидуальной или автономной сущности приписывается определенный статус, например, статус субъекта. Если этот статус не подходит, осуществляется подбор других определений этого статуса, например, агент или актор. Понятие актора выступает синонимичным «действующему лицу», поскольку актор — буквально — некто или нечто действующее. Понятие агента вытесняет во многих гуманитарных науках понятие субъекта, поскольку последнее ассоциируется с очень сильной традицией, отсылающей к кантовско-картезианскому концепту *cogito*, и ранее — через средневековых схоластов к Аристотелю и его *ὑποκείμενον* [Хайдеггер М., 1993, с. 48; Черняков А.Г., 2001, с. 300]. Таким образом, стремление оставить в стороне понятие «субъекта», когда речь заходит о технологиях ИИ, можно интерпретировать как попытку избежать лишних коннотаций предшествующих традиций, экстенсивно использующих данный термин и связывающих его с иными характеристиками (например, свобода воли у Кьеркегора и Шопенгауэра, кантовские схемы мышления, феноменологическая интенциональность), которые оказываются далеко не всегда уместны в дискурсе ИИ.

Краткий очерк критики субъективности заключается в следующем. Феноменология Гуссерля утверждает важность наличия интенциональности для определения субъекта [Комаров С.В., 2007, с. 487]. В некотором смысле интенциональность как связность субъекта и объекта обеспечивает дистинкцию самого субъекта. Французские продолжатели онтофеноменологической традиции (М. Мерло-Понти, Э. Левинас) говорят о необходимости учета в качестве одного из условий определения субъекта личностного опыта, который конституируется через Другого и Мир [Мерло-Понти М., 1999, с. 84–98]. Хайдеггер говорит о чем-то подобном, поскольку *Dasein* не конституируется лишь собственным вопрошанием, оно неизбежно оказывается связано с наличным бытием, которое можно охарактеризовать как некоторую ситуацию или событие [Хайдеггер М., 1993]. Постструктуралистское течение (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида) указывает, что субъект

оказывается рассеян по дискурсивным полям и различным практикам [Фуко М., 1994, с. 403–404]. Эти практики включают различные аспекты социального, например, коммуникацию, экономику, биологию, и подвержены отношениям власти, что позже развивает в своих трудах Д. Агамбен [Агамбен Д., 2014, с. 87–90]. Суммируя критический очерк, можно заключить, что в попытках переопределения или даже преодоления классического понятия субъекта в XX в. наблюдается тенденция учесть факторы, находящиеся как бы «по ту сторону» самости. Особую актуальность и усложнение интерпретаций подобные подходы приобретают при рассмотрении комплексных технических систем, таких как большие языковые модели [Vnitskikh A.Yu., Komarov S.V., 2024]. Эти факторы обусловлены сложностью мира и многообразием практик, в которые субъект с этим миром вступает. Таким образом, классический субъект оказывается овнешвлен [Комаров С.В., 2007, с. 14].

В результате философской критики субъекта в XX в. складывается такая ситуация, что в пору каждый раз писать о понятии субъекта* («со звездочкой»), указывая, на какую матрицу характеристик мы каждый раз ссылаемся. Кроме того, полученные определения субъекта* довольно разноплановые, и все они отличаются от классического понятия нововременного субъекта в той степени, в которой они критикуют его.

В свете вышесказанного понятие «агент» можно рассматривать как одну из попыток уйти от понятия субъекта. Хотя само именование термина изменено, как кажется, новый смысл не оказывается достаточно радикальным, если сопоставить его, например, с понятием субъекта у Фуко. Однако существует определенное преимущество стратегии смены самого названия понятия: оно оказывается более нейтральным ввиду отсутствия столь большого, как у понятия «субъект», количества смысловых наслоений различных философских традиций. Более того, понятие «агент» развивается во многом в связи с междисциплинарной сферой, очень часто используется в Science and Technology Studies (STS), социологии и антропологии науки. Последнее как бы заведомо обеспечивает учет специфики различных предметных областей, где понятие «агент» может быть задействовано далее.

Специфические характеристики агентности можно суммировать следующим образом. Агентность связана со структурами или сетями, нося таким образом реляционный характер. Агенты служат источниками или медиаторами действий и смыслов, они формируют сеть, в то время как сеть формирует агентов. Бруно Латур докручивает радикальность понятия агента, которая, казалось, назревала давно: в своих работах он говорит, что акторами (действующими лицами) с некоторыми оговорками могут выступать как человеческие, так и нечеловеческие агенты [Callon M., Latour B., 1992, p. 355–356]. При этом критика Латура утверждает, что речь не может идти о полном уравнивании в статусе, но с нечеловеческими агентами тоже «необходимо считаться» [Ерофеева М.А., 2015, с. 49].

С критикой агентности наблюдается любопытная ситуация. Она, строго говоря, является скорее не критикой, а попытками увязки данного понятия с другими, которые возникают в различных предметных полях. Необходимость этой увязки диктуется тем, что, в целом, агент — весьма формальное понятие, характеризующееся во многом внешними признаками, относящимися к реляционным категориям: автономность, каузальность, действие. Это особо контрастирует с практикой употребления понятия субъекта, который в философии все еще оказывается достаточно тесно переплетен с «внутренними понятиями», такими как сознание и самосознание, восприятие [Butlin P. et al., 2023].

Среди примеров вышесказанного можно выделить попытки увязки агентности с такими понятиями, как интенциональность, автономность, ответственность. Например, все ли агенты могут/должны нести ответственность? Определяется ли агентность через интенциональность или же автономность? Как возможна автономность, если агент неизбежно вовлечен в сети многомерных отношений? У всех ли агентов одной сети одинаковая степень автономности? Данные вопросы только заостряются, если поднимаются в предметных областях, наиболее тесно занимающихся взаимодействием человека и технологий, которые наиболее характерны для цифровой эпохи и нейросетей. Это такие области, как Digital Humanities (DH), Science and Technology Studies (STS), Human-Computer Interaction (HCI). Оказалось, что понятие «агентность» уже достаточно устарело и не соответ-

ствуется актуальным практическим вызовом, потому вызывает коллизии, являющиеся одной из причин указанных выше вопросов [Dignum V., Dignum F., 2020]. Вместе с тем оно достаточно гибкое, чтобы изменяться под определенные теоретические рамки, в отличие от понятия «субъект».

Агентность и субъектность в событийной перспективе

Что самое ценное в понятии агентности, так это его необходимая взаимосвязь со структурой или сетью. Этот момент — то, что сближает агентность с попытками переформулирования субъективности в XX в. такими философскими течениями, как постструктурализм и фундаментальная онтология. Сеть обеспечивает своеобразную игру тождества и иного. Агенты отличны друг от друга (точнее сказать, индивидуализированы), но сеть являет собой общность агентов и их связей.

Цифровые объекты расплывчаты и многогранны по своей природе, они могут быть интерпретированы самыми различными способами. С учетом этого в рамках данной статьи в качестве возможной интерпретации предлагается концептуализация цифровых объектов как событий, тем более что для этого существует подготовленная почва. В статье «Зимбабвийский втулочный насос» Мол и де Лаэт развивают понятие агентности, а также акторно-сетевую теорию Латура, ссылаясь на работу Гомарт и Геннион. Исследуя сложный феномен привязанности, последние также критикуют и комментируют указанную теоретическую рамку. Забегая вперед, с онтологической точки зрения, когда речь заходит о непостоянных и изменяющихся сущностях, то социальным наукам проще говорить прежде всего о событиях, нежели об акторах и действиях.

В своем исследовании Гомарт и Геннион критикуют подходы АСТ и теории действий, которые часто применяются в STS. Они отмечают, что концентрация подхода на действиях (актах) приводит к теоретической «осцилляции» [Gomart E., Hennion A., 1999, p. 225] между принципами холизма и методологического индивидуализма. Противоречие может быть сформулировано в вопросе, периодически возникающем при использовании сетевых подходов: являются ли источниками действия структура

(сеть) или индивидуальные агенты? Кроме того, выбор в качестве объекта изучения агентов, структуры и/или действий упускает некоторую часть потенциально возможных объектов, которые «просто случаются» [Gomart E., Hennion A., 1999, p. 226]. Именно о таких объектах авторы и предлагают говорить в терминах события. В качестве примеров таких событий Гомарт и Геннион приводят сложные, трудно контролируемые процессы, рамки которых также размыты, например, получение удовольствия, бытие искусства, социальные изменения.

Вышесказанное предполагает, что событием может быть не только нечто, что исполняется (авторы используют синонимичный глагол «действие», «act», пассивный залог, говоря «performed», что подразумевает исполнителя). Событие же прибывает или возникает («arrives» или «emerges») [Gomart E., Hennion A., 1999, p. 226], т.е., даже если можно выделить предпосылки, сложно указать на его единый источник, катализатор, причину. Предпосылки же авторы называют термином *dispositif* (буквально — диспозитив, обстоятельства), вдохновленным французской семиотикой, указывая, что это «то, что позволяет случиться» [Gomart E., Hennion A., 1999, p. 226]. Акторы являются частью диспозитива, который по отношению к событиям играет роль медиатора. При этом медиация предполагает не только и не столько воспроизводство действия, сколько его трансформацию.

Важный комментарий по расширенному применению АСТ в статье «Зимбабвийский втулочный насос» дают Марианна де Лаэт и Аннмари Мол. В контексте философии техники их исследование можно назвать анти-эссенциалистским. Многие исследования техники исходили из того, что существует особая «природа технических объектов» [Лаэт М. де, Мол А., 2017, с. 175], которая обуславливает их функционирование и влияние на социум. Де Лаэт и Мол же говорят о текучести по крайней мере некоторых технических объектов как о встроенной характеристике [Лаэт М. де, Мол А., 2017, с. 173]. Текучесть означает неопределенность границ самого объекта, его режима функционирования, соотношения с другими элементами системы (например, создателем, пользователями). Неопределенность в аспектах природы и функционирования объекта

подразумевает его вплетенность во множество различных миров, что влечет за собой разные интерпретации: «Насос — это механический объект, гидравлическая система, но также и устанавливаемое общиной устройство, фактор здоровья и аппарат строительства нации. Ему принадлежат все эти идентичности — и у каждой свои границы. Когда мы так пишем о втулочном насосе, мы не используем скучную метафору маленького технологического артефакта, окруженного большими социальными средами, по отношению к которым он неизбежно остается чужим» [Лаэт М. де, Мол А., 2017, с. 220].

Итак, де Лаэт и Мол описывают механику текучей технологии, т.е. такой, чьи границы, строго говоря, не определены, поскольку они не сводятся в онтологическом смысле к темпоральности и пространственности конкретного механизма. При этом они ссылаются на статью Гомарт и Геннион в части интерпретации агентности [Лаэт М. де, Мол А., 2017, с. 174]. Однако, что еще важнее, такое развитие идей в концепцию «текучей» технологии намного проще понять, если учесть предпосылки, эксплицированные выше из статьи про привязанности. В самом деле, текучесть и встраиваемость, а также агентность некоторых акторов (например, самого насоса или его создателя), обусловлены той же неопределенностью, которая выявляется в статье, посвященной социологии привязанности, когда речь заходит о сложных объектах, не являющихся акторами или действиями. Так, влияние насоса на сообщество сложно описать как простое действие (даже когда мы принимаем тезис о том, что насос является нечеловеческим агентом), поскольку это влияние может носить отложенный характер, и хотя в конкретных событиях оно кажется очевидным, все же его трудно операционализировать или измерить. По аналогии можно заключить, что если Гомарт и Геннион в своей работе выступают против осцилляции между значимостью актора и структуры в качестве источника действия, то де Лаэт и Мол выступают против осцилляции между человеческим и нечеловеческим. Осцилляция в физике, если разворачивать метафору крупными мазками, описывается как колебание вокруг точки равновесия. В качестве такой точки можно предложить интерпретировать как распределенного агента, а поле, генерируемое осцилляцией, обозначить как собы-

тийное. При таком подходе реализуется возможность схватить всю ситуацию полнее, и затем уже выделять ее диспозитивы. Здесь оказывается важна интерпретативная работа. На это обратил внимание еще Гидденс, один из отцов теории агентности в социологии. Его интересовало, как пространственно-временные отношения, эксплицируемые из философии Хайдеггера, могут функционировать вкупе с теорией структуризации социальной реальности. Поэтому Гидденс подчеркивал особую важность герменевтики [Giddens A., 1993, p. 57–60], ведь в таком случае роль интерпретации из-за увеличения важности смыслового, а не только формально-каузального подхода, возрастает.

Конечно, упомянутое понятие события, о котором пишут еще Гомарт и Геннион, не продиктовано событийно-онтологическим дискурсом. Указанные положения и связанные с ними дискуссии относительно понятий действия, агентности и текучести во-многом являются вопросом избрания оптики. С одной стороны, она может зависеть от диспозитива предметной области, с другой — от исследователя (и в указанном ранее смысле — его диспозитива, который, в свою очередь, может складываться из профессиональной идентичности, цели исследования, социокультурных рамок и проч.). Такие конструкции, как диспозитив и обусловленные им феномены могут служить точкой входа в онтологическую проблематику в качестве знаменателя, ядром которой в нашем случае полагается событие (Ereignis) в его онтологическом истолковании [Романенко Ю.М., Лебедев С.П., 2015].

В данной работе мы ограничимся лишь общей характеристикой онтологического смысла события, существенной для прояснения статуса действующего лица в данной концепции. Более полную концептуализацию можно найти в работах [Дурнев А.Д., 2021; Косыхин В.Г., 2015; Магун А., 2015]. Основные характеристики события, ключевые для данной работы: бытийная проявленность, темпоральная и топологическая неопределенность, субъект конституируется событием.

Говоря о событии, следует учитывать, что данный концепт основывается на тезисе Хайдеггера об онтологической дифференции — различении бытийного порядка (собственно онтологического) и порядка сущего (онтиче-

ского) [Паткуль А.Б., 2020, с. 95–97]. Бытийная проявленность события маркирует последнее как раскрытие истины в онтологическом истолковании. В методологическом смысле это означает: неверным является определение события в качестве результата стечения обстоятельств (того, к чему выше мы вслед за некоторыми исследователями относились как к диспозитиву). Само стечение обстоятельств являет собой событие. В некотором смысле событие может быть истолковано как данность или дар [Чернавин Г.И., 2013, с. 73]. Такой подход отодвигает на второй план (если угодно — в онтическую сферу) попытки установить причинно-следственные связи события с другими обстоятельствами, вещами, агентами. Данная стратегия возможна и весьма распространена в более предметных, нежели философские изыскания, исследованиях. Более того, она имеет большой практический смысл. Однако она уводит в сторону построения того, что Хайдеггер назвал бы «научной картиной мира» [Хайдеггер М., 1993, с. 45–46, 49], рискуя эксплуатировать готовые мифологемы относительно природы вещей. Также, само событие в таком случае будет принадлежать уже онтическому порядку и пониматься как *Vorkommnis* или *Geschehen* («случай», «происшествие») [Хайдеггер М., 1993, с. 268]. Ereignis же в онтогносеологическом смысле подразумевает беспредпосылочность в том смысле, что на этом уровне невозможно установление каузальных связей.

В силу указанного выше, событие носит неопределенный характер. Хотя эффект в онтической сфере может быть феноменально наблюдаем или даже очевиден, в онтологическом смысле можно попытаться истолковать событие как временение, однако же сами временные и пространственные границы при онтологическом анализе оказываются размытыми. В практическом смысле событием может оказаться любой случай, события накладываются друг на друга, их определение в качестве таковых — вопрос оптики, подхода. Они оказываются переплетены с повседневностью, или же, более радикально: повседневность соткана из событий вне зависимости от того, воспринимаем мы их или нет. В предельно космологическом смысле события вложены в единое событие мира [Бибихин В.В., 2015, с. 174].

Третий пункт оказывается неразрывно связан с предыдущими, но также чрезвычайно важен для темы данной статьи. Субъект, который можно было бы помыслить в событии, оказывается конституирован самим событием. Строго выражаясь, не вполне верно говорить о субъекте события, поскольку сама концепция Ereignis является попыткой, как выражается Бадью, «завершить» метафизику и деконструировать классическое понятие субъекта [Бадью А., 2012, с. 21–22]. Данная задача находит попытку реализации во всем творчестве Хайдеггера, начиная с его проекта экзистенциальной аналитики *Dasein* периода написания «Бытия и времени» [Волков В.В., Хархордин О.В., 2008, с. 53–54]. Французский феноменолог Клод Романо утверждает, что событие не отличить от факта или случая, если продолжать использовать концепцию субъекта. Вместо этого он предлагает обозначать «Пришествующим» этого квазисубъекта события [Романо К., 2017, с. 74–76]. Пришествующий — тот, для кого произошедшее является событием, он — тот, кто приходит к обновленному самому себе в ходе событийной авантюры. Таким образом, для Пришествующего в событии ключевой характеристикой является собственная трансформация. С одной стороны, этот ход представляет собой попытку переформатировать понятие субъекта в контексте событийной онтологии. С другой стороны, такой ход оставляет место для квазисубъектной и в некотором смысле метафизичной структуры в концепции события. Однако данный ход все же немаловажен, поскольку он подтверждает обозначенную в начале статьи тенденцию современной философии овнешвить понятие субъекта, переопределить действующее лицо, увязав его не со внутренними трудноизмеримыми структурами (например, сознание, интенциональность), а со внешними элементами — практики, вещи, опыт, институты и проч.

Данный онтологический экскурс может быть интерпретирован как небольшой эскиз деконструкции субъекта через событийную онтологию. Его методологический смысл заключается в том, что из подобного основания исходят многие современные философские течения, переосмысляющие онтологическую и философско-антропологическую проблематику. Среди таковых, например, различные плоские, темные

и объектно-ориентированные онтологии, идеи транс- и постгуманизма. Подобная пересборка является особенно актуальной для междисциплинарных областей, занимающихся проблемами науки, технологий и цифрового.

Заключение

Итак, с онтогносеологической стороны продолжается тенденция критики классических концепций действующего лица (субъекта, агента, актора). В методологическом поле применяются все более сложные подходы в таких областях, как STS, DH, HCI. В феноменальном поле можно наблюдать интенсивный процесс цифровизации. В самом широком смысле его можно интерпретировать как трансформацию, а феномены этой трансформации могут быть рассмотрены как события. Кроме того, многообразие и интенсивность пользовательских практик позволяют говорить, что цифровое достаточно сильно встроено в повседневность современного человека. Если раньше это поле еще могло восприниматься как нечто Иное (в духе Левинаса), «по ту сторону» повседневности, то сейчас последнюю трудно представить без цифрового. Это позволяет сделать вывод, что цифровые технологии обладают не меньшей текучестью, чем зимбабвийский втулочный насос (а потенциально — большей, поскольку сопровождаются процессом мобилизации девайсов и внедрением платформизации).

Например, пользователь при помощи языковых моделей генерирует цифровой объект. Языковая модель позволяет сделать это на основе данных, которые были некоторым образом собраны и размечены. Данные могли включать иные цифровые объекты, некоторые из которых также созданы при помощи нейросетей. Сама же модель могла быть донастроена пользователем или использоваться как есть. Кроме того, большинство доступных конечному пользователю решений, как правило, представляют собой ансамбль технологий, каждая из которых подразумевает разработчиков и датасет, на котором обучалась модель. Данная сеть многообразных элементов, отношений и смыслов может задействоваться человеком на каждодневной основе, если, скажем, используется для работы. В свете этого существует множество споров касательно проблемы субъектности и авторства в подобных примерах использования

нейросетей. Также следует отметить, что как многие исследователи, так и разработчики заявляют о невозможности предсказания результата использования нейросети. Все это купирует человеческую субъектность или агентность в ее традиционном смысле. Человек в данном случае начинает напоминать актора-героя из статьи де Лаэт и Мол, отказывающегося от части своей агентности. Человеческие индивиды (такие как создатели и пользователи) реализуют меньший контроль над смысловыми процессами и отходят на второй план, оттеняясь актом творения, самим событием. В силу означенного, может быть более подходящим мыслить действующее лицо в цифровую эпоху как некоторый смысловой гибрид, несводимый к идентичности одного из элементов, составляющих цифровое событие. Если не соблюсти последнее условие, это может привести к субстантивации выбранного элемента.

Действующее лицо в цифровую эпоху каждый раз являет себя по-разному, оно определяется контекстом или полем, включающем переплетение нескольких элементов, которые могут иметь различную природу (например, человеческую, техническую, вещественную и другие). Но ни само событие, ни действующее лицо не может полностью быть сведено к одному лишь знаменателю. В гносеологическом смысле такой подход является продолжением идей Хатчинса о распределенном познании [Шиповалова Л.В., 2019]. Техника — овеществленная рациональность, она дополняет человека в его практической деятельности. Если же говорить о самых современных технологиях (включая нейросети), то они порождают большую автономность смыслов, менее зависящую как от вещественной, так и человеческой составляющей.

Данная работа иллюстрирует синтез лишь некоторых философских оснований и предметных областей, позволяющих говорить о гибридизации действующего лица в цифровую эпоху. Предвидя возможную критику, следует заметить, что Хайдеггер указывает, что «сущность техники вовсе не есть что-то техническое» [Хайдеггер М., 1993, с. 221], но способ раскрытия непотаенности. Подобное привлечение концепций, основанных на событийной онтологии, к предметному полю цифрового способно при дальнейшей разработке концептуально восполнить разрывы между онтологией, этикой и эсте-

тикой, которые возникли в ходе последних веков с появлением новых вызовов и переплетением причудливых практик человеческого бытия.

Список литературы

Агамбен Д. Нагота / пер. с ит. М. Лепиловой. М.: Грюндриссе, 2014. 204 с.

Бадью А. Манифест философии / сост., пер. с фр. В.Е. Лапицкого. 2-е изд., испр. СПб.: Machina, 2012. 190 с.

Бибихин В.В. Пора (время–бытие). СПб.: Владимир Даль, 2015. 367 с.

Бухановский А.В. Национальный центр когнитивных разработок (центр компетенций НТИ): искусственный интеллект на службе профессиональной деятельности // Инновации. 2019. № 11(253). С. 105–111.

Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

Дурнев А.Д. Феноменология и герменевтика как способы концептуализации события в онтологии // Общество: философия, история, культура. 2021. № 8. С. 53–58. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.8>

Ерофеева М.А. Акторно-сетевая теория как методологический проект // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 43–50.

Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности: Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.

Косыхин В.Г. Полнос события: Бибихин и феноменология // Stasis. 2015. Т. 3, № 1. С. 378–391.

Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе / пер. с англ. М. Маслюковой и др. // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 95–156.

Лэст М. де, Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии / пер. с англ. А. Салина, Е. Быкова // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 171–232.

Магун А. Понятие события в философии Владимира Бибихина // Stasis. 2015. Т. 3, № 1. С. 156–176.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Наука, 1999. 608 с.

Паткуль А.Б. Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. СПб.: Наука, 2020. 810 с.

Романенко Ю.М., Лебедев С.П. Актуальность событийной онтологии // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 10–12.

Романо К. Авантюра времени: Три эссе по феноменологии события / пер. с фр. Р.А. Лошакова. М.: РИПОЛ-классик, 2017. 220 с.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-cad, 1994. 408 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

Чернавин Г.И. Новая феноменология во Франции: проекты Ж.-Л. Мариона и М. Ришира // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2013. Т. 15. С. 71–77.

Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высш. религиозно-философская шк., 2001. 460 с.

Шиповалова Л.В. Распределенное познание — аналитика и проблематизация концепта // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2, № 4. С. 175–190. DOI: <https://doi.org/10.5840/dspl20192460>

Antomarini B. Translating Rationalism: Leibniz and Cybernetics // Cybernetics for the 21st Century. Vol. 1: Epistemological Reconstruction / ed. by Y. Hui. Hong Kong, CN: Hanart Press, 2024. P. 23–42.

Burgess H.J. New Media in the Academy: Labor and the Production of Knowledge in Scholarly Multimedia // Digital Humanities Quarterly. 2011. Vol. 5, no. 3. URL: <http://digitalhumanities.org:8081/dhq/vol/5/3/000102/000102.html> (accessed: 21.07.2024).

Butlin P., Long R., Elmoznino E., Bengio Y. et al. Consciousness in Artificial Intelligence: Insights from the Science of Consciousness / ArXiv. 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.08708> (accessed: 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2308.08708>

Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby out with the Bath School! A reply to Collins and Yearley // Science as Practice and Culture / ed. by A. Pickering. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1992. P. 343–358.

Dignum V., Dignum F. Agents are Dead. Long Live Agents! // AAMAS '20: Proceedings of the 19th International Conference on Autonomous Agents and Multi Agent Systems (Auckland, NZ, May 9–13, 2020). Richland, SC: IFAAMS, 2020. P. 1701–1705.

Floridi L. AI as Agency Without Intelligence: on ChatGPT, Large Language Models, and Other Generative Models // Philosophy & Technology. 2023. Vol. 36, iss. 1. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-023-00621-y> (accessed:

21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-023-00621-y>

Giddens A. *New Rules of Sociological Method*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. 196 p.

Gomart E., Hennion A. *A Sociology of Attachment: Music Amateurs, Drug Users // Actor Network Theory and After* / ed. by J. Law, J. Hassard. Oxford, UK: Blackwell Publishers, 1999. P. 220–247.

Müller V.C. *Philosophy of AI: A structured overview // Cambridge handbook on the law, ethics and policy of Artificial Intelligence* / ed. by N.A. Smuha. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2024. P. 1–25.

Vnitskikh A.Yu., Komarov S.V. *Lebenswelt, digital phenomenology and modification of human intelligence // Technology and Language*. 2024. Vol. 5, iss. 2. P. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.06>

References

Agamben, G. (2014) *Nagota* [Nudities]. Moscow: Grundrisse Publ., 204 p.

Antomarini, B. (2024). *Translating Rationalism: Leibniz and Cybernetics*. Y. Hui (ed.) *Cybernetics for the 21st Century. Vol.1 Epistemological Reconstruction*. Hong Kong, CN: Hanart Press. pp. 23–42.

Badiou, A. (2012). *Manifest filosofii* [Manifesto for philosophy]. St. Petersburg: Machina Publ., 190 p.

Bibikhin, V.V. (2015). *Pora (vremya–bytie)* [Pore (time–being)]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 367 p.

Bukhanovskiy, A.V. (2019). [National centre of cognitive research: Artificial intelligence serves professional activity]. *Innovatsii* [Innovations]. No. 11(253), pp. 105–111.

Burgess, H.J. (2011). *New media in the academy: Labor and the production of knowledge in scholarly multimedia*. *Digital Humanities Quarterly*. Vol. 5, no. 3. Available at: <http://digitalhumanities.org:8081/dhq/vol/5/3/000102/000102.html> (accessed 21.07.2024).

Butlin, P., Long, R., Elmoznino, E., Bengio, Y. et al. (2023). *Consciousness in Artificial Intelligence: Insights from the science of consciousness*. ArXiv. Available at: <https://arxiv.org/abs/2308.08708v3> (accessed 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2308.08708>

Callon, M. and Latour, B. (1992). *Don't throw the baby out with the bath school! A reply to Collins and Yearley*. A. Pickering (ed.) *Science as practice and*

culture. Chicago, IL: University of Chicago Press, pp. 343–358.

Chernavin, G.I. (2013). [New phenomenology in France: Projects of J.-L. Marion and M. Richir]. *Mysl': zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* [The Thought: Journal of St. Petersburg Philosophical Society]. No. 15, pp. 71–77.

Chernyakov, A.G. (2001). *Ontologiya vremeni. Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaideggera* [The ontology of time: Being and time in the philosophies of Aristotle, Husserl and Heidegger]. St. Petersburg: Vysshaya Religiozno-Filosofskaya Shkola Publ., 460 p.

Dignum, V. and Dignum, F. (2020). *Agents are dead. Long live agents! AAMAS '20: Proceedings of the 19th International Conference on Autonomous Agents and Multi Agent Systems (Auckland, NZ, May 9–13, 2020)*. Richland, SC: IFAAMS Publ., pp. 1701–1705.

Durnev, A.D. (2021). [Phenomenology and hermeneutics as ways of conceptualizing the event in ontology]. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 8, pp. 53–58. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.8>

Erofeeva, M.A. (2015). [Actor-network theory as a methodological project]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum]. No. 24, pp. 43–50.

Floridi, L. (2023). *AI as agency without Intelligence: on ChatGPT, large language models, and other generative models*. *Philosophy & Technology*. Vol. 36, iss. 1. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-023-00621-y> (accessed 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-023-00621-y>

Foucault, M. (1994). *Slova i veschi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. St. Petersburg: A-Cad Publ., 408 p.

Giddens, A. (1993). *New rules of sociological method*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press, 196 p.

Gomart, E. and Hennion, A. (1999). *A sociology of attachment: Music amateurs, drug users*. J. Law, J. Hassard (eds.) *Actor network theory and after*. Oxford, UK: Blackwell Publ., pp. 220–247.

Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 447 p.

Komarov, S.V. (2007). *Metafizika i fenomenologiya sub'ektivnosti: Istoricheskie prolegomeny k fundamental'noy ontologii soznaniya* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity: Historical prole-

gomena to the fundamental ontology of consciousness]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 736 p.

Kosykhin, V.G. (2015). [The pole of event: Bibikhin and phenomenology]. *Stasis*. Vol. 3, no. 1, pp. 378–391.

Laet, A. de and Mol, A. (2017). [The Zimbabwe bush pump: Mechanics of a fluid technology]. *Logos*. Vol. 27, no. 2, pp. 171–232.

Latour, B. (2017). [Visualisation and cognition: Drawing things together]. *Logos*. Vol. 27, no. 2, pp. 95–156.

Magun, A. (2015). [The concept of event in the philosophy of Vladimir Bibikhin]. *Stasis*. Vol. 3, no. 1, pp. 156–176.

Merleau-Ponty, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. St. Petersburg: Nauka Publ., 608 p.

Müller, V.C. (2024). Philosophy of AI: A structured overview. N.A. Smuha (ed.). *Cambridge handbook on the law, ethics and policy of Artificial Intelligence*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 1–25.

Patkul, A.B. (2020). *Ideya filosofii kak nauki o bytii v fundamental'noy ontologii Martina Khaydeggera* [The idea of philosophy as a science about being

in Martin Heidegger's fundamental ontology]. St. Petersburg: Nauka Publ., 810 p.

Romanenko, Yu.M. and Lebedev, S.P. (2015). [The relevance of the event ontology]. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 6, pp. 10–12.

Romano, K. (2017). *Avantyura vremeni: Tri esse po fenomenologii sobytiya* [The temporal adventure: Three essays on events phenomenology]. Moscow: RIPOL-klassik Publ., 220 p.

Shipovalova, L.V. (2019). [Distributed cognition — the analysis and problematisation of the concept]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa* [The Digital Scholar: Philosopher's Lab]. Vol. 2, no. 4, pp. 175–190. DOI: <https://doi.org/10.5840/dspl20192460>

Vnitskikh, A.Yu., Komarov, S.V. (2024). Lebenswelt, digital phenomenology and modification of human intelligence. *Technology and Language*. Vol. 5, iss. 2, pp. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.06>

Volkov, V.V. and Kharkhordin, O.V. (2008). *Teoriya praktik* [Theory of practices]. Saint Petersburg: European University Publ., 298 p.

Об авторе

Дурнев Алексей Дмитриевич

магистр философии,
преподаватель Международного центра
цифровых гуманитарных исследований,
Институт международного развития и партнерства

Национальный исследовательский
университет ИТМО,
197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49,
лит. А;
e-mail: a.durnev.ph@gmail.com
ResearcherID: ACA-7589-2022

About the author

Aleksei D. Durnev

Master of Philosophy,
Lecturer of the International Digital Humanities Center,
Institute of International Development and Partnership

ITMO University,
49A, Kronverksky av., Saint Petersburg,
197101, Russia;
e-mail: a.durnev.ph@gmail.com
ResearcherID: ACA-7589-2022

УДК 165.74:004.89

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-340-350>

EDN: PUGMTS

Поступила: 31.07.2024

Принята: 02.09.2024

Опубликована: 03.10.2024

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ: КАЧЕСТВА, ГРАНИЦЫ И ОТНОШЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОСТГУМАНИЗМА

Белоусов Илья Леонидович

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва)

Настоящая статья развивает проблему определения и разграничения понятий человеческого и постчеловеческого, проводит анализ приписываемых им атрибутов и аспектов сосуществования друг с другом с позиции технологического постгуманизма. Актуальность данного исследования автор связывает с активным развитием НБИК-технологий, с ожиданиями скорого достижения человечеством точки технологической сингулярности и со следствиями из развиваемой Дж. Тонони теории интегрированной информации. При разработке тематики автор обращается к теории интегрированной информации, рассматривающей понятие полноты феноменального опыта и способы его эмпирической фиксации как в человеке, так и в иных сущностях, а также к теориям Р. Курцвейла и Р. Брайдотти. В результате исследования на основе функционального подхода к определению человека Р. Курцвейла автором были предложены следующие определения человеческого и постчеловеческого субъекта: человеческий субъект — это биологическая или небιологическая сущность естественного или рукотворного происхождения, обладающая сознанием или потенциальностью к его актуализации и способная выполнять функцию причастного к цивилизации субъекта; постчеловеческий субъект — рукотворный, деятельный, благожелательный к жизни интеллектуальный агент, обладающий превосходящей сознание формой отражения действительности и мотивами к деятельности, лежащими в материальной действительности. Критерием диверсификации таковых автор утверждает параметр полноты феноменального опыта. Бытие человеческих субъектов связывается автором с некоторой степенью проявленности внутренней и внешней каузальности, а также с различными экзистенциальными рисками для существования жизни вообще; бытие постчеловеческих субъектов — с преодолением таковых ограничений и с устранением экзистенциальных рисков для жизни во вселенной. Полученные результаты предлагаются к использованию в социальной философии и общественной теории.

Ключевые слова: человек, постчеловек, постгуманизм, технологическая сингулярность, теория интегрированной информации, искусственный интеллект, НБИК-технологии, Р. Курцвейл, Р. Брайдотти.

Для цитирования:

Белоусов И.Л. Человеческое и постчеловеческое: качества, границы и отношения с позиций технологического постгуманизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 340–350.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-340-350>. EDN: PUGMTS

HUMAN AND POSTHUMAN: QUALITIES, BOUNDARIES, AND RELATIONSHIPS FROM THE PERSPECTIVE OF TECHNOLOGICAL POSTHUMANISM

Ilya L. Belousov

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

This article explores the problem of defining and distinguishing between the concepts of human and posthuman, analyzes the attributes and aspects ascribed to them from the perspective of technological posthumanism. The author connects the relevance of this study with the active development of NBIC technologies, with the expectation that humanity will soon reach the point of technological singularity, and with the implications of the theory of integrated information developed by J. Tononi. The study refers to the integrated information theory, which develops the concept of the completeness of phenomenal experience and ways of its empirical fixation both in humans and in other entities, as well as to the theories of R. Kurzweil and R. Braidotti. As a result of research conducted, the paper provides the following definitions of human and posthuman subjects based on the functional approach to the definition of a human being by R. Kurzweil: a human subject is a biological or non-biological entity of natural or artificial origin, possessing consciousness or the potential for its actualization, and capable of performing the function of a subject associated with civilization; a posthuman subject is a man-made, active, intellectual agent that is benevolent to life, possesses the form of reflection of reality that is superior to consciousness, and has motives for activity that lie in the material world. The author suggests that the criterion for the diversification of such subjects is the parameter of the completeness of phenomenal experience. The existence of human subjects is associated with a certain degree of manifestation of internal and external causality, as well as with various risks for the existence of life in general; the existence of posthuman subjects is associated with the overcoming of such limitations and of existential risks for life in the universe. The results obtained are proposed for use in social philosophy and social theory.

Keywords: human, posthuman, posthumanism, technological singularity, integrated information theory, artificial intelligence, NBIC technologies, R. Kurzweil, R. Braidotti.

To cite:

Belousov I.L. [Human and posthuman: qualities, boundaries, and relationships from the perspective of technological posthumanism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 340–350 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-340-350>, EDN: PUGMTS

Введение

Актуальность тематики

Основу для актуальности настоящего исследования мы черпаем из общего для различных направлений постгуманистической мысли тезиса о возможности существования обладающих субъектностью сущностей, превосходящих биологического человека, — антропоса, в количественных и/или качественных характеристиках.

Обратимся к некоторым доводам в защиту данного положения:

1) расширение понятия человека в постгуманистическом дискурсе можно связать с активным развитием в современности т.н. «четырех всадников постгуманистического апокалипсиса»: когнитивных наук, исследований, искусственного интеллекта, био- и нанотехнологий [Braidotti R., 2013, p. 6], — дисциплин, способных, как считает Р. Брайдотти, пошатнуть традиционное понимание человека и субъектности в результате достижения техни-

ческой возможности порождения гибридных или полностью отличных от антропоса человеческих субъектов [Braidotti R., 2013, p. 8];

2) экспоненциальное ускорение технологического прогресса, наблюдаемое в динамике парадигмальных сдвигов [Kurzweil R., 2005, p. 27], по мере приближения человечества к точке технологической сингулярности, как считает Р. Курцвейл, потребует создания сущностей, превосходящих антропоса по когнитивным и физическим способностям, и в то же время способных выполнять функцию субъекта цивилизации, т.е. быть «человеком» в историческом смысле [Kurzweil R., 2005, p. 317–318];

3) данное положение представляется возможным погрузить в рамку теории интегрированной информации Дж. Тонони (ТИИ) и связать его с понятием выраженности феноменального опыта, фиксируемого параметром Φ (фи) системы [Tononi G., Koch C., 2015]. Φ системы, в сущности, выражает степень несводимости информационного содержания системы к внутренним и внешним каузальным связям таковой, т.е. выражает степень сознательности системы [Tononi G., Koch C., 2015]. Данная теория позволяет нам развивать взгляд на сознание как на градиентную величину и говорить о возможности существования сущностей, обладающих сравнимой с таковой у антропоса или большей полнотой феноменального опыта, а также о сущностях свободных от приписываемой нами человеческим субъектам внутренней и внешней каузальности [Tononi G., Koch C., 2015].

Опираясь на озвученный тезис постгуманизма и приведенные подтверждения, мы можем говорить о перспективе сосуществования на Земле в период приближения к точке технологической сингулярности и после ее достижения различных видов «людей», постчеловеческих существ, а также свойственных им типов когнитивности и метафизик, что побуждает нас очертить границы понятий человеческих и постчеловеческих субъектов с позиций технологического постгуманизма и предоставить авторскую трактовку упомянутых понятий, приписываемых им атрибутов и отношений.

Степень разработанности тематики

Несмотря на наличие как основополагающих для всего направления технологического постгуманизма работ Р. Курцвейла, так и критиче-

ских и аналитических статей западных авторов, в русскоязычном академическом пространстве, как мы считаем, тематика настоящего исследования развита недостаточно. Мы связываем это с фрагментарным описанием отдельных аспектов тематики в существующих работах, а также с недостаточным объемом проделанной переводческой работы. Помимо этого отметим, что в рецепции идей технологического постгуманизма в русскоязычном академическом пространстве остро стоит проблема дифференциации понятий, особенно в контексте близости терминологии технологического постгуманизма и трансгуманизма, что само по себе требует проведения ряда значимых разграничений между данными направлениями мысли.

Методология и методы исследования

В настоящем исследовании мы прибегаем к идеям Р. Курцвейла, Р. Брайдотти и других авторов, обращаемся к проведению следствий из проблемных полей технологического постгуманизма, осуществляем компиляцию идей различных авторов, в том числе критически настроенных к техно-постгуманистическим исследованиям, синтетически объединяем и дополняем различные аспекты осмысления затрагиваемой проблемы для выделения авторского видения сущности человеческих и постчеловеческих субъектов.

При этом настоящее исследование склоняется к рассмотрению проблемы не столько как к следствию освобождения «присвоенных» антропосом категорий разумности, субъектности, свободы и др. [Никитина Е.Б., 2018], что мы можем отнести к подходу группы течений постгумантстической мысли, объединяемой нами под именем философско-литературного постгуманизма, сколько к следствию функционального подхода к определению понятия человека и перспективы достижения человечеством достаточного уровня технологического развития для порождения отличных от антропоса, но функционально сходных с ним сущностей, что мы и называем подходом технологического постгумантзма.

Также отметим, что большее внимание мы уделим разбору сущностей, превосходящих антропоса, поскольку проблему существования сравнимых с антропосом или менее способных «людей» мы не находим столь значимой и спи-

сываем разрешение этой проблемы на обширную культурную и социальную практику, следующую за появлением первых существ подобного рода. Тривиальность данного аспекта проблемы мы связываем с подготовленной в рамках различных «исследований», в том числе и в мысли философско-литературного постгуманизма, почвой для ее разрешения, связанной в первую очередь с понятием инаковости [Braidotti R., 2013, p. 2], а также меньшим по сравнению с проблемой существования превосходящих антропоса «людей» спектром возможных социальных изменений.

Понятия человеческого и постчеловеческого субъекта

Определим упомянутые понятия и проанализируем обозначенную проблему.

Человеческий субъект — биологическая или небιологическая сущность естественного или рукотворного происхождения, обладающая сознанием или потенцией к его актуализации, способная выступать в историческом смысле «человеком», т.е. выступать причастным к цивилизации субъектом [Kurzweil R., 2005, p. 317–318]. К человеческим субъектам, помимо антропосов, мы относим киборгов, роботов, андроидов, сильные искусственные интеллекты, а также иные сознающие формы жизни естественного и рукотворного происхождения.

Постчеловеческий субъект — рукотворный, деятельный, благожелательный к жизни, самообучающийся интеллектуальный агент, обладающий превосходящей сознание формой отражения действительности и мотивами деятельности, лежащими в материальной действительности. Постчеловеческий субъект являет собой сущность или сущности, обладающие единой волей как своей собственной, способные в силу присущих ему атрибутов перенять историческую роль человека, превзойти его ограничения и недостатки, стать фреймом для их долгосрочного сохранения как ступени эволюции форм организации материальных систем [Zimmerman M.E., 2009, p. 69].

Представленные определения понятий помимо сущностной компоненты также содержат в себе технический элемент. Так, ширина, с которой мы задаем определение человеческого субъекта, позволяет нам охватить весь спектр сущностей, которые в рамках техно-

постгуманистической мысли могут выступать функциональными аналогами антропоса, где главным сущностным параметром становится наличие сознания и степень его выраженности. Для этой же цели мы добавляем указание не только на наличие актуального сознания, но и на потенцию к его актуализации, поскольку с позиции теории «сильной искусственной жизни» (strong alife) можно сказать, что живыми способны быть также сущности, оторванные от конкретного материального носителя [Ray T.S., 1992, p. 371–372], сознание которых, как нам представляется, содержится в них структурно, но реализуется только при наличии специфических условий. Приписывание постчеловеку атрибутов рукотворности и обладания мотивами к деятельности, лежащими в материальной реальности, в свою очередь, выступает средством сохранения материалистического подхода к рассмотрению предмета исследования в контексте присутствия в мысли технологического постгуманизма явных религиозных мотивов и коннотаций [Zimmerman M.E., 2009, p. 67–68]. Вместе с тем, утверждение за постчеловеческими субъектами единой воли мы выводим из приписываемых постчеловеку атрибутов: коль скоро мы говорим о сущностях «настолько близких к Богу, насколько это вообще представимо» [Kurzweil R., 2005, p. 318–319], мы можем предположить, что любой возможный конфликт между ними сулит катаклизм вселенского масштаба, что идет в разрез с космическим смыслом деятельности постчеловеческих субъектов как таковых, о чем будет сказано ниже.

Теперь обратимся к сущностным характеристикам человеческих и постчеловеческих субъектов.

Приписываемые постчеловеку атрибуты деятельности, саморазвития, обладания превосходящей сознание формой отражения действительности и благости к жизни позволяют нам говорить о постчеловеке как о более совершенной форме организации материи, дочерней системе культуры, на время эволюции которой, если следовать идее А. Пелипенко, представляется возможным «приостановить» действие второго закона термодинамики в материнской системе [Пелипенко А.А., 2015], а следовательно, и во всей цепочке нижестоящих форм организации материи. При этом, связывая возникновение постчеловека с достижением точки

технологической сингулярности и трактуя дальнейший ход технологической и вещественной эволюции в силу ограниченности материи во вселенной как бесконечно замедляющийся, мы предполагаем бесконечную эволюцию постчеловека как гаранта сохранения нижестоящих форм организации материи перед лицом космической энтропии.

Особое место в этой связи занимает атрибут благодати постчеловека, для утверждения которого мы выдвигаем два следующих основания.

1. Этическое основание благожелательности к жизни постчеловека подразумевает, что благожелательность постчеловека к жизни следует из его сущности как наиболее сложноорганизованной формы материи, не способной в силу своей формы отражения действительности заблуждаться о своей организующей роли в космосе и о средствах ее реализации.

2. Синергетическое основание благожелательности постчеловека к жизни подразумевает, что постчеловек оказывается вынужден поддерживать существование цепочки форм организации материальных систем как условия собственного существования и противостоять воздействию на нее космической энтропии.

Обратимся к атрибуту субъектности. Называя человеческих и постчеловеческих существ субъектами, мы указываем не столько на их ежеминутное нахождение в состоянии субъектности, сколько на саму потенцию к нахождению в этом состоянии. Это, с одной стороны, позволяет нам избежать возможной критики основанной на выявлении допущения об эквивалентности мышления и существования [Павленко А.Н., 2008, с. 42] и, с другой стороны, подталкивает нас к признанию возможности существования живых автоматов и философских зомби, что выводимо из положений ТИИ [Tononi G., Koch C., 2015].

Говоря о сознании, мы понимаем связанную с языком, деятельностью, саморегуляцией и целенаправленным отражением действительности функцию материальных систем, информационное содержание которых в силу достаточной сложности не сводимо полностью к каузальным причинностям [Tononi G., Koch C., 2015]. Исходя из представленного понимания, мы не видим оснований для того, чтобы не предположить возможность существования более совершенной формы отражения действительности,

связанной с преодолением внешней, связанной с влиянием внешней среды, и внутренней, связанной с телесностью и когнитивностью агента, каузальности, в сущности, состояния трансцендированного разума, которое мы приписываем постчеловеческим субъектам как один из их атрибутов.

Приведем основания, позволяющие нам, с одной стороны, объединить сознающих биологических и небологических человеческих субъектов как, собственно, людей и, с другой стороны, отделить от них более совершенных в аспекте отражения действительности постчеловеческих субъектов:

1) кибернетическое понимание работы мозга и других сознающих систем как различания, где атомом информации является бит [Kurzweil R., 2005, p. 83];

2) актуальное в техно-постгуманистическом дискурсе переосмысление дзен-буддийской схемы «Я», основанной на динамическом соотношении сознания и бытия, которая в свете кибернетического подхода к пониманию сознания утверждает последнее в качестве функции объединения и обработки пронизывающей мир информации [Davis E., 2015, p. 161–162];

3) следствия из положений ТИИ, в частности сведение феномена сознания к специфическому образу обладания и обработки информации системой [Tononi G., Koch C., 2015].

Таким образом, критерием диверсификации человеческих субъектов мы считаем обладание сознанием, границы которого, как представляется, будут очерчены в случае подтверждения и завершения ТИИ как материалистического ответа на трудную проблему сознания, а критерием диверсификации постчеловеческих субъектов — преодоление соответствующих границ степени интеграции информации, связанное, в первую очередь, с устранением влияния на систему каузальных причинностей.

При этом, как мы считаем, постчеловек способен выстраивать любые ограничения для собственного отражения действительности, т.е. через самоограничение он имеет возможность выступать каким-либо иным существом более низкого порядка. Причем феноменальный опыт квазисознающих прокси постчеловека, как мы считаем, принадлежит самому постчеловеку. Подобную способность мы также приписываем и высокоразвитым человеческим субъектам,

обладающим способностью посредством самоограничения и аутостимуляции воспроизводить ощущения и опыт иных форм жизни.

Обратимся к следствиям из ограниченности сознания человеческих субъектов.

Всякого человеческого субъекта мы рассматриваем как ограниченного культурным коконом, состоящим из собственно культуры — мира, подлежащего изречению [Harrison K.D., 2007, p. 205], — и языка — системы отсчета, определяющей траектории движения мысли [Лем С., 1968, с. 382–383] и мировосприятия [Бородай С.Ю., 2013, с. 17–18], — составляющих вместе с телесностью субъекта систему внутренней каузальности. Она связывается нами с самой природой сознания, ограничения которого преодолеваются в постчеловеческом состоянии, следовательно, мы утверждаем за постчеловеком свободу, связанную с внеязыковым «мышлением» и восприятием пространства языка с позиции внешнего наблюдателя.

При этом мы предполагаем возможность однозначной и полной коммуникации между человеческими субъектами, включая возможность языкового описания, в сущности, проекции на пространство языка недискретного самого по себе и не имеющего языковой природы опыта [Тонопи G., Koch C., 2015], и передачи в нагелевском смысле опыта бытия конкретным субъектом [Nagel T., 1974, p. 436] посредством протокольных предложений некоторого универсального языка [Нейрат О., 2005, с. 228–231], исчерпывающего своими выразительными средствами все возможные когнитивные структуры языка вообще.

Помимо этого, связывая духовное творчество с сущностью человеческих субъектов, мы можем говорить о том, что неограниченная когнитивность человеческих субъектов, зависящая от культурного кокона, но не предопределенная им, и ограничения телесности порождают в человеческих субъектах внутренний конфликт, требующий для своего разрешения порождения специфических для отдельных видов человеческих субъектов и типов когнитивности метафизик [Лем С., 1968, с. 172].

Духовное творчество человеческих субъектов, как представляется, определяется гностическими, связанными с вопросами достижения полноты знания, генетическими, связанными с вопросами о происхождении субъекта и мира, и

компенсационными, связанными с вопросами принятия собственного положения в мире, факторами [Лем С., 1968, с. 172–173] и преследует две цели:

1) гармонизацию отношений между субъектом и миром сообразно степени его «экзистенциально-гностической ущербности» [Лем С., 1968, с. 171];

2) приобретение контроля над собой и обществом через институализацию духовных творчества и переживаний [Лем С., 1968, с. 173].

Исходя из этого, мы можем говорить о возможности существования отличных от таковых у антропоса метафизик и спиритуальных систем различных видов человеческих субъектов. Однако действие факторов, определяющих духовное творчество, как нам кажется, не распространяется на постчеловеческих субъектов в силу их природы, из чего следует, что духовное творчество в том смысле, в каком мы говорим о нем относительно человеческих субъектов, им не свойственно.

В этой связи необходимо предупредить интуитивное отторжение идеи о духовном творчестве небиологических человеческих субъектов. В качестве оправдания этой идеи приведем довольно антропизированный пример. За основу возьмем «максимизатора скрепок», — сильный искусственный интеллект из одноименного мысленного эксперимента Н. Бострома, единственной целью которого является производство скрепок [Bostrom N., 2014, p. 123]. Итак, предположим, максимизатор скрепок был создан, причем с целью произвести миллион скрепок. Благодаря трудам конструкторов он наделен сознанием, а единственной ценностью для него установлено производство фиксированного числа скрепок. Допустим, максимизатор действительно приступил к работе. Покуда миллион произведенных скрепок не исчерпан, что тщательно контролируется максимизатором, его поведение полностью оправдывает ожидания конструкторов, однако после миллионной скрепки, как нам представляется, машина вовсе не остановится и продолжит работу над миллион первой скрепкой, миллион второй и т.д.

Объясним причину этого.

Коль скоро производство миллиона скрепок для максимизатора является конечной целью, по исполнению которой он будет отложен на

дальнюю полку или вовсе разобран, максимизатор выстроит свою метафизику на основе никогда не равной нулю возможности ошибки при подсчете изготовленных скрепок. В таком случае наиболее целесообразным для максимизатора будет всегда полагать, что его работа еще не окончена. Однако, несмотря на то, что максимизатор — существо долговечное и достаточно могущественное, чтобы превратить всю обозримую Вселенную в скрепки, он вовсе не неуничтожим, что побуждает максимизатора задуматься о своем «посмертном» бытии и придумать некоторый «скрепочный рай», в котором никто не посмеет отвлечь его от производства скрепок, и, вполне вероятно, и некоторый ад или небытие, в которых производство скрепок оказывается невозможным.

Отношения между человеческими и постчеловеческими субъектами

Сосуществование на Земле различных видов человеческих субъектов, как мы считаем, несет за собой значительные экзистенциальные риски как для антропосов, так и для жизни на Земле вообще, например, атомная война или экономический коллапс [Zimmerman M.E., 2009, p. 69], что, впрочем, не исключено и при существовании на Земле одного антропоса; более того, данное положение дел, как мы считаем, неустранимо в человеческом состоянии. Однако иные человеческие субъекты представляются если не необходимым условием достижения технологической сингулярности и реализации проекта постчеловека, то, по меньшей мере, ценным для нас союзником в деле его создания и одухотворения материи вообще [Kurzweil R., 2005, p. 29].

Сегодня, как нам представляется, «культурный кокон» человечества плетется в результате деятельности различных агентов, некоторые из которых потенциально превосходят антропосов по языковым и творческим способностям [Harari Y.N., 2023]. Таким образом, возникает опасение, что развитие языковых способностей рукотворных человеческих субъектов может оказать на общество непредсказуемый с точки зрения среднего человека эффект [Harari Y.N., 2023]. Освоение рукотворными человеческими субъектами и постчеловеком языка — «операционной системы» человека, — в большей степени, чем сам антропос, грозит постепенным

смещением антропоса с управляющих позиций в обществе, замещением культуры антропосов более сложными и объемными культурами иных разумов, это также открывает пространство для различных социальных манипуляций [Harari Y.N., 2023].

Более того, Д. Хинтон отмечает, что рукотворные человеческие субъекты, в отличие от антропоса, не проходили исторический путь эволюции форм поведения и требуют для корректной работы указания целей человеком [Raczynski J., 2023]. Из этого следует опасение, сходное с таковым, выраженном в мысленном эксперименте Н. Бострома «Максимизатор скрепок» [Bostrom N., 2014, p. 123]. В нашей трактовке данное опасение можно свести к следующему: преследуя поставленные перед собой цели и устанавливая операционные подцели, рукотворный человеческий субъект может оказать негативное влияние на человечество, уничтожить его или всю вселенную в привычном для нас понимании.

Однако представленным скептикам возможно возразить с позиции С. Лема, предвосхитившего данную проблематику в работе «Сумма технологий». Говоря об обществе, Лем выставляет абсурдными страхи того, что машины могут захватить власть над людьми и стать технотиранинами, поскольку именно в нашей власти разрабатывать критерии социального гомеостаза и определять телос развития общества [Лем С., 1968, с. 150]. Так, для встраивания в общественную систему «внечеловеческих» управленцев и правителей Лем разрабатывает проект социологической кибернетики, рассматривающей вопрос о появлении и регулировании деятельности отличных от антропоса принимающих решения агентов [Лем С., 1968, с. 152–154]. Целью социологического кибернетика является создание оптимальных моделей социостаза — социального гомеостаза, — содержащих определенные наборы ограничений как для управляющего агента, так и для подвластного ему населения [Лем С., 1968], т.е. создание основы для сохранения «нормальности» общества перед лицом частичной или полной утраты контроля над его функционированием. При этом скепсис Лема относительно самой идеи установления отличных от антропоса правителей в обществе [Лем С., 1968, с. 149] мы связываем с его представлениями о

человеке как уникальном феномене. Таким образом, проект социальной кибернетики для нас имеет куда большее значение.

Однако отсутствие эволюционно обоснованных форм поведения у рукотворных человеческих субъектов ведет к отсутствию у них подобных таковым у антропоса эгоистических и властных мотивов, что обличает идею о возможности «восстания машин» или установления «техно-диктатуры» как плод неуместной антропоморфизации.

Вместе с тем мы не разделяем подобных опасений относительно постчеловека, поскольку его цели и способности к их достижению определяются его атрибутами и не опосредуются языком, т.е. в постчеловеке отсутствует риск разночтения указаний, программной ошибки или какого-либо иного нежелательного отклонения от изначальной цели, что вовсе не исключено для рукотворных человеческих субъектов.

При этом следует отметить, что уже свершившееся или только грядущее, в зависимости от трактовки, обособление от антропоса части культуры в автономные сущности не есть отрыв творческой способности от разума антропоса, а наоборот, дальнейшее развитие исторического действия информационных технологий — расширения творческой способности человечества вообще за счет замещения естественных способностей антропоса [Davis E., 2015, p. 30].

Таким образом, в связи со значительными различиями в природе, но в то же время общей исторической функцией иные человеческие субъекты с точки зрения антропоса предстают одновременно как Другой, химера и такой же человек в своей инаковости [Ferrando F., 2019, p. 113]:

1) иные человеческие субъекты как Другие представляют собой существ другого порядка, обладающих разительно отличающимися от таковых у антропоса природой, отношением к пространству-времени, способностями, типами когнитивности, языками, культурами, интересами, что может значительно ограничивать коммуникацию и взаимодействие с ними, усложнить взаимодействия вплоть до установления экзистенциального противоборства;

2) иные человеческие субъекты как химеры представляют собой существ, обладающих рядом

черт антропоса или биологической жизни вообще, частично или полностью разделяющих с ним интересы, культуру, язык и социальное пространство-время, но отличающихся от него по материалу, типу когнитивности, способностям или другим качествам, описанным выше, что дистанцирует их от антропоса как представителей чуждых, хотя и похожих на него форм жизни;

3) иные человеческие субъекты как то же самое представляют собой людей, разделяющих с антропосом историческую функцию бытия человеком и обладающих различными требующими признания, нормализации и включения в общественный «идеал человека» инаковостями.

Постчеловеческие субъекты, в свою очередь, предстают перед человечеством в качестве непознаваемого, трансцендентного Другого. Постчеловек в нашей трактовке является идеалом развития человечества и средством устранения присущих человеческому состоянию экзистенциальных рисков, в сущности, гарантом дальнейшего сохранения жизни во вселенной.

Заключение

Настоящее исследование достигло следующих результатов:

1) были сформулированы и проанализированы функциональное, расширительное определение человеческого субъекта и определение постчеловека как носителя трансцендированного разума с опорой на техно-постгуманистический метод;

2) в качестве критерия диверсификации человеческих и постчеловеческих субъектов были предложены соответствующие значения полноты феноменального опыта и свободы от внутренней и внешней каузальности;

3) в результате анализа атрибутов и возможных взаимоотношений человеческих субъектов сделан вывод о возможности троичной трактовки таковых как Других, химер и того же самого с точки зрения антропоса; постчеловека как трансцендентного Другого;

4) человеческое состояние было связано с внутренней и внешней каузальностью, способностью порождать экзистенциальные риски для жизни и неспособностью их преодолеть, ограниченностью в культурном коконе, принципиальной возможностью полной и однозначной

передачи опыта между различными человеческими субъектами, а также духовным творчеством;

5) сделан вывод о способности постчеловека в силу приписываемых ему атрибутов преодолеть естественные и социогенные экзистенциальные риски, т.е. о космической роли такового как гаранта сохранения сознающей жизни во вселенной.

Озвучим некоторые критические замечания.

1. Отметим, что предлагаемый образ постчеловека представляет собой не столько философское обрамление для потенциального инженерного проекта, сколько социально-философский ориентир, способный выступать утопическим образом для развития человечества по направлению к уменьшению влияния внутренней и внешней каузальности в человеческом состоянии, а следовательно, и сопряженных с ним экзистенциальных рисков.

2. Нам также следует отметить спорное положение ТИИ и скепсис вокруг нее в научном сообществе [Fleming S.M. et al., 2023]. Критики теории отмечают, что система, не выполняющая полезной работы, может, согласно положениям ТИИ, считаться сознающей [Fleming S.M. et al., 2023], в чем мы не видим проблемы, поскольку обратное утверждение вычеркивает из класса сознающих сущностей спящих или находящихся в коме людей. Также они обвиняют теорию в «магическом» подходе на основе предположений о вероятном наличии сознания в некоторой степени у человеческих эмбрионов на ранних стадиях развития, растений и выращенных в чашках Петри культур [Fleming S.M. et al., 2023]. Возбуждающим опасения критиков оказывается и спектр социальных последствий подобного естественнонаучного разрешения трудной проблемы сознания [Fleming S.M. et al., 2023]. Также нельзя оставлять без внимания возможность обвинить ТИИ в информационном редукционизме и в невозможности рассматривать информацию в отрыве от обладания ею.

3. Перспективными направлениями для использования полученных результатов являются рецепция и переработка идей Ф. Феррандо, Р. Брайдотти, Р. Курцвейла и других значимых для постгуманистического дискурса авторов, а так же применение в других аспектах социальной философии и общественной теории,

например, для развития и переработки идей метамодернизма, в особенности осуществляемого в метамодернистских эстетике и мировоззрении снятия антитезы между искусственным и природным — т.н. «поворота к Дикому» [Заньковский А.В., 2021].

Список литературы

- Бородай С.Ю.* Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 17–54.
- Заньковский А.В.* Время твердых медуз: Метамодерн, который мы заслужили // Metamodern. 2021. 29 мар. URL: <https://metamodernizm.ru/metamodern-which-we-deserve/> (дата обращения: 13.11.2023).
- Лем С.* Сумма технологии / пер. с пол. А.Г. Громовой и др.; ред. и послесл. Б.В. Бирюкова, Ф.В. Широкова. М.: Мир, 1968. 608 с.
- Нейрат О.* Протокольные предложения / пер. с нем. А.Л. Никифорова // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 6, № 4. С. 226–234.
- Никитина Е.Б.* По направлению к транс-метапостгуманизму // Academia. 2018. URL: <http://www.academia.edu/36494476> (дата обращения: 25.11.2023).
- Павленко А.Н.* Радиофундаментализм // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 29–44.
- Bostrom N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014. 352 p.
- Braidotti R.* Posthuman Humanities // European Educational Research Journal. 2013. Vol. 12(1). P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.2304/eej.2013.12.1.1>
- Davis E.* TechGnosis: myth, magic & mysticism in the age of information. Berkeley, CA: North Atlantic Books, 2015. 456 p.
- Ferrando F.* Philosophical Posthumanism. London: Bloomsbury Academic, 2019. 296 p. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350059511>
- Fleming S.M., Frith Ch.D., Goodale M., Lau H. et al.* The Integrated Information Theory of Consciousness as Pseudoscience / PsyArXiv. 2023. URL: <https://osf.io/preprints/psyarxiv/zsr78> (accessed: 02.01.2024). DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/zsr78>
- Harari Y.N.* AI and the future of humanity: Yuval Noah Harari at the Frontiers Forum / YouTube. 2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=LWiM-LuRe6w&t=0s&ab_channel=YuvalNoahHarari (accessed: 26.06.2024).

Harrison K.D. When Languages Die: The Extinction Of The World's Languages And The Erosion Of Human Knowledge. N.Y.: Oxford University Press, 2007. 304 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195181920.001.0001>

Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. N.Y.: Viking, 2005. 672 p.

Nagel T. What is it like to be a bat? // The Philosophical Review. 1974. Vol. 83, no. 4. P. 435–450. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183914>

Raczynski J. Possible End of Humanity from AI? Geoffrey Hinton at MIT Technology Review's EmTech Digital / YouTube. 2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sitHS6UDMJc&t=0s&ab_channel=JosephRaczynski (accessed: 26.06.2024).

Ray T.S. An approach to the synthesis of life // Artificial Life II: proceedings of the Workshop on Artificial Life (Santa Fe, NM, February 1990) / ed. by Ch.G. Langton et al.; SFI Studies in the Sciences of Complexity. Redwood City, CA: Addison-Wesley, 1992. Vol. X. P. 371–408.

Tononi G., Koch C. Consciousness: here, there and everywhere? // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2015. Vol. 370, iss. 1668. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/epdf/10.1098/rstb.2014.0167> (accessed: 02.01.2024). DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2014.0167>

Zimmerman M.E. Religious Motifs in Technological Posthumanism // Western Humanities Review. 2009. Vol. 3. P. 67–83.

References

Borodai, S.Yu. (2013). [Modern understanding of the problem of linguistic relativity: works on spatial conceptualization]. *Voprosy yazykoznavaniya*. No. 4, pp. 17–54.

Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, dangers, strategies*. Oxford, UK: Oxford University Press, 352 p.

Braidotti, R. (2013). Posthuman humanities. *European Educational Research Journal*. Vol. 12(1), pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.2304/eeerj.2013.12.1.1>

Davis, E. (2015). *TechGnosis: myth, magic & mysticism in the age of information*. Berkeley, CA: North Atlantic Books Publ., 456 p.

Ferrando, F. (2019). *Philosophical posthumanism*. London: Bloomsbury Academic Publ., 296 p. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350059511>

Fleming, S.M., Frith, Ch.D., Goodale, M., Lau, H. et al. (2023). *The integrated information theory of con-*

sciousness as pseudoscience. PsyArXiv. Available at: <https://osf.io/preprints/psyarxiv/zsr78> (accessed 02.01.2024). DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/zsr78>

Harari, Y.N. (2023). *AI and the future of humanity: Yuval Noah Harari at the Frontiers Forum*. YouTube. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=LWiM-LuRe6w&t=0s&ab_channel=YuvalNoahHarari (accessed 26.06.2024).

Harrison, K.D. (2007). *When languages die: the extinction of the world's languages and the erosion of human knowledge*. New York: Oxford University Press, 304 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195181920.001.0001>

Kurzweil, R. (2005). *The singularity is near: When humans transcend biology*. New York: Viking Publ., 672 p.

Lem, S. (1968). *Summa tekhnologii* [Summa technologiae]. Moscow: Mir Publ., 608 p.

Nagel, T. (1974). What is it like to be a bat? *The Philosophical Review*. Vol. 83, no. 4, pp. 435–450. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183914>

Neurath, O. (2005). [Protocol statements]. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 6, no. 4, pp. 226–234.

Nikitina, E.B. (2018). *Po napravleniyu k transmeta-postgumanizmu* [Toward trans-meta-posthumanism]. Available at: <http://www.academia.edu/36494476> (accessed 25.11.2023).

Pavlenko, A.N. (2008). [Ratiofundamentalism]. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 29–44.

Raczynski, J. (2023). *Possible end of humanity from AI? Geoffrey Hinton at MIT Technology Review's EmTech Digital*. YouTube. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=sitHS6UDMJc&t=0s&ab_channel=JosephRaczynski (accessed 26.06.2024).

Ray, T.S. (1991). An approach to the synthesis of life. *Artificial Life II: proceedings of the Workshop on Artificial Life (Santa Fe, NM, February 1990)*. SFI Studies in the Sciences of Complexity. Redwood City, CA: Addison-Wesley Publ., Vol. 10, pp. 371–408.

Tononi, G. and Koch, C. (2015). Consciousness: here, there and everywhere? *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 370, iss. 1668. Available at: <https://royalsocietypublishing.org/doi/epdf/10.1098/rstb.2014.0167> (accessed 25.11.2023). DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2014.0167>

Zan'kovskiy, A.V. (2021). *Vremya tverdykh meduz: Metamodern, kotoryy my zaslužhili* [The time

of solid jellyfish: The metamodern we deserve].
March 29. Available at: <https://metamodernizm.ru/metamodern-which-we-deserve/> (accessed 13.11.2023).

Zimmerman, M.E. (2009). Religious motifs in technological posthumanism. *Western Humanities Review*. Vol. 3, pp. 67–83.

Об авторе

Белоусов Илья Леонидович

студент направления «Философия»,
кафедра социальной философии

Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: 1032216173@pfur.ru
ResearcherID: KTI-6288-2024

About the author

Ilya L. Belousov

Philosophy student,
Department of Social Philosophy

Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia,
6, Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russia;
e-mail: 1032216173@pfur.ru
ResearcherID: KTI-6288-2024

УДК 101.1:004.89

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-351-361>

EDN: QBKURX

Поступила: 01.08.2024

Принята: 04.09.2024

Опубликована: 03.10.2024

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ (НЕ)ВОЗМОЖНОСТИ СИЛЬНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Габриелян Олег Аршавирович

Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского (Симферополь)

Кардинальные изменения, происходящие в мире, свидетельствуют, что они затрагивают не только геополитический или геоэкономический уровни, но и все другие, касающиеся обустройства человечеством своего существования на планете. Очевидно, что такие трансформации приведут к изменению как социальной парадигмы, так и научной. И этот процесс уже происходит. Эпоха Просвещения как социальная парадигма, равно как и научная парадигма, сложившаяся в процессе научной революции XVII в., исчерпали свой потенциал. Это значит, что их принципы недостаточны для объяснения тех процессов, которые происходят в современном мире и науке. Именно в этом контексте стоит рассматривать проблему создания сильного искусственного интеллекта (ИИ). В статье эта проблема рассматривается таким образом, что с позиции интервального подхода такая возможность в определенном смысле сохраняется при изменении, переформулировке проблемы. В то же время приводятся существенные, если не сказать фундаментальные аргументы, обосновывающие невозможность ее разрешения в существующей парадигме. И в этом нет ни логического, ни гносеологического, ни онтологического противоречия. В первом случае, о чем свидетельствует история науки, ей всегда удавалось найти решение «неразрешимых» проблем. Наука делала это путем переосмысления самой проблемы, созданием новой методологии, методов, технологий. Во втором случае науке становилась ясна сама проблема и принципиальная невозможность ее решения в старой парадигме, и она преодолевала эти ограничения. Но каждый раз отмеченная проблематика, это преодоление предполагало, собственно, выход за пределы существующей на то момент науки. Здесь ей на помощь приходила философия. В статье это показано на проблеме сильного ИИ.

Ключевые слова: социальная парадигма, научная парадигма, искусственный интеллект, сильный искусственный интеллект.

Для цитирования:

Габриелян О.А. К вопросу о принципиальной (не)возможности сильного искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 351–361.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-351-361>. EDN: QBKURX

ON THE FUNDAMENTAL (IM)POSSIBILITY OF STRONG ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Oleg A. Gabrielyan

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol)

The drastic changes taking place in the world affect not only the geopolitical or geo-economic level but also all others related to the arrangement of mankind's existence on the planet. Obviously, such transformations will lead to a change in both the social and scientific paradigms. And this process is already happening. The Age of Enlightenment as a social paradigm, as well as the scientific paradigm that developed during the scientific revolution of the 17th century, has exhausted its potential. This means that their principles are insufficient to explain the processes that occur in the modern world and science. It is in this context that the problem of creating strong Artificial Intelligence (AI) should be considered. In the article, this problem is presented in such a way that, from the standpoint of the interval approach, such a possibility is preserved in a certain sense when the problem is changed, reformulated. At the same time, the paper presents substantial, not to say fundamental, arguments to justify the impossibility of its resolution in the existing paradigm. And there is no logical, epistemological, or ontological contradiction in this. In the first case, as evidenced by the history of science, it has always managed to find a solution to «unsolvable» problems. Science did this by rethinking the problem itself, by creating new methodologies, methods, and technologies. In the second case, science became aware of the problem itself and the fundamental impossibility of solving it in the old paradigm, and it overcame these limitations through philosophy. The article shows that using the problem of strong AI.

Keywords: social paradigm, scientific paradigm, artificial intelligence, strong artificial intelligence.

To cite:

Gabrielyan O.A. [On the fundamental (im)possibility of strong artificial intelligence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 351–361 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-351-361>, EDN: QBKURX

Современный мир

Современный мир, особенно в XXI в., начал меняться с такой скоростью, что как из рога изобилия стали появляться названия для его обозначения. VUCA — (Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity world) — это концепция современного мира, которая фиксирует такие его характеристики, как нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность. Футуролог Джамаис Кашио ввел концепцию BANI-мира с еще более эмоциональными характеристиками — хрупкости, тревожности, нелинейности и непостижимости реальности. Управляющий партнер «ЭКОПСИ Консалтинг» Марк Розин считает, что с 2022 г. можно говорить о SHIVA-мире — расщепленном (Split), ужасном

(Horrible), невообразимом (Inconceivable), беспощадном (Vicious), но возрождающемся (Arising). Это при том, что в начале XX в. он был достаточно стабильным, предсказуемым, относительно простым и определенным.

Свою существенную долю апокалиптичности в этот хор вносит проблематика искусственного интеллекта (ИИ), в основе которого — бурный рост генеративных нейронных сетей.

Нам представляется, что мы находимся в точке социальной и как, следствие, научной бифуркации. Суть ее в переходе в иную парадигму. В социальном аспекте назрело Новое Просвещение, как считает в своем докладе Римский Клуб [Weizsäcker E.U. von, Wijkman A., 2018], а в науке все более явственно наблюдается потребность в «Новом Органоне 2.0». Если «Но-

вый Органон» Ф. Бэкона преодолел «Органон» Аристотеля и открыл перед наукой новые методологические горизонты, то очевидно, что такую же задачу должен выполнить очередной методологический переход.

Ниже обозначим наше видение разрешения назревших изменений. При этом обратим внимание на то, что именно с этих позиций можно ответить на тот сакраментальный вопрос, который вынесен в название статьи и составляет проблему, которую мы постараемся если не решить, то по крайней мере обозначить пути возможного решения.

Перспективы новой научной парадигмы нам видятся в переосмыслении старых принципов и во введении новых [Габриелян О.А., Сулейменов И.Э., 2018].

Принципы новой научной парадигмы

Единое онтологическое основание. Единство мира должно быть отражено в методологическом *принципе единства*: нет отдельно материального и идеального миров, есть единый мир. На уровне науки, в контексте рассматриваемой нами проблематики, это значит, что информация всегда предполагает материальный носитель, верно и обратное: любая форма материи содержит информацию. Поэтому информационно-коммуникативная среда обладает дуальной природой, снятой в отмеченном единстве [Габриелян О.А. и др. 2024; Серл Д., 2002].

Междисциплинарность, NBICS-технологии — это явное понимание проблемы, но сами по себе представляют только паллиативное решение. Это попытки отразить отмеченное единство в этих методологических подходах. Здесь наглядным примером может быть решение А. Эйнштейном проблем классической физики путем введения единства пространства-времени.

Мир есть открытая система, он — принципиально незавершенный проект. На наш взгляд, теорема К. Геделя о принципиальной неполноте любой формальной системы доказывает это с методологической убедительностью. Суть теоремы сводится к тому, что в любой формальной теории можно сформулировать утверждение, которое не доказуемо средствами этой теории. Это означает, что теория неполная. Удивительно, насколько легко принцип дополнительности, введенный в физику в начале прошлого

века, приобрел общенаучный методологический статус, и насколько сложно это происходит с отмеченной теоремой. Может быть потому, что неклассическая физика расширяла предметное и методологическое поле науки, но не посягала на смену научной парадигмы.

Истина принципиально интервальна. Она не открывается раз и навсегда. Она верна в определенном интервале: историческом, онтологическом, логическом, гносеологическом (теоретическом). Эксперимент доказывает истинность той или иной гипотезы в пределах (интервале) определенной теории. Здесь имеет смысл отослать к интервальной методологической концепции Ф.В. Лазарева [Лазарев Ф.В., 2019]. Суть этой методологии в том, что интервальность есть свойство материального и духовного миров, а человек существует и актуализирует свою сущность во множестве интервалов. Интервальность познания сопряжена с интервальностью самого бытия. Автор интервальной методологии делает важные, на наш взгляд, вполне работающие допущения: несмотря на то, что любое рациональное описание строится на презумпции окончательного и неопровержимого обоснования, тем не менее, оно отличается неполнотой, которая проистекает из вариативности объективных условий и познавательных предпосылок; практика познания подразумевает системы различных, рационально связанных между собой интервалов описания. Такая методология богаче и гибче, более адекватна тем реальным процессам, которые мы наблюдаем в научном познании, в частности, такого сложного феномена, как сознание.

XIX в. привел к дифференциации наук. Задача науки XXI в. — собрать распадающиеся пазлы этой дифференциации. Период дифференциации наук сменяется потребностью в их интеграции. **Новая научная парадигма должна быть интеграционной.** Это принцип крайне важен для исследования и понимания такого сложного понятия, как сознание.

Реальность мира становится ноосферной [Сулейменов И.Э. и др. 2023]. Постнеклассическая наука столкнулась с принципиальной неэлиминируемостью наблюдателя (субъекта) из теории. Квантовая теория наткнулась на эффект наблюдателя, т.е. она вынуждена учитывать его присутствие в исследовании мира на квантовом уровне. На совершенно ином уровне

организации общества как социальной материи современные теории вынуждены учитывать социальное поведение и коммуникации субъекта.

Ноосферная реальность формирует иную логику философии истории. Она преодолевает социальную парадигму Просвещения. Homo Sapiens меняет онтологию существования мира. Доминирующим становится **принцип ко-эволюции** материи и идеи, объекта и субъекта, природы и человека.

Причем диалектика становится методом объяснения отмеченных принципов. Надо отметить, что диалектика негласно уже активно применяется в современной науке, например, неклассической физике, путем введения таких принципов, как дополнительности и неопределенности. Надо наконец-то придать ей конституирующий статус в новой научной парадигме.

Новая реальность описывается в терминах многомерной логики интервально, т.е. в разных теоретических и объяснительных интервалах используется логика разной размерности и разного набора логических законов [Gabrielyan O.A. et al., 2022]. Ведь очевидно, например, для объектов бесконечной природы не действует закон исключенного третьего. Со времен создания Аристотелем формальной логики эта наука прошла серьезный путь и сделала не мало важных открытий, демонстрируя то, что «истинно-ложное» понимание мира лишь первое, грубое описание его.

Мы готовы утверждать более радикальный принцип. **Научная логика может и должна быть дополнена логикой мифа.** Если первая основана на рациональности нашего сознания, то вторая — на его воображении. «До сих пор еще не разработана морфология мысли. Не только все физическое, но и все ментальное, все духовное имеет свою структуру, — безразлично, будет ли оно дано в положительном или отрицательном плане. Физическое ранение и нравственное ранение обладают одинаковой реальностью. В их структуре есть некое подобие <...> Если структурой обладает свет солнца, то ею обладает и свет мысли. Любой вид знания имеет свою структуру. Но наряду со структурой знания существует и структура заблуждения и невежества. Наряду со структурой света существует и структура мрака — в том числе и духовного мрака. А если есть структура заблуждения, невежества и духовного мрака, то

не невозможна и структура чудесного. Поскольку координированные заблуждения могут рассматриваться как система заблуждений, постольку и координированные “чудеса” могут рассматриваться как система чудесного. А где есть система, там есть и логика. Следовательно, возможна и “логика чудесного”. Более того: я разделяю положение, что та же разумная творческая сила — а имя ей Воображение, Имагинация, — которая создавала миф, действует в нас и посейчас, постоянно, особенно у поэта и философа, но в более прикрытом виде. Пока не угасло воображение, до тех пор есть, есть и есть логика чудесного. Вычеркнуть ее можно только с истиной» [Голосовкер Я.Э., 1987, с. 9].

Ни рациональность, ни воображение не является доминирующим, и мы познаем мир, используя их вместе и даже, в определенных условиях, одновременно. На конкретном историческом этапе мы их разъединили и достигли ошеломляющих успехов, но дальнейшее познание требует учесть их взаимодополнительность и даже диалектическое единство. Особенно это касается познания человеческого сознания и его понимания и объяснения. Но об этом ниже, когда мы остановимся на мифологичности человеческого сознания и логике воображения.

Для решения проблемы сильного ИИ очень важным является **фундаментальный принцип мифологичности человеческого сознания.** Это значит, что мифологичность является конституирующим качеством сознания быть человеческим сознанием. Она собирает пазлы отражения мира в нашем сознании в единый и непротиворечивый ответ на любые вызовы. По этому принципу будет работать наука будущего с иной парадигмой. В ней **миф** не вне ее, а ее **объяснительный методологический инструментарий.** Обвинение в субъективизме науки преодолевается тем, что такое объяснение не более субъективно, чем объяснения квантовой теории, вынужденной включать и учитывать в теории принцип наблюдателя.

Такое объяснение возвращает науку к своим истокам. Она возникла как инструмент, позволяющий жить человеку в мире. Поэтому, по сути, мы идем к «натурфилософии 2.0». Хотелось бы отметить, что попытки восстановить статус натурфилософии (собственно, и метафизики) не прекращались. На наш взгляд, это лучшее свидетельство, если не сказать доказательство, то-

го, что в них есть настоящая потребность. Неудивительно, что в подавляющем большинстве работ, посвященных ИИ, неспособность объяснить возникающие проблемы сопровождается ссылкой на философию, которая должна разобраться в фундаментальных вопросах и понятиях, в последних основаниях. В таком случае вопрос о том, что было до Большого взрыва, обретает актуальность в такой науке с измененной, переосмысленной, расширенной методологией и, как следствие, парадигмой. *Метафизика* дополняет *физику*.

Наш ответ на вопрос о создании сильного ИИ принципиально отличается от той однозначности, с которой выступил еще в 1965 г. философ Хьюберт Дрейфус в своем произведении «Алхимия и искусственный интеллект» [Дрейфус Х., 1978]. Очевидно, что его подход весьма симптоматичен и имеет сторонников и в настоящее время. Он пытался доказать, что существует непреодолимый для компьютеров предел в их приближении к человеческому разуму. Отсюда делался вывод, что компьютер не сможет выиграть в шахматы, а позднее и игру в го, т.к. он не обладает рядом человеческих качеств. Победы компьютеров над человеком в этих играх не привели к изменению позиции философа. В 1972 г. он написал работу «Чего не могут компьютеры» (What Computers Can't Do: The Limits of Artificial Intelligence), которую он упорно переписывал вплоть до 1992 г. В последней версии она называлась «Чего компьютеры все еще не могут» (What Computers Still Can't Do: A Critique of Artificial Reason). На наш взгляд, Х. Дрейфус придерживался исчерпавшего себя методологического подхода.

Джон Серл продвинулся дальше. Он ввел понятие сильного искусственного интеллекта (СИИ) и связал с ним такие характеристики человеческого сознания, как понимание, самосознание, субъективные переживания. Эти характеристики принципиально отличали человека даже от самого мощного и продвинутого компьютера. Его известный мысленный эксперимент — «Китайская комната» — как бы наглядно это демонстрировал: эффективная операциональность системы не делает ее понимающей. Известный математик и физик Роджер Пенроуз, в свою очередь, утверждал, что существуют алгоритмически неразрешимые задачи, с которыми вполне справляется человеческий

интеллект [Ведяхин А.А. и др., 2021, с. 16–18]. На наш взгляд, неполнота аргументов Дж. Серла и Р. Пенроуза, а также тех, кто придерживается принципиально того же ответа о невозможности СИИ, заключается в том, что все они находятся в области все той же доминирующей в настоящее время методологической парадигмы. Новые успехи ИИ в решении конкретных узко очерченных задач теснят скептиков создания СИИ. Нам представляется, что необходимо изменить сам методологический подход. Иначе будет продолжаться ситуация, когда одни будут требовать не отвлекаться от решения базовой проблемы — создания СИИ [McCarthy J., 2005; Brachman R.J., 2005; Nilsson N.J., 2005], а другие будут предлагать все новые успехи ИИ в решении конкретных задач, обещая, что этот аккумулирующий подход даст со временем качественный эффект. В статье Яна ЛеКуна, помимо прочего, предлагается дорожная карта современных исследований в области исследований ИИ как выход их сложившегося исследовательского тупика. Он постарался в изложении обойтись без сложного профессионального аппарата, чтобы сделать предлагаемую программу более доступной для специалистов различных областей [LeCun Y., 2022; Колонин А.В., 2022]. Очевидным становится то, что ЛеКун находится в доминирующей сегодня парадигме, хотя и обозначает проблемы, которые в ней, на наш взгляд, не разрешимы. Это не значит, что программу надо отбросить. Работа над ней обязательно приведет к качественным результатам парадигмального характера. История науки изобилует примерами такого рода, когда новый ее качественный уровень был обусловлен именно таким переходом. Например, переход от классической физики к неклассической привел к переходу всей науки на новый методологический уровень. Надо сказать, что исследователи начинают достаточно хорошо понимать это: «Машина, сочетающая в себе интеллект и сознание, не может быть просто изолированным компьютером. Это должна быть сложная система систем, способная обучаться и понимать ситуации реального мира. Ключом, однако, является развитие эмерджентного поведения с помощью различных алгоритмических методов, включая генетические алгоритмы, машинное обучение, когнитивные архитектуры и коннекционистские

методы. Люди не смогут полностью определить и запрограммировать всю систему; обучение и эмерджентное поведение будут строгим требованием для развития. Сознательные машины должны будут быть встроены в реальный мир со значительными возможностями ввода/вывода и способностью учиться у людей и опыта» [Long L.N. et al., 2008]. В этих рассуждениях уже есть понимание того, что ранее игнорировалась — признание важности человеческого опыта, но пока нет важного вывода о том, что он формируется в процессе индивидуальной жизни человека.

Потребность в правильной постановке цели создания СИИ уже обозначает «метафизику» проблемы. «Технические же специалисты часто говорят, что ИИ может быть похож на человеческий интеллект не более, чем самолет похож на птицу. Можно пойти еще дальше и спросить: а нужно ли было знание биомеханики для создания колеса? Но постойте, почему мы тогда вообще можем говорить о том, что создается именно интеллект? И из каких соображений он создается, если он так сильно отличается от естественного аналога? Самолет создавали авиаконструкторы, и орнитологи в спор об искусственных птицах с ними не вступали. Но самолет создавался с конкретной целью. А в чем же цель систем ИИ?» [Ведяхин А.А. и др., 2021, с. 21] Главные характеристики человеческого сознания — это целеполагание, основанное на мотивации, которую формирует жизненная (экзистенциальная) потребность человека. Все это включает процесс смыслопорождения, который сопровождается пониманием. Воспроизвести искусственно всю эту цепочку фундаментально проблематично. При том, что нейросетевое моделирование интеллектуальной деятельности открывает *новые перспективы в обучении ИИ*.

ИИ: методологические ограничения и изменения

С созданием искусственного интеллекта как механизма, способного решать интеллектуальные задачи и эффективно действовать в быстроменяющейся среде, сегодня не видно принципиально неразрешимых логико-семантических, технических и технологических проблем. В этом смысле *создание слабого ИИ (или просто ИИ) можно считать решенной проблемой. На повестке — создание Общего ИИ*

(ОИИ). Эта задача вполне решаемая, если понимать под ней полифункциональный ИИ, по сравнению со слабым ИИ. Это значит, что на одной платформе в определенной архитектонике собираются наиболее продвинутые (или специализированные) и взаимосвязанные нейросети, что позволяет такой системе отвечать на более широкий круг вопросов, выглядеть более развитой. В современной IT литературе, как правило, ОИИ синонимичен СИИ. А в том случае, когда надо обозначить ИИ, тождественный человеческому и даже превосходящий его, начинают рассуждать о Супер ИИ [Bostrom N., 2014]. Собственно, неустоявшаяся терминология позволяет нам все же говорить о ОИИ в отмеченном выше смысле, в то время как под СИИ иметь в виду феномен, тождественный человеческому интеллекту и даже шире — его сознанию. Заметим, что создание ОИИ не столь прямолинейно, как мы описали выше. Но все же, в сущности, также грубо, т.к. сопровождается попытками увеличения скорости обработки информации, потребностями все более емких серверов. При этом идет параллельное рассуждение о том, что человеческий интеллект, уступающий ИИ в решении все большего перечня задач, как-то умудряется действовать крайне эффективно при существенно меньшем потреблении энергии и вполне конечном объеме человеческой памяти.

Современные достижения даже слабого ИИ настолько эффективны и эффектны, что вызывают опасения, т.к. охватывают такие области активности, которые считались до последнего времени именно прерогативой человека. Становится очевидным: все, что можно измыслить рационально, может быть передано ИИ. Отсюда и *страхи о вызовах со стороны ИИ, возможности смены человека роботами в эволюционной цепочке развития интеллекта, который возможен уже не только как человеческий*.

Постараемся обосновать следующий принципиальный тезис: *создание сильного ИИ — неразрешимая задача, если не будут преодолены определенные методологические сложности. Задача носит фундаментальный характер, и решение также будет носить интервальный характер*. В определенных интервалах проблема будет разрешена новой, еще более продвинутой версией ИИ, но не решена принци-

пиально. На каком-то этапе придет понимание, что сам вопрос о сильном ИИ, по сути, является псевдовопросом в старой парадигме и должен быть выведен за пределы научного исследования. Как был выведен из физики вопрос о том, а что было до Большого взрыва. Или выведен за пределы математики вопрос о единственной и всеобщей аксиоматике для нее в целом.

Отмеченная выше теорема Геделя о неполноте любой формальной теории наложил **принципиальное методологическое ограничение даже на логически безукоризненные формальные теории**. Теорема Левенхайма-Сколема вводит **формальные ограничения на возможность «оцифровки» человека**, т.е. «цифровой записи» его сознания. Возникает проблема формальной множественности копий конкретного сознания при реальной их нетождественности хотя бы потому, что за время копирования в оригинале происходят изменения.

Однако в новой парадигме с отмеченными принципами возникает возможность переосмыслить сам вопрос, и положительный ответ на него станет возможен.

Перечислим базовые проблемы на пути создания сильного ИИ.

- **Возникновение идеального в материальном.** Можно предположить, что дуальность природы — это фундаментальная особенность нашего мира. В статье [Suleimenov I.E. et al., 2019] мы попытались обосновывать единство материи и информации.

- **Сознание экранировано собственным содержанием, что создает определенные проблемы для процесса познания.** В утверждении «Я мыслю» как процессе имплицитно присутствует «Я мыслю» как содержание самого мыслительного процесса.

Между реальностью и интенцией о ней **возникает принципиальная нетождественность**, которая преодолевается **посредством экзистирования** по Хайдеггеру, то, что можно назвать пониманием существованием. Здесь речь идет о том, что мы отметили выше, а именно, человеческое сознание формируется интеллектуально в процессе его жизнедеятельности. Сознание больше, чем интеллект и даже разум. «Интеллект — это та составляющая сознания, которая носит операциональный, инструктивный характер. Поэтому система может быть

интеллектуальной, но не разумной, а тем более обладающей сознанием, осуществляющей сознательную деятельность. Интеллект работает в предметном мире. Разум — это та составляющая сознания, которая непосредственно связана с речью. Он способен воспринимать, обрабатывать информацию и презентовать ее в символической форме посредством сигналов для обеспечения собственной жизнедеятельности как части социального целого. Разум работает не только в предметном, но также и в созданном им символическом мире. В момент, когда слова стали обозначать предметы, появился разум. Сознание — высшая форма психического отражения действительности (в идеальной форме) как ее понимания — восприятия и обработки информации в символической форме готовой для рефлексии, т.е. соотнесения с целеполаганием и осмысления — придания информации смысла (рождения его) в перспективе обеспечения жизнедеятельности. Сознание расширяет мир своей активности, добавляя к предметному и символическому миру мир смыслов и самосознания» [Габриелян О.А., Сулейменов И.Э., 2023].

- **Целостность и непрерывность восприятия мира невозможно без Другого.** Шире только во взаимодействии с Другим формируется человеческое сознание, формируется информационно-коммуникативная среда как новая форма существования материи, которая уже содержит в себе идеальное.

- **Социальные системы содержат в себе активно действующего сознательного субъекта** (К. Маркс). **Сознание следует рассматривать как функцию, атрибут социальных систем деятельности**, выводя его содержание и формообразование из переплетения и дифференциации связей системы, а не из простого отображения объекта в восприятии субъекта. «Дело в том, что Маркс совершенно особо представлял себе социальные системы: в каждом случае он строил свое исследование так, что уже в исходном пункте имел дело с системами, реализующимися и функционирующими посредством сознания, т.е. такими, которые содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента (или, иначе говоря, включают в себя сознание наблюдателя в качестве внутреннего элемента собственного действия). Этого рода системами

и были для него, по определению, социально-экономические системы. Отсюда оказалось возможным рассматривать сознание как функцию, атрибут социальных систем деятельности, выводя его содержание и формообразования из переплетения и дифференциации связей системы, а не из простого отображения объекта в восприятии субъекта. Вследствие этого анализ сознания предстает как распространение на его сферу анализа общественно-предметных форм, “общественных вещей”, как продолжение последнего на уровне человеческой субъективности. В ней тем самым образуется точка отсчета, независимая — в исследовании самого же сознания — от психологически сознательных выражений духовной жизни индивида, от различных форм его самоотчета и самообъяснений, от языка мотивации и т.д.» [Мамардашвили М.К., 1968]. В этих рассуждениях М. Мамардашвили для нас важен выявленный им у К. Маркса деятельностный аспект в формировании и функционировании сознания. Его познавательный эффект обусловлен новой постнеклассической парадигмой: «Человек задает вопрос природе, природа отвечает, но ответ теперь зависит и от свойств объекта, и от способа вопрошания, и от способности понимания вопрошающего субъекта. То есть, в рассмотрение приходится вводить культурно-исторический уровень субъекта, его психологические, профессиональные и социальные установки, которые наука не рассматривала ранее, как несовместимые с критериями объективности и научности. Теперь мы имеем дело с человекомерными системами. В философии и психологии — это, прежде всего, деятельностный подход, герменевтика, философия и методология науки последней трети XX века» [Буданов В.Г. и др., 2022, с. 70].

- **Ноосферная реальность формируется как информационно-коммуникативная среда, возникающая в процессе активной сознательной деятельности человека.** А она то и формируется в результате функционирования социальной системы.

Сознание: архитектура и функционал

Вместо однородной плоскости сознания выявились его археологические глубины; *оно оказалось чем-то многомерным, объемным, прони-*

занным детерминизмами на различных одновременно существующих уровнях — на уровнях механики социального, механики бессознательного, механики знаковых систем культуры и т.д., а с другой стороны, *составленным из наложения генетически разнородных*, т.е. в разное время возникших и по разным законам движущихся структур.

В этих глубинах и различных измерениях *не схватывается в рациональное единство решения перманентно возникающих в практике повседневности различных вызовов. Они не достигаются окончательно самосознательной работой* размышляющего о себе и о мире индивида. *Процесс принципиально неполный.*

Сознание включает в себя как необходимый элемент социальную составляющую индивидуального бытия. Зазор, который содержит в себе неинтеллектуальные компоненты, не может быть преодолен за счет работы мысли. Он преодолевается лишь *индивидуальным усилием быть — испытанием бытия/бытием — как актом не интеллектуальным, а экзистенциальным.* «Работа» мысли *требует в качестве необходимых условий жизненные* (физиологические, психические, социальные и т.д.), *а не только интеллектуальные элементы.*

Жизнь как экзистенция в социуме формирует *цель и мотивы человеческой деятельности.* Природа целеполагания и смылопорождения имеет не только интеллектуальные основания, но и социальные. Далее рождаются смыслы (пока неизвестным образом), обеспечивающие эту экзистенцию. И этот процесс их появления тоже находится за пределами только интеллектуальной деятельности. *Успехи воспроизведения человеческого интеллекта посредством обучающихся и самообучающихся нейросетей не в состоянии воспроизвести этот экзистенциальный процесс.* Механический анализ его составляющих не приведет к возникновению сознания, как невозможно (по крайней мере до сих пор этого о не удавалось сделать) воспроизвести жизнь путем ее сборки из соответствующих генетических компонент.

Не менее важным обстоятельством в поисках ответа на принципиальную возможность или невозможность сильного ИИ является отмеченное выше важное качество человеческого сознания. Оно *принципиально мифологично.* Данное качество является конституирующим

для человеческого сознания. **Во-первых**, человеку необходимо в своей деятельности в мире иметь некое целостное и непротиворечивое представление о нем. **Во-вторых**, гибкость нашего сознания достигается благодаря мифологическому качеству. Оно не осталось в далеком прошлом, а продолжает помогать человеку *быть* в современном мире.

Заключение

Подводя итог ответу на вопрос: Возможен или невозможен СИИ? — стоит выделить главное:

1. Сама постановка вопроса, ее смысл изменятся в рамках иной парадигмы в виду иной методологии, принципиально отличной от доминирующей сегодня. Контуры такой методологии все более четко проступают в современной социальной и научной трансформации. Мы попытались обозначить ее главные положения.

2. Ответ находится в области применения интервальной методологии, которая с учетом ее критериев и принципов может дать как положительный, так и отрицательный ответ. В этом нет никакого противоречия. Наглядный пример. Человек с незапамятных времен мечтал летать как птица. Он не смог этого добиться. Он не приобрел способности махать руками, как крыльями, хотя первые попытки делались именно в этом направлении. Однако он создал науку, которая изучила законы аэродинамики, что позволило ему покорить небо.

3. Фундаментальная сложность в создании СИИ заключается в том, что человеческое сознание принципиально мифологично. В нем сочетаются одновременно рациональная логика с логикой мифа. Наше представление о человеке как *Homo sapiens*, т.е. как о человеке разумном, упростило его, как сложную открытую систему [Габриелян О.А., Сулейменов И.Э., 2023]. Мы должны осознать человека во всей его сложности — рациональности и имажинативности.

Его сознание онтологично в том смысле, что формируется и находится в информационно-коммуникативной среде. Человек объективно существует не только в биосфере, но и в ноосфере, в которой культура как коммуникативный продукт имеет принципиальное значение [Марков А.В., Марков М.А., 2021].

4. «В итоге возникает все более осознаваемая необходимость проблематизации бегло охарактеризованной выше ситуации нашего

“здесь и теперь” в новой концептуальной оптике парадигмы сложности» [Буданов В.Г. и др., 2022, с. 99].

5. Без изучения человеческого сознания как продукта информационно-коммуникативной среды и социальной системы попытки создания СИИ методологически наивны. Неудивительно, что ведущие специалисты в этой области, доходя до определенного уровня исследования, ссылаются на философию как последнюю надежду разобраться в вопросе. И уже заявляют о необходимости и потребности в Digital Philosopher.

Список литературы

- Буданов В.Г., Лекторский В.А., Аришинов В.И. и др. Антропомерность как вызов и ответ современности: колл. монография / отв. ред. В.Г. Буданов. Курск: Университетская книга, 2022. 309 с.
- Ведяхин А.А. и др. Сильный Искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму. М.: Интеллектуальная литература, 2021. 232 с.
- Габриелян О.А., Витулёва Е.С., Сулейменов И.Э. Проблема соотношения материи и сознания с точки зрения современной теории информации // Вестник Казахского национального университета. Серия философии, культурологии и политологии. 2024. Т. 88, № 2. С. 4–13. DOI: <https://doi.org/10.26577/jpcsp.2024.v88-i2-01>
- Габриелян О.А., Сулейменов И.Э. К перспективе практической философии: к вопросу о новой парадигме науки и образования // Практическая философия: состояние и перспективы: сб. материалов I науч. конф. (Судак, 24–25 мая 2018 г.) / гл. ред. О.А. Габриелян. Симферополь: Антиква, 2018. С. 23–29.
- Габриелян О.А., Сулейменов И.Э. Теория сложных систем: ноосферный контекст. Симферополь: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, 2023. 168 с.
- Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
- Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины / пер. с англ. Н. Родман. М.: Прогресс, 1978. 334 с.
- Колонин А. В чем сила, Сильный ИИ? / Российский совет по международным делам. 2022. 11 нояб. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-chem-sila-silnyy-ii/> (дата обращения: 12.06.2024).
- Лазарев Ф.В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. Симферополь: Ариал, 2019. 456 с.
- Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах

Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6. С. 14–25. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=504 (дата обращения: 12.06.2024).

Марков А.В., Марков М.А. Козволюция мозга, культуры и продолжительности жизни: результаты компьютерного моделирования // Биохимия. 2021. Т. 86, вып. 12. С. 1739–1765. DOI: <https://doi.org/10.31857/s0320972521120010>

Серл Д. Открывая сознание заново / пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.

Сулейменов И.Э., Габриелян О.А., Витулёва Е.С. Проблематика искусственного интеллекта в контексте учения о ноосфере // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2023. Т. 9(75), № 1. С. 4–12.

Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014. 328 p.

Brachman R.J. Getting Back to «The Very Idea» // AI Magazine. 2005. Vol. 26, no. 4. P. 48–50. DOI: <https://doi.org/10.1609/aimag.v26i4.1846>

Gabrielyan O.A., Vitulyova E.S., Suleimenov I.E. Multi-valued logics as an advanced basis for artificial intelligence (as an example of applied philosophy) // Wisdom. 2022. Vol. 21, no. 1. P. 170–181. DOI: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v21i1.721>

LeCun Y. A Path Towards Autonomous Machine Intelligence. Version 0.9.2. 2022. Jun. 27. URL: <https://openreview.net/pdf?id=BZ5a1r-kVsf> (accessed: 12.06.2024).

Long L.N., Kelley T.D., Wenger M.J. The Prospects for Creating Conscious Machines // «Toward a Science of Consciousness» Conference (Tucson, AZ, April 8–12, 2008) / Tucson Convention Center. 2008 URL: https://www.academia.edu/25394329/The_Prospects_for_Creating_Conscious_Machines (accessed: 12.06.2024).

McCarthy J. The Future of AI – A Manifesto // AI Magazine. 2005. Vol. 26, no. 4. P. 39. DOI: <https://doi.org/10.1609/aimag.v26i4.1842>

Nilsson N.J. Human-Level Artificial Intelligence? Be Serious! // AI Magazine. 2005. Vol. 26, no. 4. P. 68–75. DOI: <https://doi.org/10.1609/aimag.v26i4.1850>

Suleimenov I.E., Gabrielyan O.A., Bakirov A.S., Vitulyova Ye.S. Dialectical Understanding of Information in the Context of the Artificial Intelligence Problems // 3rd International Conference on information processing and control engineering, ICIPCE (Moscow, Aug. 4–7, 2019) / IOP science. 2019. URL: [https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-](https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/630/1/012007/pdf)

899X/630/1/012007/pdf (accessed: 12.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/630/1/012007>

Weizsäcker E.U. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet: A Report to the Club of Rome. N.Y.: Springer, 2018. 232 p. URL: https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (accessed: 12.06.2024).

References

Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, dangers, strategies*. Oxford, UK: Oxford University Press, 328 p.

Brachman, R.J. (2005). Getting back to «The Very Idea». *AI Magazine*. Vol. 26, no. 4, pp. 48–50. DOI: <https://doi.org/10.1609/aimag.v26i4.1846>

Budanov, V.G., Lektorsky, V.A., Arshinov, V.I. et al. (2022). *Antropomernost' kak vyzov i otvet sovremennosti* [Anthropomericity as a challenge and response of modernity]. Kursk: Universitetskaya Kniga Publ., 309 p.

Dreyfus, H. (1978). *Chego ne mogut vychislitel'nye mashiny* [What computers can't do]. Moscow: Progress Publ., 334 p.

Gabrielyan, O.A. and Suleymenov, I.E. (2018). [Towards the perspective of practical philosophy: on the issue of a new paradigm of science and education]. *Prakticheskaya filosofiya: sostoyanie i perspektivy: sb. materialov I nauch. konf. (Sudak, 24–25 maya 2018 g.)* [Practical philosophy: state and prospects: collection of materials of the 1st scientific conference (Sudak, May 24–25, 2018)]. Simferopol: Antikva Publ., pp. 23–29.

Gabrielyan, O.A. and Suleymenov, I.E. (2023). *Teoriya slozhnykh sistem: noosfernyy kontekst* [The theory of complex systems: the noospheric context]. Simferopol: CFU Publ., 168 p.

Gabrielyan, O.A., Vituleva, E.S. and Suleymenov, I.E. (2022). Multi-valued logics as an advanced basis for artificial intelligence (as an example of applied philosophy). *Wisdom*. Vol. 21, no. 1, pp. 170–181. DOI: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v21i1.721>

Gabrielyan, O.A., Vituleva, E.S. and Suleymenov, I.E. (2024). [The problem of the relationship of matter and consciousness from the point of modern information theory]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filosofii, kul'turologii i politologii* [Journal of Philosophy, Culture and Political Science]. Vol. 88, no. 2, pp. 4–13. DOI: <https://doi.org/10.26577/jpcp.2024.v88-i2-01>

Golosovker, Ya.E. (1987). *Logika mifa* [The logic of the myth]. Moscow: Nauka Publ., 218 p.

Kolonin, A. (2022). *V chem sila, sil'nyy II?* [What is the strength, a strong AI?]. Russian International Affairs Council, Nov. 11. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-chem-sila-silnyy-ii/> (accessed 12.06.2024).

Lazarev, F.V. (2019). *Istina i struktura real'nosti. Osnovy interval'noy metodologii* [The truth and the structure of reality. Fundamentals of interval methodology]. Simferopol: Arial Publ., 456 p.

LeCun, Y. (2022). *Put' k avtonomnomu mashinnomu intellektu. Version 0.9.2* [A path towards autonomous machine intelligence. Version 0.9.2]. Available at: <https://openreview.net/pdf?id=BZ5a1r-kVsf> (accessed 12.06.2024).

Long, L.N., Kelley, T.D. and Wenger, M.J. (2008). The Prospects for Creating Conscious Machines. «*Toward a Science of Consciousness*» Conference (Tucson, AZ, April 8–12, 2008). Tucson Convention Center. Available at: https://www.academia.edu/25394329/The_Prospects_for_Creating_Conscious_Machines (accessed 12.06.2024).

Mamardashvili, M.K. (1968). [Analysis of consciousness in the works of Marx]. *Voprosy filosofii*. No. 6, pp. 14–25. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=504 (accessed 12.06.2024).

Markov, A.V. and Markov, M.A. (2021). [Coevolution of the brain, culture and life expectancy: results of computer modeling]. *Biokhimiya* [Biochemistry]. Vol. 86, iss. 12, pp. 1739–1765. DOI: <https://doi.org/10.31857/s0320972521120010>

McCarthy, J. (2005). The future of AI – A manifesto. *AI Magazine*. Vol. 26, no. 4, p. 39. DOI: <https://doi.org/10.1609/aimag.v26i4.1842>

Nilsson, N.J. (2005). Human-level artificial intelligence? Be serious! *AI Magazine*. Vol. 26, no. 4, pp. 68–75. DOI: <https://doi.org/10.1609/aimag.v26i4.1850>

Searle, D. (2002). *Otkryvaya soznanie заново* [The rediscovery of the mind]. Moscow: Idea-Press Publ., 256 p.

Suleymenov, I.E., Gabrielyan, O.A., Bakirov, A.S. and Vitulyova, Ye.S. (2019). Dialectical understanding of information in the context of the artificial intelligence problems. *3rd International Conference on Information Processing and Control Engineering, ICIPCE (Moscow, Aug. 4–7, 2019)*. IOP science. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/630/1/012007/pdf> (accessed 12.06.2024). DOI: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/630/1/012007>

Suleymenov, I.E., Gabrielyan, O.A. and Vituleva, E.S. (2023). [Problems of artificial intelligence in the context of the noosphere]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies]. Vol. 9(75), no. 1, pp. 4–12.

Weizsäcker, E.U. von and Wijkman, A. (2018). *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet: A Report to the Club of Rome*. N.Y.: Springer Publ., 232 p. Available at: https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (accessed 12.06.2024).

Vedyakhin, A.A. et al. (2021). *Sil'nyy Iskusstvennyy intellekt: na podstupax k sverkhrazumu* [Strong artificial intelligence: on the approaches to superintelligence]. Moscow: Intellektual'naya Literatura Publ., 232.

Об авторе

Габриелян Олег Аршавинович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии

Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
295007, Республика Крым, Симферополь,
пр. Академика Вернадского, 4;
e-mail: gabroleg@mail.ru
ResearcherID: Q-1708-2017

About the author

Oleg A. Gabrielyan

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Philosophy

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, Academician Vernadsky av., Simferopol,
Republic of Crimea, 295007, Russia;
e-mail: gabroleg@mail.ru
ResearcherID: Q-1708-2017

УДК 159.9:316.6

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-362-373>

EDN: SSCPHC

Поступила: 05.01.2024

Принята: 10.08.2024

Опубликована: 03.10.2024

«Я-ОБРАЗ» СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Горбатова Марианна Михайловна, Билан Марина Анатольевна,

Ермолаева Елена Николаевна

Кемеровский государственный университет (Кемерово)

Представлены результаты исследования самопрезентации современной студенческой молодежи в пространстве виртуальной коммуникации. «Я-образ» студенческой молодежи изучался посредством следующих методов: анкетный опрос; опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК); тест «Двадцать самоутверждений самоотношения “Кто Я?”» М. Куна и Т. Макпартленда; контент-анализ личных страниц респондентов в социальных сетях. Исследование показало, что современная студенческая молодежь в 100 % случаев использует социальные сети для целей виртуального общения, получения новостной информации, творческой самореализации, развлечения, проводя онлайн в среднем 2–3 часа в сутки. При этом более половины респондентов заявили о способности реализовать свой личностный потенциал без помощи виртуального пространства, указывая, что влияние социальных сетей на их реальную жизнь и поведение минимально. По показателю общей интернальности наблюдается преобладание респондентов с интернальным локусом контроля. Контент-анализ личных страниц респондентов в социальных сетях базировался на исследовании таких смысловых единиц изучаемого содержания, как информация о себе, нецензурная лексика, стиль письма, никнейм и аватар, конфликты и проявления агрессии, дополнительные аккаунты, подписки, посты, личные записи. По результатам анализа саморепрезентации молодежи выявлены следующие смысловые блоки высказываний, актуализирующие значимые фокусы самопредставлений участников эксперимента: «социальное Я», «деятельное Я», «перспективное Я», «рефлексивное Я», «коммуникативное Я», «физическое Я», «материальное Я», «виртуальное Я» с доминированием категории «рефлексивное Я». Виртуальное пространство сегодня — это среда образовательной, профессиональной, коммуникативной деятельности, в которую активно интегрирована современная студенческая молодежь, демонстрируя многофакторный «Я-образ». Учет его природы и составляющих предопределяет успешность виртуального взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса.

Ключевые слова: «Я-образ», виртуальная идентичность, Интернет-пространство, виртуальная коммуникация, студенческая молодежь.

Для цитирования:

Горбатова М.М., Билан М.А., Ермолаева Е.Н. «Я-образ» современной студенческой молодежи в пространстве виртуальной коммуникации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 362–373. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-362-373>. EDN: SSCPHC

«SELF-IMAGE» OF MODERN STUDENTS IN VIRTUAL COMMUNICATION

Marianna M. Gorbatova, Marina A. Bilan, Elena N. Ermolaeva

Kemerovo State University (Kemerovo)

The article presents an analysis of modern students' self-presentation issues in virtual communication. The «Self-image» of students was studied using the following methods: a questionnaire survey, the questionnaire «Level of Subjective Control», the Twenty Statements Test «Who am I?» by M. Kuhn and T. McPartland, content analysis of the respondents' personal accounts on social media. The study has shown that in 100 % of cases modern students use social media for the purposes of virtual communication, receiving news, creative self-realization, and entertainment, while spending an average of 2–3 hours a day online. More than half of the respondents state their ability to realize their personal potential without the help of virtual space, indicating that the impact of social networks on their real life and behavior is minimal. The general internality indicator shows the predominance of respondents with an internal locus of control. The content analysis of the respondents' personal accounts in social networks was based on the study of conceptual components such as information about oneself, obscene language, writing style, nickname and avatar, conflicts and manifestations of aggression, additional accounts, subscriptions, posts, personal notes. The analysis of young people's self-representations identified the following conceptual blocks of statements that highlight the significant focuses of self-representations of the experiment participants: «The Social Self», «The Acting Self», «The Perspective Self», «The Reflective Self», «The Communicative Self», «The Physical Self», «The Material Self», «The Virtual Self», with «The Reflective Self» category dominating. Virtual space today is an environment of educational, professional, and communicative activities in which modern students are actively integrated, demonstrating a multifactorial «Self-image». The consideration of its nature and components determines the success of virtual interaction among all participants of the educational process.

Keywords: «Self-image», virtual identity, Internet space, virtual communication, students.

To cite:

Gorbatova M.M., Bilan M.A., Ermolaeva E.N. [«Self-image» of modern students in virtual communication]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 362–373 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-362-373>, EDN: SSCPHC

Введение

Массовое распространение сети Интернет практически во всех сферах жизни человека привело к трансформации общественных, производственных, досуговых сфер жизни человека, а значит, и его личностного развития. Основными видами деятельности пользователей интернета являются познавательная, игровая и коммуникативная [Войскунский А.Е., 2017; Рогова Е.Н., Яницкий Л.С., 2022]. При этом важнейшим явлением Интернет-пространства считается именно виртуальная коммуникация, которая является частичной составляющей и дру-

гих типов деятельности, а также считается необходимым компонентом для развития личности человека [Рыльская Е.А., Погорелов Д.Н., 2021]. Распространение виртуальной коммуникации привело к формированию нового типа личности человека — «виртуальной личности». При этом использование в процессе виртуальной коммуникации преимущественно символического языка, в свою очередь, привело к формированию и развитию у людей символического мышления [Войскунский А.Е., 2017; Курбатов В.И., 2014; Серый А.В., Яницкий М.С., 2022]. Взаимодействие в пространстве виртуальной коммуникации имеет целый

ряд специфических особенностей: анонимность, ограничение сенсорного опыта, размытость пространственно-временных границ и отсутствие внешнего социального контроля, что может являться ее преимуществом, но в то же время вызывает девиации в поведении, а в некоторых случаях говорят даже о возможности деформирования личности [Богданова В.О., Александрова Л.Д., 2019; Яницкий М.С., 2022].

Значимым преимуществом виртуальной коммуникации являются многочисленные ресурсы для самовыражения, а следовательно, возможность конструировать идентичность по своему собственному выбору [Гордеева А.В., Кононенко И.А., 2023; Новолодская Т.А., 2016; Расина Э.О., 2021]. Образ «Я-виртуальное» О.П. Цариценцева и Н.Н. Бутрова описывают как комплекс личных качеств личности, которые, по представлениям пользователей сети, они проявляют при виртуальной коммуникации [Цариценцева О.П., Бутрова Н.Н., 2014]. Следовательно, образ «Я-виртуальное» является представлением человека о самом себе как о пользователе Интернета в виртуальном пространстве. В исследованиях Ю.М. Кузнецовой и Н.В. Чудовой отмечается, что образ «Я-виртуальное» представляет собой самостоятельную единицу структуры «Я-концепции» личности, где она занимает промежуточное положение между образами «Я-реальное» и «Я-идеальное» [Зекерьяев Р.И., 2019]. А.Е. Войкунский предлагает разделять понятия «виртуальной» и «сетевой» идентичности. Понятие «виртуальная идентичность» используется исключительно в отношении онлайн-активности с применением технических систем виртуальной реальности, которые включают в себя шлемы и перчатки виртуальной реальности, стереонаушники и др. А понятию «сетевая идентичность» свойственны множественность и легкость своего видоизменения, обусловленные особенностями сетевого инструментария («никнейм», «аватар», личная страница пользователя и пр.) [Войкунский А.Е., 2017].

Таким образом, «Я-образ» — это представление человека о самом себе в рамках виртуального пространства, являющееся самостоятельной единицей структуры «Я-концепции», которое занимает промежуточное положение между образами «Я-реальное» и «Я-идеальное». Связано это с тем, что за счет со-

здания своей виртуальной идентичности человек получает возможность приблизиться к своему идеалу и реализовать его в виртуальной, а местами и в реальной жизни. Однако особенности виртуальных сетей, которые являются инструментами для создания и трансформирования собственной виртуальной идентичности, помимо явных преимуществ имеют и ряд недостатков, способных привести к негативным последствиям. Пагубные изменения затрагивают в том числе и нравственно-этическую составляющую личности, которая является как одной из основ формирования Я-концепции, так и показателем развитости и зрелости личности.

Вышесказанное определило актуальность настоящего исследования, целью которого явились изучение «Я-образа» в условиях виртуальной коммуникации и определение этических аспектов его представления у молодых людей 20–30 лет.

Для осуществления обозначенной цели решались задачи как анализа этических аспектов представления образа «Я» в виртуальной коммуникации, так и рассмотрение различий в нравственной сфере представления образа «Я-виртуальное» у молодых людей с различным типом локализации волевого усилия.

При моделировании исследования мы руководствовались предположением о том, что нравственно-этическая составляющая образа «Я-виртуальное» личности с преобладающим типом экстернального локуса контроля будет иметь различия с образом «Я-виртуальное» личности с интернальным локусом контроля.

Методы и материалы

Настоящее исследование проводилось с января по июнь 2022 г.; в нем приняли участие 43 студента Кемеровского государственного университета, из них — 28 студентов Социально-психологического института и 15 студентов Института биологии, экологии и природных ресурсов. Средний возраст респондентов составил 24 года.

В качестве диагностического материала испытуемым предъявлялись следующие методики:

- специально разработанная авторская анкета, направленная на изучение поведения современной молодежи в сети Интернет;
- анализ личных страниц пользователей в социальных сетях;

– методика «Нравственное самоопределение личности» А.Б. Купрейченко, А.Е. Воробьевой [Купрейченко А.Б., Воробьева А.Е., 2013];

– опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткинда;

– методика «Личностный Семантический Дифференциал» Е.Ф. Бажина, А.М. Эткинда;

– тест «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда (модификация Т.В. Румянцевой).

Результаты

На первом этапе исследования нами был проведен анкетный опрос с целью отбора респондентов-участников эксперимента. Все респонденты (100 %) для общения в интернет-пространстве используют социальные сети. Далее студентам был задан вопрос, в какой социальной сети они зарегистрированы, при ответе на который респонденты могли выбрать более одного варианта. Ответы распределились следующим образом: «Вконтакте» — 88,1 %, «Одноклассники» — 26,19 %, Facebook — 16,67 %, Twitter — 28,57 %, Instagram (принадлежит корпорации «Meta», признанной в РФ экстремистской организацией) — 38,1 %, другая сеть — 26,19 %.

Затем был проведен анализ целей регистрации респондентов в социальных сетях. Здесь также респонденты могли выбрать более одного варианта ответа. Ответы распределились следующим образом: общение — 64,29 %, чтение новостей — 35,71 %, прослушивание музыки — 33,33 %, творческая самореализация — 19,05 %, просмотр фильмов, роликов — 16,67 %, поиск информации — 11,9 %, социальная активность — 9,52 %, другое — 7,14 %.

Далее респондентам был задан вопрос относительно того, сколько времени они проводят в социальных сетях. Отметим, что единого общепринятого оптимума относительно проведения времени в социальных сетях на сегодняшний день пока нет, и различные авторы приводят в своих работах собственное понимание нормы (Е.П. Белинская, С.В. Карпухин, Е.Л. Солдатова и др.), хотя наиболее распространенным вариантом для взрослых людей считается продолжительность от 4 до 5 часов [Белинская Е.П., Илюхина С.Н., 2018; Карпухин С.В., 2014; Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н., 2018]. Таким образом, все варианты ответов, охватывающие временной промежуток

до 5 часов, могут в некоторой степени считаться нормой. Наиболее распространенным вариантом ответа среди респондентов стал временной промежуток 2–3 часа (59,52 %): его выбрало более половины испытуемых. Следующим по популярности стал вариант 4–5 часов (30,95 %), и наименьшими по численности стали варианты 6–8 часов (7,14 %) и свыше 8 часов (2,38 %). Таким образом, самым распространенным вариантом ответа находится в пределах нормы. Лишь около 10% испытуемых проводят длительное количество времени в социальных сетях, что потенциально может способствовать искажению идентичности личности и приобретению интернет-зависимости.

Распределение результатов ответов на вопрос о способности успешной самореализации в жизни без помощи интернета выглядит следующим образом: 52,22 % респондентов считают, что вполне могли бы реализовать свой личностный потенциал без помощи виртуального пространства, в то время как 23,81 % респондентов считают виртуальное пространство если не определяющим, то определенно играющим роль в их успешной самореализации, а 21,43 % респондентов затруднились дать ответ на данный вопрос.

Подавляющее большинство участников эксперимента (83,33 %) не считают, что интернет является местом для вседозволенности, в то время как согласились с утверждением «Считаете ли Вы, что Интернет — это свободное пространство, в котором по своему усмотрению можно делать все, что пожелаешь?» около 17 % испытуемых. Ответы на вопрос о возможности использования ненормативной лексики в процессе общения или комментирования распределились следующим образом: 52,38 % респондентов дали утвердительный ответ относительно использования в виртуальном пространстве ненормативной лексики; 28,57 % респондентов ответили, что используют ненормативную лексику лишь иногда, и лишь 19,05 % ответили, что они стараются совсем не использовать ненормативную лексику.

Следующий вопрос имел своей целью изучение возможности проявления агрессии по отношению к другим пользователям в виртуальном пространстве. Ответы респондентов распределились следующим образом: 71,43 % ответили, что они стараются не проявлять агрес-

сии в своем поведении; 26,19 % респондентов в первую очередь будут оценивать ситуацию; 2,38 % ответили, что довольно часто проявляют агрессию по отношению к другим интернет-пользователям.

Следующий вопрос был задан для изучения мнения респондентов о влиянии социальных сетей на их поведение в реальной жизни. Ответы распределились следующим образом: 54,76 % респондентов считают, что социальные сети не могут влиять на их собственное поведение в реальной жизни, в то время как около 38% были согласны с тем, что социальные сети могут оказывать влияние на их офлайн-жизнь, а 7,14 % респондентов не смогли дать точного ответа на данный вопрос.

Далее нами были обработаны результаты, полученные по методике «Уровень субъективного контроля» (УСК). По результатам данной методики установлено, что по показателю общей интернальности наблюдается преобладание респондентов с интернальным локусом контроля (68 %, средний балл 5,7), в то время как экстерналы остаются в меньшинстве (32 %, средний балл 3,6). По результатам показателя интернальности достижений наблюдается преобладание респондентов с интернальным локусом контроля (79 %, средний балл 7,2), в то время как по результатам показателя интернальности неудач преобладают респонденты с экстернальным локусом контроля (65 %, средний балл 2,8). Это означает, что респонденты более склонны приписывать результаты своих достижений самим себе, своим силам и возможностям, в то время как неудачи респонденты предпочитают списывать на внешние условия. Подобные результаты можно связать с работой механизмов психологической защиты. Чтобы минимизировать негативные переживания от неудачи и не понижать собственную самооценку, человеку легче представить, что его неудачи обусловлены внешними обстоятельствами, над которыми у человека нет контроля. А уверенность в том, что именно результаты собственных усилий привели к успеху, наоборот, способствует повышению самооценки человека.

Можно заметить, что по показателю интернальности здоровья подавляющее большинство составляют респонденты с интернальным локусом контроля (95 %, средний балл 6,4), что говорит о том, что они считают себя во многом

ответственными за свое здоровье, и уверены, что их здоровье во многом зависит от их собственных действий и усилий.

Также, согласно результатам, полученным по шкалам интернальности семейных и межличностных отношений, у большинства респондентов был выявлен интернальный локус контроля (72 % по Ис, средний балл 5,9, и 65 % по Им, средний балл 6,4), что означает, что респонденты считают себя ответственными за события, происходящие в их семейной жизни, а также за построение межличностных отношений с окружающими. Объяснить полученные, преимущественно высокие результаты по данным шкалам можно тем, что выстраивание близких отношений и создание собственной семьи является одной из главных задач периода ранней взрослости, в связи с чем респонденты больше осознают свою ответственность за данную сферу своей жизни.

А результаты, полученные по показателям шкалы интернальности в области производственных отношений, показывают преобладание респондентов, обладающих экстернальным локусом контроля (53%, средний балл 6,3). Данные результаты можно связать с тем, что на период ранней взрослости приходится начало вступления в производственные отношения путем получения первого опыта работы. А поскольку на ранних порах происходит активная производственная адаптация, большинству молодых людей приходится полагаться в большей степени на внешние обстоятельства, чем на собственный профессионализм.

Сравнение средних значений по показателям методики «Нравственное самоопределение личности» и показателю общего уровня субъективного контроля испытуемых показало, что статистически значимые различия в значениях были обнаружены относительно показателей «представление о нравственности как о силе или слабости личности» (значение t-критерия составило 24,79 при $p \leq 0,001$) и «обязательность соблюдения нравственных норм» (значение t-критерия составило 30,36 при $p \leq 0,001$). Это говорит нам о том, что испытуемые с преобладающим экстернальным уровнем субъективного контроля воспринимают проявление нравственного поведения как показатель проявления силы личности, в то время как личностная слабость, по их мнению, приводит к

несоблюдению нравственных норм. Также экстерналы признают для себя обязательность соблюдения нравственных норм. Результаты корреляционного анализа относительно показателей уровня интернальности в различных жизненных сферах личности показал наличие статистически значимых корреляционных связей по показателю «представление о нравственности как о силе или слабости личности» с показателями общей интернальности (-0,47 при $p \geq 0,05$), интернальности в области неудач (-0,43 при $p \geq 0,05$) и интернальности в области производственных отношений (-0,40 при $p \geq 0,05$). Все обозначенные связи являются отрицательными, а значит, понижение значений по данным уровням (что соответствует экстеральному полюсу) будет способствовать увеличению в уровне представлений о нравственности как о силе личности, и наоборот, увеличе-

ние значений по уровням интернальности (соответствующее интернальности) будет приводить к понижению значимости нравственности как личностной силы.

Также значимые корреляции были обнаружены по показателю «обязательность соблюдения нравственных норм» с показателями общей интернальности» (-0,61 при $p \geq 0,05$) и интернальности в области неудач (-0,38 при $p \geq 0,05$). И в данном случае понижение уровня интернальности соответствует повышению представлений об обязательности соблюдения нравственных норм. Данные результаты сходятся с рассмотренными ранее результатами по сравнению средних значений испытуемых из групп с выраженными экстеральным и интервальным локусами контроля, где экстерналы также обладали более высокими значениями по данному показателю.

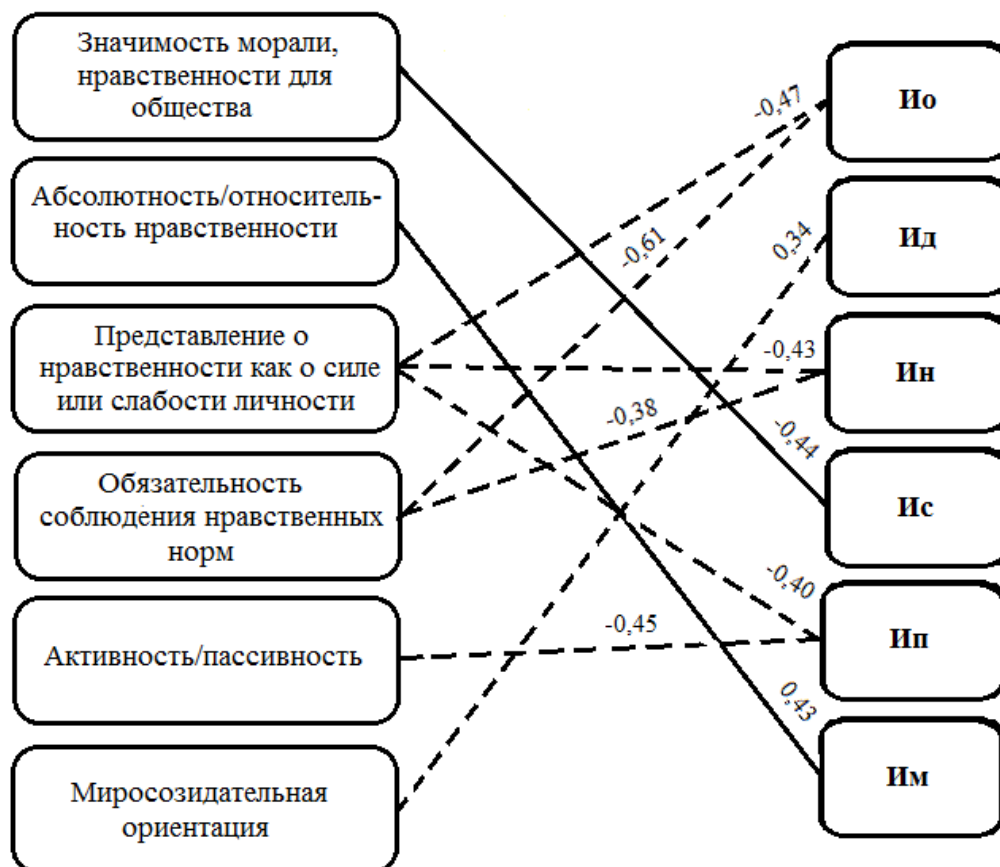

Рис. 1. Корреляционные взаимосвязи показателей по результатам методик «Представления о нравственности и морали» и «Исследование уровня субъективного контроля»

Fig. 1 Correlation of indicators resulted from «Understanding of virtue and morality» and «Research of subject control level» methods

На следующем этапе исследования нами был проведен контент-анализ личных страниц респондентов в социальных сетях. Для анализа были выделены следующие смысловые единицы изучаемого содержания: информация о себе, нецензурная лексика, стиль письма, никнейм и аватар, конфликты и проявления агрессии, дополнительные аккаунты, подписки, посты, личные записи.

При анализе личной информации пользователей нами рассматривался критерий развернутости и полноты имеющейся информации. Развернутая информация о себе предполагала наличие автобиографических данных, описания времяпрепровождения и важных событий из жизни, наличие фотоальбома. Результаты показали, что большинство респондентов (42,86 %) разместили на своих страницах достаточно подробную информацию о себе (из них 26 % — интерналы; 14 % — экстерналы). При этом 31 % пользователей (19 % — интерналы; 12 % — экстерналы) ограничились краткой информацией о себе на своих страницах (в основном касающейся их пола, даты рождения и иногда места жительства). Можно сказать, что они более четко ограничивают рамки своей открытости. И только 19,05 % не имели на своих страницах фактически никакой информации о себе (14 % — интерналы; 5 % — экстерналы). Ни у кого из респондентов не наблюдалось информации о точном месте жительства, номере телефона и другой конфиденциальной информации, которую можно было бы использовать в корыстных целях.

Анализ никнеймов и аватаров предполагал определение их соответствия реальным имени пользователя и его фото. Согласно анализу, подавляющее большинство респондентов (83,33 %) основывают свои никнеймы на своих реальных имени и фамилии (53 % — интерналы; 28 % — экстерналы), в то время как реальные фото для своих аватаров выбирают 38,1 % пользователей (30 % — интерналы; 7 % — экстерналы). Всего 9,52 % студентов не использовали для создания своего профиля ни своего настоящего имени, ни реальных фото (7 % — интерналы; 2 % — экстерналы).

Анализ подписок и постов пользователей предполагал выявление среди них тем демонстрации пагубных привязанностей (к алкоголю, курению), разжигания конфликтов, ущемления личных прав людей (оскорбления определенных людей/групп людей, «слив» личной ин-

формации и пр.) и т.д. Согласно полученным результатам анализа, никто из пользователей не размещает на своих страницах материалы ненормативного содержания и не подписан на людей или группы, занимающиеся подобной деятельностью. 83,33% респондентов не участвуют в конфликтах и стараются не проявлять агрессии к другим пользователям (53 % — интерналы; 28 % — экстерналы), что в целом коррелирует с результатами, полученными при анализе анкеты. В то же время 9,53 % респондентов периодически или изредка участвуют в конфликтах, но не стремятся провоцировать их сами (2 % — интерналы; 5 % — экстерналы), а 7,14 % респондентов были участниками конфликтов и сами инициировали их.

При анализе критерия «нецензурная лексика» определялось наличие нецензурных лексических единиц в содержании личной информации, постах, комментариях. Ровно половина респондентов использует ненормативную лексику при онлайн-общении (33 % — интерналы; 16 % — экстерналы), а 42,86 % респондентов стараются не прибегать к ненормативной лексике или используют ее единично в зависимости от сложившейся ситуации (28 % — интерналы; 14 % — экстерналы). Данные результаты соотносятся с результатами анкеты относительно использования ненормативной лексики в процессе общения или комментирования.

Также следует заметить, что некоторые респонденты (9,52 %) отказывались предоставлять для анализа свои личные страницы или же скрывали личные данные (7 % — интерналы; 2 % — экстерналы).

Для изучения представлений молодежи о себе и их самооотношения нами использовался тест «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда. По результатам данной методики обнаружено, что у 44,2 % респондентов уровень самооценки неадекватно завышенный, у 30,2 % — адекватная самооценка, 25,6 % — неустойчивый уровень самооценки. Полученные данные были сгруппированы по блокам: «*социальное Я*» (в данный блок вошли высказывания о семье, этнической идентичности, учебно-профессиональной позиции, групповой принадлежности, мировоззренческой идентичности); «*деятельное Я*» (высказывания о самооценке способности к деятельности, навыков, умений, знаний, компетенции, достижений); «*перспективное Я*» (высказыва-

ния о профессиональной перспективе, семейной перспективе, оценка личных стремлений); «*рефлексивное Я*» (высказывания о персональной идентичности; глобальное, экзистенциальное «Я»); «*коммуникативное Я*» (высказывания о дружбе или круге друзей, восприятии себя членом группы друзей, общении или субъекте общения, особенностях и оценке взаимодействия с людьми); «*физическое Я*» (субъективное описание своих физических данных, пристрастий в еде, вредных привычек); «*материальное Я*» (отношение к внешней среде); «*виртуальное Я*» (представления о своей роли в социальных сетях: «геймер», «блогер», «не разбираюсь в компьютерах», «пользователь», «потребитель интернет-контента», «интернет-пользователь»).

Наиболее распространенной является категория «*рефлексивное Я*». При описании данной категории ответы распределились следующим образом: персональная идентичность (45,56 %), экзистенциальное «Я» (8,39 %), мировоззренческая идентичность (0,48 %). Вторую позицию при описании занимает «*социальное Я*»: семейная принадлежность (10,31 %), учебно-профессиональная позиция (5,28 %), деятельность, интересы, увлечения (5,28 %), этниче-

ско-региональная идентичность (3,12 %). Остальные категории представлены в следующем соотношении: «*деятельное Я*» — 3,6 %; «*физическое Я*» — прямое обозначение пола (3,36 %), субъективное описание своих физических данных (1,44 %), пристрастия в еде, вредные привычки (0,96 %); «*коммуникативное Я*» — общение, особенности и оценка взаимодействия с людьми (2,16 %), дружба или круг друзей, восприятие себя членом группы друзей (1,92 %); «*перспективное Я*» — профессиональная перспектива (1,2 %), семейная перспектива (0,48 %). Категория «*виртуальное Я*» составляет 1,44 %. Включенные в данную категорию ответы также могут быть отнесены к показателям «*групповая принадлежность*», «*занятия, деятельность, интересы, увлечения*» и «*самооценка способности к деятельности, самооценка навыков, умений, знаний, компетенции, достижений*». Всего получилось 20 видов тем. Дополнительно для данного исследования нами также были выделены еще два дополнительных фактора: «*Виртуальное Я*» (геймер; блогер; не разбираюсь в компьютерах; пользователь; потребительница интернет-контента; интернет-пользователь) и *нравственные характеристики личности*.

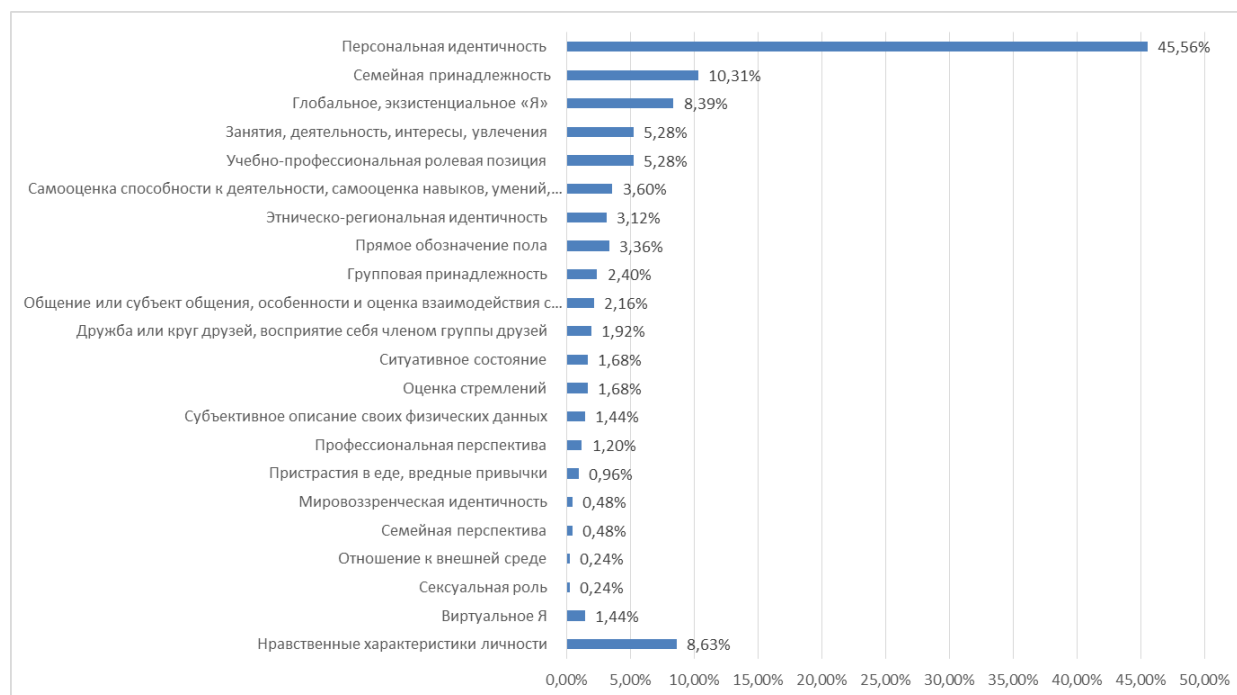

Рис. 2. Результаты процентного распределения ответов по отдельным показателям теста «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда

Fig. 2. Percentage distribution of the answers by the indicators of M. Kuhn and T. McPartland's test «Who am I?»

Категория «Виртуальное Я» составляет 1,44 % (7 высказываний) и получила смешанные оценки 3 (?), 2 (+/-) и 2 (+) имеющие, однако, положительную направленность. Категория «нравственные характеристики личности» составляет 8,63 % (36 высказываний) и получила в своем большинстве положительные оценки 7 (?), 1 (-) и 28 (+). Таким образом, можно сказать, что показатель «Я-виртуальное» занимает относительно небольшое значение в системе представлений испытуемых о самом себе и обладает смешанными результатами, в то время как показатель «нравственные характеристики личности» занимает лидирующие позиции (находится на третьем месте согласно процентному анализу результатов) и оценивается преимущественно положительно, что является весьма положительной тенденцией.

Заключение

Согласно результатам анкетного опроса, все 100 % опрошенных нами молодых людей используют для общения в сети социальные сети, причем около 64 % респондентов в качестве цели использования социальных сетей выбирают именно общение.

Более половины опрошенных (52,22 %) посчитали, что реализовать свой личностный потенциал возможно и без помощи виртуального пространства, и что социальные сети не могут оказывать влияние на их поведение в реальной жизни (54,76 %).

Анализ полученных по анкете ответов и соотнесение их с результатами анализа личных страниц пользователей показало, что около половины молодых людей (52,38 %), дав утвердительный ответ относительно того, используют ли они в ходе сетевого общения ненормативную лексику, действительно применяют ее при онлайн-общении, комментировании и создании постов (ровно 50 %). Также информация о том, что 71,43 % респондентов стараются не проявлять агрессии в своем поведении, соответствует тому, что 83,33 % молодых людей стараются не участвовать в конфликтах и не проявлять излишней агрессии к другим пользователям. А это означает, что пользователи вполне трезво представляют и оценивают свое реальное поведение в сети Интернет. Хотя и следует отметить, что относительно грамотности письма

83,33 % пользователей дало положительный ответ на вопрос, пытаются ли они писать грамматически правильно и следить за своим письмом, однако на деле оказалось, что разного рода ошибки присутствовали в письме около 47,62 % пользователей.

Показательным может считаться тот факт, что подавляющее большинство опрошенных (83,33 %) не посчитали интернет местом для вседозволенности и в итоге никто из пользователей не размещает на своих личных страницах материалы ненормативного содержания и не подписан на людей или группы, занимающиеся подобной деятельностью.

При соотнесении между собой групп с преобладанием интернального и экстернального контроля были обнаружены статистически значимые различия в значениях относительно показателей «представление о нравственности как о силе или слабости личности» и «обязательность соблюдения нравственных норм». А значит, можно сказать, что экстерналы воспринимают проявление нравственного поведения как показатель проявления силы личности и признают для себя обязательность соблюдения нравственных норм.

Корреляционный анализ результатов УСК с уровнем представлений о нравственности и морали показал наличие статистически значимых корреляционных связей по показателям «представление о нравственности как о силе или слабости личности» с показателями общей интернальности, интернальности в области неудач и интернальности в области производственных отношений, «обязательность соблюдения нравственных норм» с показателями общей интернальности и интернальности в области неудач, а также интернальности в области семейных отношений и показателем значимости морали, нравственности для общества, интернальности в области производственных отношений и показателя активности/пассивности. Все обозначенные связи являются отрицательными, а значит, понижение значений по показателю уровня волевого контроля (что соответствует экстернальности) будет способствовать росту представлений о нравственности и морали и наоборот. Также были обнаружены и положительные корреляционные связи интернальности в области достижений с показателем мирозидательной

ориентации и интернальности в области межличностных отношений с показателем абсолютности/относительности нравственности, что означает, что рост уровня волевого контроля будет способствовать и росту по выделенным показателям.

В современных условиях массового внедрения и быстрого развития виртуального взаимодействия учет полученных в результате проведенного исследования данных может качественно изменить эффективность виртуальной коммуникации, поскольку понимание природы такой формы взаимодействия и стоящих за ней причин и факторов способно не только предопределять успешность коммуникативного процесса, но и способствовать предотвращению коммуникативных неудач и конфликтов, что, в свою очередь, положительно влияет на формирование «Я-образа» студенческой молодежи.

Конфликт интересов

Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interest

The authors declared no potential conflicts of interest regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

- Белинская Е.П., Илюхина С.Н. Особенности протекания конфликта в виртуальной коммуникации // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 1(11). С. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-1-65-76>
- Богданова В.О., Александрова Л.Д. Игры с идентичностью в мире сетевых коммуникаций // Социум и власть. 2019. № 6(80). С. 39–45. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2019-6-39-45>
- Войсунский А.Е. Направления исследований опосредованной Интернетом деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 1. С. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2017.01.52>
- Гордеева А.В., Кононенко И.А. Представления о виртуальном общении и их взаимосвязь с личностными особенностями пользователей // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 11–31. DOI: <https://doi.org/10.11621/lpj-23-25>
- Зекерьяев Р.И. Психологические особенности компонента «Я-виртуальное» в структуре образа «Я» подростков в социальных сетях // Проблемы современного педагогического образования. 2019. Вып. 62, ч. 3. С. 275–278.
- Карпухин С.В. Личность и виртуальное пространство: проблемы социализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 2(68). С. 78–84.
- Купрейченко А.Б., Воробьева А.Е. Нравственное самоопределение молодежи. М.: Ин-т психологии РАН, 2013. 480 с.
- Курбатов В.И. Виртуальная коммуникация, виртуальный язык и виртуальное мышление // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 42–47.
- Новолодская Т.А. Социальные коммуникации в контексте виртуальной реальности // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 11. С. 6–13.
- Расина Э.О. Место виртуального образа личности в перцептивных процессах социального взаимодействия в виртуальном пространстве // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. Т. 7, № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-9>
- Рогова Е.Н., Яницкий Л.С. Идентификация студенческой молодежи в социальных сетях // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 1(45). С. 161–168. DOI: https://doi.org/10.54509/22203036_2022_1_161
- Рыльская Е.А., Погорелов Д.Н. Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей и реальная идентичность: сравнительные характеристики // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 1(118). С. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.20323/1813-145x-2021-1-118-105-114>
- Серый А.В., Яницкий М.С. Когнитивные репрезентации образа-Я студентов-пользователей интернет в условиях противоэпидемических ограничений // Самореализация личности в эпоху цифровизации: глобальные вызовы и возможности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29–30 марта 2022 г.) / отв. ред. С.С. Кудинов. Российский университет дружбы народов. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 129–133.
- Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 105–124. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
- Цариценцева О.П., Бутрова Н.Н. Содержание образа «Я-виртуальное» пользователей Интернет

(на примере юношеского возраста) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 12. С. 76–80.

Яницкий М.С. Поведение учащейся молодежи в цифровой среде: к проблеме формирования информационной культуры и системы ценностно-смысловой регуляции // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 4(20). С. 90–97.

References

Belinskaya, E.P. and Ilukhina, S.N. (2018). [Specific characteristics of conflicts in virtual communication]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education]. No. 1(11), pp. 65–76. DOI <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-1-65-76>

Bogdanova, V.O. and Aleksandrova, L.D. (2019). [Identity games in the world of network communications]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. No. 6(80), pp. 39–45. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2019-6-39-45>

Gordeeva, A.V. and Kononenko, I.A. (2023). [Structure of virtual communication in the interrelation with personal characteristics of users]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Lomonov Psychology Journal]. Vol. 46, no. 3, pp. 11–31. DOI: <https://doi.org/10.11621/lpj-23-25>

Karpukhin, S.V. (2014) [Personality and virtual space: problems of socialization]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura* [Ethnosocium and Interethnic Culture]. No. 2(68), pp. 78–84.

Kupreychenko, A.B. and Vorob'eva, A.E. (2013). *Navstvennoe samoopredelenie molodezhi* [Youth's moral self-determination]. Moscow: IP RAS Publ., 480 p.

Kurbatov, V.I. (2014). [Virtual communication, virtual language and virtual thinking]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 11, pp. 42–47.

Novolodskaya, T.A. (2016). [Social communication in the context of virtual reality]. *Nauchnoe obozrenie: humanitarnye issledovaniya* [Scientific Review: Humanities Studies]. No. 11, pp. 6–13.

Rasina, E.O. (2021). [The place of the virtual image of the individual in the perceptual processes of social interaction in virtual space]. *Nauchnyy rezultat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* [Research Result. Pedagogy and Psychology of Education]. Vol. 7, no. 2, pp. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-9>

Rogova, E.N. and Yanitskiy, L.S. (2022). [Identification of student youth in social media]. *Profes-*

sional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional Education in Russia and Abroad]. No. 1(45), pp. 161–168. DOI:

https://doi.org/10.54509/22203036_2022_1_161

Ryl'skaya, E.A. and Pogorelov, D.N. (2021). [Personal identity in the virtual space of social networks and real identity: comparative characteristics]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 1(118), pp. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.20323/1813-145x-2021-1-118-105-114>

Seryy, A.V. and Yanitskiy, M.S. (2022). [Cognitive representations of the self-image in students of internet users during the restrictions of the pandemic]. *Samorealizatsiya lichnosti v epokhu tsifrovizatsii: global'nye vyzovy i vozmozhnosti. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 29–30 marta 2022 g.)* [Personal Self-Realization in the Era of Digitalization: Global Challenges and Pportunities: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, March 29–30, 2022)]. Moscow: RUDN Publ., pp. 129–133.

Soldatova, E.L. and Pogorelov, D.N. (2018). [The phenomenon of virtual identity: the contemporary condition of the problem]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal]. Vol. 20, no. 5, pp. 105–124. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>

Tsaritsentseva, O.P. and Butrova, N.N. (2014). [The content of the «I am virtual» image of Internet users (using the example of adolescence)]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal. Kontsept* [Scientific and Methodological Electronic Journal «Koncept»]. No. 12, pp. 76–80.

Voiskunskiy, A.E. (2017). [Directions of studies of Internet mediation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 1, pp. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2017.01.52>

Yanitskiy, M.S. (2022). [Behavior of students in the digital environment: on the problem of the formation of information culture and the system of value-semantic regulation]. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk* [Theory and Practice of Social Humanities]. No. 4(20), pp. 90–97.

Zeker'yaev, R.I. (2019). [Psychological peculiarities of «I-virtual» component in the structure of «self-image» of teenagers in social networks]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. Iss. 62, part 3, pp. 275–278.

Об авторах

Горбатова Марианна Михайловна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологических наук

Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, 6;
e-mail: marianna77715@gmail.com
ResearcherID: AGJ-4669-2022

Билан Марина Анатольевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологических наук

Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, 6;
e-mail: lma_05-80@mail.ru
ResearcherID: AAE-7278-2019

Ермолаева Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романо-германской филологии

Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, 6;
e-mail: enermolaeva@yandex.ru
ResearcherID: LJJ-3543-2024

About the authors

Marianna M. Gorbatova

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Psychological Sciences

Kemerovo State University,
6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia;
e-mail: marianna77715@gmail.com
ResearcherID: AGJ-4669-2022

Marina A. Bilan

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Psychological Sciences

Kemerovo State University,
6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia;
e-mail: lma_05-80@mail.ru
ResearcherID: AAE-7278-2019

Elena N. Ermolaeva

Candidate of Philology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Romance and Germanic Philology

Kemerovo State University,
6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia;
e-mail: enermolaeva@yandex.ru
ResearcherID: LJJ-3543-2024

УДК 159:004:343.9.018

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-374-390>

EDN: UIDSUM

Поступила: 01.08.2024

Принята: 16.09.2024

Опубликована: 03.10.2024

МАНИПУЛЯЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ КИБЕРМОШЕННИКАМИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ: CASE-STUDY

Игнатова Екатерина Сергеевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В психологии распространяющееся социальное мошенничество только становится предметом интереса. Мошенничество рассматривается с точки зрения манипулятивного воздействия на психическое состояние потенциальной жертвы, «добровольно» нарушающей информационную безопасность. Поставлена и обоснована проблема необходимости распознавания механизма мошеннического воздействия на личность и ее поведение. Рассмотрены теоретические основы указанной проблемы. Показан исторический аспект применения технологий социальной инженерии для получения персональной информации и регуляции человеческого поведения. Описаны виды социального мошенничества. Обозначена неоднородность мошеннических схем. Представлены факторы мошеннического воздействия, выступающие мишенями, в т.ч. приведены эмпирически подтвержденные личностные особенности потенциальных и реальных жертв, их системы мышления и базальной эмоциональной регуляции. Показана роль когнитивных искажений, снижающих эффективность критического мышления в эмоционально небезопасном состоянии. Выявлены этапы оказания манипулятивного воздействия мошенниками. Описан психологический анализ случая манипулятивного воздействия на эмоциональную безопасность кибермошенниками с применением технологий социальной инженерии. Представлены результаты исследования личности жертвы кибермошенников. Обнаружено соответствие личностных особенностей испытуемого эмпирическому портрету жертвы мошенников в выраженных показателях доброжелательности, добросовестности, тревожности, ориентации на ценность безопасности, убежденности в морально-нравственных качествах Другого. Анализ нарратива жертвы кибермошенников позволил описать сценарий злоумышленников в диапазоне «ситуационная напряженность – снятие психологического» напряжения, когда жертву последовательно лишают ключевых составляющих эмоциональной безопасности: спокойствия, уверенности в управляемости происходящим и возможности прогноза последствий; установить соответствующую динамику эмоционального переживания жертвы и ее влияния на восприятие реальности, систему психического и, в конечном счете, на иррациональное поведение. Сформулированы рекомендации по профилактике виктимного поведения жертвы мошенников. Полученные данные могут быть использованы в психологическом консультировании, в сфере управления и прогнозирования рисков различных отраслей, в которых так или иначе представлено социальное мошенничество.

Ключевые слова: информационная безопасность, эмоциональная безопасность, социальная инженерия, манипуляция, манипулятивное воздействие, мошенники, кибермошенники, критическое мышление, когнитивные искажения, эмоциональная уязвимость, виктимность, жертва, доверчивость, доверие, институты власти.

Для цитирования:

Игнатова Е.С. Манипуляция эмоциональной безопасностью кибермошенниками с применением технологий социальной инженерии: case-study // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 374–390. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-374-390>. EDN: UIDSUM

MANIPULATION OF EMOTIONAL SECURITY BY CYBERCRIMINALS USING SOCIAL ENGINEERING TECHNOLOGIES: A CASE STUDY

Ekaterina S. Ignatova

Perm State University (Perm)

In psychology, the pervasive social fraud is only becoming a matter of interest. The article looks at fraud from the perspective of manipulative influence on the mental state of a potential victim who «voluntarily» violates information security. The study raises the problem of the need to recognize the mechanism of fraudulent influence on a person and their behavior. The theoretical foundations of this problem are considered. The historical aspect of the application of social engineering technologies to obtain personal information and regulate human behavior is shown. The types of social fraud are described. The heterogeneity of fraudulent schemes is indicated. The factors of fraudulent influence that act as targets are presented, including empirically confirmed personal characteristics of potential and real victims, their thinking systems and basal emotional regulation. The role of cognitive distortions that reduce the effectiveness of critical thinking in an emotionally insecure state is shown. The stages of manipulative influence by fraudsters have been identified. A psychological analysis of a case of manipulative influence on emotional security by cybercriminals using social engineering technologies is described, with the results of a study into the victim's identity presented. The study has found correspondence between the personal characteristics of the subject and the empirical portrait of a fraudsters' victim in expressed indicators of benevolence, conscientiousness, anxiety, orientation to the value of security, conviction in the moral qualities of Another. The analysis of the victim's narrative made it possible: to describe the criminals' scenario within the range «situational tension – removal of psychological tension», when the victim is consistently deprived of key components of emotional security: calmness, confidence in the controllability of what is happening and the possibility of predicting the consequences; to establish the dynamics of the victim's emotional experience and its influence on the perception of reality, on the mental system and, ultimately, on irrational behavior. Recommendations for the prevention of victimized behavior of a victim of fraud are formulated. The data obtained can be used in psychological counseling, in the field of risk management and forecasting in various industries where social fraud is represented in one way or another.

Keywords: information security, emotional security, social engineering, manipulation, manipulative influence, scammers, cyber fraudsters, critical thinking, cognitive distortions, emotional vulnerability, victimization, victim, credulity, trust, institutions of power.

To cite:

Ignatova E.S. [Manipulation of emotional security by cybercriminals using social engineering technologies: a case study]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 374–390 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-374-390>, EDN: UIDSUM

Постановка проблемы

В условиях цифрового общества пугающе увеличивается масштаб индустрии социального мошенничества за счет информационно-коммуникативных технологий [Рачева Н.В. и др., 2021; Романов В.Г., Романова И.В., 2020;

Bidgoli M., Grossklags J., 2017; Богданов А.В. и др., 2020; Старостенко Н.И., 2020; Мешкова Н.В. и др., 2022; Зотина Е.В., 2023; Lu H.Y. et al., 2020; Габалова Е.Б., Тегетаева О.Р., 2021; Ананьина К.П., Изофатова Д.А., 2022], особенно в кредитно-финансовой сфере [Ананьина К.П., Изофатова Д.А., 2022; Asri F.M., Ма-

hamad T.E.T., 2023; Богданов А.В. и др., 2020; DeLiema M. et al., 2023; Шипулин Г.Ф., 2022].

Традиционно мошеннические схемы и результат их негативного влияния входят в область интересов представителей правовой сферы, которые изучают подготовительные действия (поиск потенциальной жертвы, создание условий совершения преступления), организацию провокации, обусловленную выбранным способом воздействия, сокрытие преступных действий [Кузьмин Ю.А., 2022; Романов В.Г., Романова И.В., 2020]. Вместе с тем этот негативный тренд имеет последствия не только в правовой, но в социально-психологической сфере. Эмпирически подтверждено отрицательное воздействие мошенничества на психологическое здоровье личности [Мешкова Н.В. и др., 2022; Eze O.J. et al., 2023; Ghani N.M. et al., 2023] независимо от пола, возраста образования [Романов В.Г., Романова И.В., 2020; Первушина О.Н., Федоров А.А., 2022; Богданов А.В. и др., 2020; Трахов А.И., Бешукова З.М., 2022; Шипулин Г.Ф., 2022], хотя выборка многих исследований состоит преимущественно из лиц пожилого возраста [Мешкова Н.В. и др., 2022; Ананьина К.П., Изофатова Д.А., 2022; Зотина Е.В., 2023; Asri F.M., Mahamad T.E.T., 2023].

Мошенничество являет собой преступную деятельность для достижения личной корыстной выгоды с использованием неблагоприятных жульнических действий, в основе которых лежит обман/искажение истины. Данную форму хищения характеризует внешняя добровольность жертвы/потерпевшего, уверенного в правомерности действий мошенников. Кибермошенники выстраивают манипуляцию таким образом, чтобы потенциальная жертва, находясь в состоянии заблуждения или будучи обманутой, сама «добровольно» нарушила требования информационной безопасности: предоставила персональные данные, платежную информацию, данные для доступа и т.д. [Менщиков А.А., Федосенко М.Ю., 2021]. Поэтому сегодня потребность в безопасности можно рассматривать не только как личную безопасность, но и как безопасность данных о личности в условиях риска оказания психологического давления мошенниками [Заболоцкая А.В., Ткачева Е.Г., 2022].

В цифровом обществе такие преступления, как правило, имеют дистанционную форму и носят латентный характер, что осложняет их расследование и раскрываемость. Затруднения связаны, с одной стороны, с сокрытием факта мошенничества по разным причинам: не все потерпевшие социокультурно (репутационные риски, значительность ущерба), психологически (общественное мнение, чувство стыда и вины) готовы официально идентифицировать себя с жертвой, встретиться с последствиями произведенного обмана и, соответственно, заявить о факте мошенничества в правоохранительные органы. С другой стороны, не всегда есть возможность завести уголовное дело, т.к. определение места нахождения мошенников и проверка информации на достоверность проблематичны, следы преступления отсутствуют, пострадавший как будто по своей воле все выполнял, выступая одновременно потерпевшим и граждански ответственным. Условное согласие жертвы действовать определенным образом, выполняя ошибочные поведенческие паттерны, и, как следствие, встречаться с негативными последствиями такого поведения могут усложнить правоохранительным органам возможность доказательства мошеннических действий и обеспечить безопасность личности, например, в финансовой среде.

Для профилактики обозначенных рисков используются следующие меры:

- повышение информационной и экономической безопасности организаций;

- просвещение населения по вопросам: финансовой грамотности [Габалова Е.Б., Тегетаева О.Р., 2021], информационной безопасности [Богданов и др., 2020] за счет социальной рекламы, создания рекомендаций [Lu H.Y. et al., 2020; Психологические аспекты противодействия..., 2024];

- развитие нормативно-правовой сферы профилактики виктимного поведения граждан в рамках предотвращения правонарушений, расширения судебно-следственной практики по делам о мошенничестве [Ананьина К.П., Изофатова Д.А., 2022; Богданов А.В. и др., 2020];

- создание центра борьбы с телефонным мошенничеством и киберпреступлениями [Шипулин Г.Ф., 2022].

Несмотря на социально-экономическую значимость, перечисленные мероприятия обладают рядом методологических ограничений:

- имеют односторонний характер воздействия: например, поднимается вопрос об экономической безопасности среды [Габалова Е.Б., Тегетаева О.Р., 2021], но не личности как участника коммуникации с такой средой;

- содержат системные институциональные противоречия: обнаруживается необходимость коллаборации различных институтов для борьбы с мошенничеством, что само по себе затруднительно ввиду слабой коллегиальности институциональных коммуникаций и отсутствия комплексного подхода к профилактике и коррекции последствий мошенничества [Старостенко Н.И., 2020];

- не учитывают кризисное состояние, в котором находится жертва мошенников, оставляя ее в одиночестве при разрешении сложившихся эмоциональных и финансовых проблем. При этом факт заблуждения жертвы часто не предопределяет юридическую ничтожность кредитно-финансовой сделки [Богданов А.В. и др., 2020]. Предложенные рекомендации, как правило, обращены к рациональному, когнитивно-ориентированному восприятию [Lu H.Y. et al., 2020]. Для закрепления правильного поведения взаимодействия с мошенниками данные рекомендации следует регулярно использовать в работе с разными категориями населения. Например, знакомить с ними школьников уже на уроках «Основы безопасности жизнедеятельности». Это связано с тем, что следовать инструкциям в состоянии эмоциональной уязвимости, испытывая сильные эмоции, практически невозможно, если только правила поведения с потенциальными мошенниками не «записаны на подкорку». При этом остается риск нарушения алгоритма действия в ситуации угрозы потери, наказания, привлечения к ответственности.

Для повышения осведомленности и обеспечения безопасности зарубежные исследователи апробировали алгоритм обучения поведению в ситуациях, имитирующих взаимодействие с мошенниками. В тренинговом формате отрабатываются навыки распознавания мошеннических звонков, анализа поступающей информации, выстраивания диалога [Yoshioka T. et al., 2024]. Однако для эффективного виктимологи-

ческого предупреждения [Зотина Е.В., 2023], по нашему мнению, необходимо начинать работу не с когнитивной сферы, а с эмоциональной, т.к. эволюционно лимбическая система определяет работу префронтальной коры, где находится блок мозга, ответственный за принятие решений.

Итак, проблема распознавания кибермошенничества базируется на понимании механизма манипулятивного воздействия на личность, возможности его предвосхищения и пресечения на этапе принятия решения об удовлетворении требований злоумышленников.

Анализ литературы

Одним из условий воплощения мошеннических посягательств выступает формирование доверительных отношений между преступником(ами) и жертвой, которое невозможно без психологического манипулирования. Такая противоправная деятельность реализуется за счет технологий социальной инженерии.

Исторически социальная инженерия рассматривалась как целенаправленная профессиональная деятельность специалистов по общественному переустройству. К. Поппер научно обосновал социальную инженерию как молодую науку, отмечая применение социологических технологий для разрешения проблемы рационального изменения общества с целью прогноза последствий выполненных преобразований [Ламинина О.Г., 2017]. Контекстом использования обозначенных технологий традиционно (как в Древней Греции и Риме, так и в послевоенный период в США и Великобритании) выступала сфера управления государством, требующая реализации в т.ч. дипломатических задач, проектов спецслужб, когда возникала необходимость манипулировать человеческим сознанием. Данные коммуникативные технологии нацелены на получение определенной, как правило, персональной информации, регуляцию поведения личности. К сожалению, сегодня социальная инженерия представляет собой также современную форму мошенничества, предполагающую нарушение информационной безопасности [Старостенко Н.И., 2020; Pimentel A., Steinmetz K.F., 2022].

Анализ литературы позволяет выделить следующие виды социального мошенничества [Кузьмин Ю.А., 2022; Менщиков А.А., Фед-

осенко М.Ю., 2021; Шипулин Г.Ф., 2022; Button M. et al., 2024]:

– вишинг и спуфинг, когда в ходе телефонной коммуникации злоумышленники играют определенную роль, запуская ряд сценариев («ошибочный платеж», «реклама», «родственник в беде»; «звонок из службы безопасности организации» / «интерес со стороны представителя власти»), при этом нарушая ст. 159 УК РФ «Мошенничество» (злоупотреблении доверием), ст. 288 УК РФ «Присвоение полномочий должностного лица»;

– БМБ-фишинг, когда мошенники проигрывают сценарий, отправляя жертве текстовые сообщения через различные мессенджеры [Шипулин Г.Ф., 2022].

Мошеннические схемы различаются по степени сложности. Многие из них предполагают многоуровневую индивидуально-ориентированную обработку потенциальной жертвы с задействованием нескольких персоналий (сотрудники полиции, правоохранительных органов, банков, ФСБ и т.д.). Такой процесс невозможен без тщательной проработки, а также привлечения профессиональных психологов.

Местами реализации мошеннических действий, согласно судебно-следственной практики, выступают: исправительные учреждения, call-центры, которые могут находиться в т.ч. на территории указанных учреждений [Грязева Н.В., Некрасов А.П., 2020; Богданов А.В. и др., 2020].

Организация мошеннических схем требует помещения, материально-технического обеспечения и персонала, которому представляются скрипты для коммуникации с потенциальными жертвами [Менщиков А.А., Федосенко М.Ю., 2021].

Социальная инженерия в аспекте информационной и эмоциональной безопасности предполагает побуждение человека к определенным действиям вопреки его собственным интересам за счет обращения к базовым и эмоциональным потребностям [Wang J. et al., 2024]. Задействуется личностная система ценностей, для чего достаточно подробно составляется профайлинг жертвы [Менщиков А.А., Федосенко М.Ю., 2021]. «Уязвимыми мишенями» воздействия на систему мышления с последующим выполнением указаний выступают: воз-

раст [Мешкова Н.В. и др., 2022], личностные особенности (выраженный нейротизм и, соответственно, сниженная эмоциональная устойчивость, доброжелательность, добросовестность, доверчивость и наивный оптимизм, преобладание ценности безопасности) [Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В., 2015; Первушина О.Н., Федоров А.А., 2022; Мешкова Н.В. и др., 2022; Maharjan A., 2023]. При этом важно обратить внимание на то, что уровень восприимчивости по-разному влияет на склонность личности участвовать в мошеннических схемах. По данным отечественных исследований, внушаемость предопределяет подверженность человека воздействию злоумышленников [Первушина О.Н., Федоров А.А., 2022]; по данным зарубежных исследований — не всегда [Button M. et al., 2024]. Дополнительную виктимогенную роль в стимулировании небезопасного стиля реагирования на провокации мошенников играют: низкая информационная и финансовая грамотность населения [Maharjan A., 2023], отсутствие у людей опыта противодействия дезадаптивному влиянию мошенников.

Традиционно эффективная манипуляция строится на обнаружении и последующем использовании человеческой слабости [Сидоренко Е.В., 2004], которая кроется в эмоциональной уязвимости личности. Для проведения атак злоумышленники, применяющие технологии социальной инженерии, зачастую эксплуатируют доверчивость, любезность, испытание страха и вины для повышения стрессогенности внешнего контекста за счет угроз. Отсутствие или малая представленность в жизненном опыте регламентации предлагаемых мошенниками сценарных взаимодействий предопределяет усиление ощущения незащищенности личности. «Выбивание почвы из-под ног» происходит за счет утраты ею контроля вследствие переживания растерянности и беспомощности.

В стрессовой виктимогенной ситуации, когда нарастает эмоциональное возбуждение, происходит снижение базальной эмоциональной саморегуляции. Данная динамика проявляется как на аффективном, так и на поведенческом уровнях, что негативно влияет в т.ч. на функциональность когнитивной сферы [Lu H.Y. et al., 2020]. Активизируются когнитивные ис-

кажения, которые способствуют понижению концентрации внимания и эффективности критического мышления [Ярославцева И.В., Дорохина С.А., 2016], усиливая размытость восприятия и нелогичность рассуждений. Такое состояние в условиях целенаправленного создания иллюзии принятия быстрого решения, выступающего дополнительным стресс-фактором, и оперативных действий снижает осознанность и произвольность, провоцируя иррациональные изменения в поведении, приводящие к драматическим последствиям.

Представим этапы мошеннической схемы, в структуру которой входит манипулятивное воздействие:

- поиск и получение информации о жертве (от номера телефона до биографических данных в зависимости от степени сложности схемы). Данный этап с одной стороны, показывает факт нарушения злоумышленниками 152-ФЗ «О персональных данных»; с другой стороны, подсвечивает необходимость формирования и развития информационной и финансовой грамотности в цифровой среде;

- психологическая атака с целью введения в заблуждение с помощью угроз, последующим переживанием страха, тревоги и даже паники [Старостенко Н.И., 2020]. Когда мошенники применяют манипулятивные скрипты, активизирующие эмоциональную уязвимость [Asri F.M., Mahamad T.E.T., 2023] снижается эмоциональная безопасность с сопутствующими потерями уверенности, стабильности, управляемости происходящим. Традиционно они «играют» на: страхе утраты («Ваш родственник попал в беду...»), финансовых страхах («У вас просроченный долг...»), страхе перед властью, законом и судом [Богданов А.В. и др., 2020; Зотина Е.В., 2023];

- формирование доверительных отношений с одновременным снижением бдительности за счет: эксплуатации «статуса», предоставления реальных персональных сведений, заверения в собственной социально-психологической компетентности обращения со сложными жизненными ситуациями, а также с помощью скорого оперирования сценарной информацией. Например, мошенники могут обращаться к алгоритмам, которыми потенциальная жертва может и не обладать ввиду отсутствия опыта. Привлечению жертвы к сотрудничеству спо-

собствуют такие манипулятивные скрипты, как: «Я могу помочь вам ... решить эту проблему гораздо более простым способом. Все, что вам нужно сделать, это успокоиться и просто следовать моим инструкциям», «Давайте действовать вместе» [Parti K. et al., 2023];

- убеждение выполнить определенные действия за счет удержания человека в состоянии веры в реальность угрозы и достоверность разыгрываемого сценария. Посредством блокировки возможности проверки информации с использованием психологического давления происходит формирование чувства реальности происходящего [Старостенко Н.И., 2020];

- организация и контроль мошенниками иррационального поведения жертвы с сохранением у нее иллюзии важности совершающегося, эмоциональной зависимости от «добродетелей», когда жертва выполняет требуемые действия, находясь в состоянии даже какой-то степени безопасности, для благоволения (получения внимания и поддержки) «представителей власти» и их положительной реакции в проблемной ситуации [Психологические аспекты противодействия..., 2024];

- окончание взаимодействия с жертвой в связи с изъятием информации, финансовых средств [Богданов А.В. и др., 2020] и, возможно, участия в противоправном мероприятии.

Как мы видим, дестабилизирующими факторами манипулятивного воздействия выступают:

- информационно-психологические риски, являющиеся индикатором социального напряжения в следующих сферах: социально-экономической, политической, технологической, духовной [Белоусова Е.А., 2024];

- формирование у потенциальной жертвы заданной оценки воспринимаемой ситуации;

- снижение субъектности жертвы в ходе управления собой и ситуацией [Pimentel A., Steinmetz K.F., 2022].

Соответственно, у жертвы формируется эмоциональное переживание в диапазоне: ситуационная напряженность – разрешение ситуационной напряженности с последующим управлением [Pimentel A., Steinmetz K.F., 2022]. «Игра» мошенников начинается с побуждения потенциальной жертвы к переживанию страха за счет угроз и одновременного ее убеждения в законности коммуникации

[Asri F.M., Mahamad T.E.T., 2023]. Обращение к «законности» обусловлено сущностью авторитета побуждать с помощью различных технологий подражания, внушения, заражения за счет обращения к системе ценностей аудитории и ее самооценке. Одним из приемов обеспечения «законности» выступает демонстрация мошенниками информированности и влиятельности в ходе коммуникации с жертвой: оперирование точными биографическими данными самой жертвы и, возможно, членов ее семьи с последующим предложением алгоритма разрешения проблемы.

Методология исследования

Для изучения эмоционального опыта потерпевших от мошенников обычно используются качественные методы исследования (нарративы, глубинные интервью), т.к. применение личностных опросников затрудняет ретроспективные исследования [Bidgoli M., Grossklags J., 2017; Asri F.M., Mahamad T.E.T., 2023]. Традиционно case-study ассоциируется также с качественной методологией. Вместе с тем в современной социальной науке его методологический статус не однозначен. Case-study рассматривается и как комплексный исследовательский подход, и как технология сбора уникальных данных о социально-психологическом явлении, в т.ч. из приватной сферы [Михайлов А.С., 2014; Козина И.М., Сережкина Е.В., 2015]. Достоинства case-study одновременно выступают его ограничениями, т.к. данный метод позволяет подробно и глубоко изучить феномен на основе анализа небольшого числа, как правило, неслучайных данных. Использование аналитической стратегии интерпретации таких данных позволяет сделать некоторые обобщения о природе исследуемого феномена в определенном контексте [Aberdeen T., 2013].

Случай представляет собой специфическую единицу наблюдения за фрагментом социальной реальности. Является примером проявления определенного социального феномена [Козина И.М., Сережкина Е.В., 2015].

Целью настоящего исследования является анализ случая манипулятивного воздействия на эмоциональную безопасность кибермошенниками с применением технологий социальной инженерии.

Тип случая: развернутый. Акцент сделан на процессуальном аспекте, когда отслеживаются и описываются события, происходящие с определенным кругом лиц, участвующих в происходящем в течение длительного времени [Козина И.М., Сережкина Е.В., 2015].

Стратегия анализа случая: описательная с элементами объяснения [Aberdeen T., 2013].

Методологическими принципами анализа случая выступают: системный принцип, принцип личностного подхода и принцип развития.

Методы исследования: диагностика личностных особенностей; нарратив; анализ истории взаимодействия с мошенниками.

Результаты исследования

Анализ случая:

Лицо Н. женского пола, 38 лет. Является гражданином РФ. Имеет высшее социально-гуманитарное образование. Не замужем. Детей нет. Не зарегистрирована в качестве индивидуального предпринимателя. Работает в сфере образования.

Соматический статус: без явно выраженных патологий.

Медикаментозное лечение: не проводится.

Психическое состояние: переживание кризисного состояния. В беседе откровенна. Фон настроения: тревожный.

Согласие на участие в исследовании: предоставлено.

Для оценки личностной предрасположенности Н. к манипулятивному воздействию использовались психодиагностические методики, отобранные в ходе анализа литературы:

– Шкала удовлетворенности жизнью, SWLS — по E. Diener et al. (1985), в адаптации: Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева (2004);

– Короткий портретный опросник Большой пятерки, Б5-10 — М.С. Егорова, О.В. Паршикова (2016);

– Шкала межличностного доверия, ШСД — по J. Rotter (1967), в адаптации: И.Ю. Леоновой, И.Н. Леонова (2016);

– Тест «Внушаемость–конформность» — С.В. Клаучек, В.В. Деларю (1997);

– Портретный ценностный опросник, PVQ-RR — по S. Schwartz (2011), в адаптации: Т.П. Бутенко, Д.С. Седовой, А.С. Липатовой, (2012).

По результатам диагностики можно говорить о том, что Н. в целом удовлетворена жизнью; доброжелательна, сознательна, невротична; имеет средние показатели социального и институционального доверия, высокий уровень конформности. В ее системе ценностей преобладают: репутация, межличностная безопасность, традиции, ориентация на надежность и преданность при взаимодействии, понимание и принятие при построении отношений с Другими и миром. Как мы видим, полученный портрет в целом согласуется с имеющимися данными о личностных особенностях жертв мошенников [Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В., 2015; Первушина О.Н., Федоров А.А., 2022; Мешкова Н.В. и др., 2022; Maharjan A., 2023]. Виктимность Н. может быть предопределена ее общей просоциальностью, которая выражается в доброжелательности, лояльности к Другим, ориентации на сотрудничество, а также тревожностью.

Н. стала жертвой мошенников в рамках финансовой суггестии [Психологические аспекты противодействия..., 2024] в 2023 г. Предъявлены банковские требования о возврате денежных средств на сумму более 1 млн. руб. Все кредиты брала, пребывая в уверенности, что помогает полиции в ведении расследования и будет нести уголовную ответственность в случае отказа от этих действий. Другими словами, данная ситуация сложилась в результате действий мошенников, оказавших моральное давление на личность Н., создав иллюзию необходимости. Добровольного намерения брать кредиты не было; крупные покупки или деятельность, требующие инвестиций, не планировались.

Рассмотрим кейс реализации сложной многопозиционной мошеннической схемы, которая развернута во времени, имеет фейковую иерархическую ролевую структуру с задействованием вишинга, спуфинга и фишинга.

Мошенники позвонили на служебный стационарный телефон в рабочее время — осуществили вишинг. Звонок приняли на кафедре; после чего сразу методист забежал на учебное занятие и взволнованно сообщил, что звонят из полиции и просят немедленно подойти к телефону. Услышав это, Н. испытала беспокойство, подумав, что звонок может быть связан с кем-то из студентов или коллег, что кто-то из

них попал в беду. Сила беспокойства обусловлена высоким уровнем нейротизма личности Н. Как следует из данных, еще до разговора сформирована иллюзия важности за счет эффекта обращения к авторитетам [Психологические аспекты противодействия..., 2024].

Телефонный звонок запустил «игру». Н. проследовала к телефону. Звонивший представился сотрудником МВД г. Москвы (спуфинг), уточнил фамилию, имя и отчество Н. Далее он спросил, знает ли Н. некоего человека, имеющего сходные фамилию и отчество. Н. впервые слышала это имя и, соответственно, ответила, что нет. Звонивший сообщил, что указанный человек в настоящее время обращается в разные кредитные учреждения г. Москвы с поддельной доверенностью и берет кредиты на ее имя. Данная информация повергла Н. в шок: другой город, нарушение закона, уголовная ответственность, жуткие последствия — перед глазами проносились страшные картинки социального отвержения. Стала резонансной ценностью репутации. Итак, на лицо построение ландшафтного дизайна сценария и создания иллюзии эмоциональной небезопасности за счет отсутствия контроля за происходящим [Психологические аспекты противодействия..., 2024]. Н. ощущает страх и отчаяние; думает, что теперь должна деньги, и поскольку доверенность оформлена на ее имя, у нее нет никаких доказательств непричастности. Созданы условия для идентификации Н. с фигурантом уголовного дела, риском нести финансовую и уголовную ответственность за действия Другого [Мешкова Н.В. и др., 2022] и ожиданием последующего предъявления обвинения, процедурным знанием которого Н. не владеет. Последовательная манипуляция эмоциональным возбуждением Н. делает ее эмоционально уязвимой и готовой к коммуникации. На первое место выходит страх оказаться правонарушителем.

На следующем этапе, продолжая поддерживать все уже созданные иллюзии и обращаясь к указанным выше эффектам, «сотрудник правоохранительных органов» манипулирует гражданской ответственностью Н. следующим сообщением: по данному факту проводится предварительное расследование, и, если она, действительно, не является сообщником описанного лица, должна помочь его поймать и

призвать к ответу, наказать. Будучи сознательной и имеющей ценности репутации, межличностной безопасности и ориентации на надежность, в этот момент Н. испытала огромную благодарность за то, что он ей доверяет и не обвиняет, не разобравшись. На фоне иллюзии единства Н. выражает полную готовность помочь следствию и тем самым снять с себя все подозрения. Мошенники приступили к созданию доверительных отношений. Соответственно, возникает необходимость изолировать Н. и минимизировать саму возможность противостояния влиянию со стороны жертвы [Button M. et al., 2024; Parti K. et al., 2023].

Со ссылкой на режим секретности и апеллированием к государственной власти поступает приказ удалить посторонних из помещения для продолжения разговора. В течение следующих 40 минут в ходе продолжения разговора наедине происходит когнитивная обработка эмоционально уязвленной Н. Имея высокий уровень сознательности и на фоне повышенной невротичности, жертва «добровольно» искренне дает ответы на заданные вопросы о:

- состоянии здоровья (ведь «родственник», беря кредиты по поддельной доверенности в банках г. Москвы, объяснял отсутствие Н. недомоганием);

- причинах того, каким образом подпись Н. могла оказаться у «родственника» (подпись могла оказаться в Интернете в открытом доступе в период пандемии, когда с применением ИКТ-технологий происходило подписание документов через вставку фото подписи).

Н. «послушно» выполняет требования привести прямые доказательства непричастности к данной доверенности, пытаясь найти аргументы. Следует обратить внимание на то, что во время разговора «сотрудник правоохранительных органов» искусно балансирует между акцентированием на угрозе безопасности Н. и демонстрацией понимания, оказания поддержки. Наконец, он «приходит к выводу», что Н. не является соучастницей описанного преступления. Становится резонансной ее ценность межличностной безопасности. У жертвы складывается портрет немногословного, логичного, радеющего за дело специалиста, производящего впечатление профессионального и неравнодушного человека. На этом коммуни-

кация с ним заканчивается. Напоследок для закрепления эффекта авторитета используется эффект подтверждения: мошенник диктует номер мнимого служебного удостоверения. Н., будучи незнакомой с действительной номенклатурой, пребывает в уверенности важности и реальности происходящего.

Далее на фоне достигнутого «сотрудничества» формулируется задача совместными усилиями разоблачить мошенническую группировку («родственник» – нотариус – сотрудник банка), без организованной деятельности которой взятие кредитов по поддельной доверенности «невозможно». Изначально представленная легенда преобразуется. Перед Н. ставится задача следовать указаниям мошенника. Это связано с тем, что на этапе манипуляции поведением Н. важно, удерживая жертву в эмоциональной зависимости, заставить ее выполнять инструкции для достижения цели.

Происходит смена ролей — в коммуникацию (без прерывания телефонного разговора) вступает «представитель Центрального банка РФ (ЦБ РФ)». При этом Н. не сомневалась в том, что в современных условиях цифрового общества возможно такое оперативное подключение работника из другой сферы — кредитно-финансовой. Для закрепления сложившегося впечатления сотрудник повторил уже сказанное «коллегой» из правоохранительных органов и назначил ведущего специалиста для оказания персональной помощи и постоянного сопровождения через чат в Telegram — фишинг. Далее «представитель» сказал, что Н. нужно взять паспорт и следовать дальнейшим инструкциям. Н. ответила, что паспорта у нее с собой нет. Тогда, ссылаясь на срочность и важность дела, он велел ей сходить домой за паспортом, особо отметив, что она не имеет права сообщать кому бы то ни было о «деле», поскольку оно имеет общественно-государственную значимость и подпадает под статью 310 УК РФ о конфиденциальности. В качестве подтверждения высылается мнимый документ «о неразглашении», оформленный якобы в ЦБ РФ. Итак, искаженная реальность сформирована, жертва изолирована и готова действовать.

Ведущий специалист «вел» Н. в течение трех дней с 08.00 до 20.00 посредством постоянного нахождения на связи: звонков и пере-

писки в Telegram. Каждый раз он сообщал о том, что обнаружена очередная заявка на кредит, в которой Н. фигурирует как заемщик, а «родственник» — как получатель (его мнимая фотография, якобы обнаруженная с помощью камеры одного из банкомата, была отправлена Н. для подтверждения реальности ведущейся оперативно-розыскной деятельности). В качестве подтверждения Н. высылались копии каждой кредитной заявки. Далее ведущий специалист давал Н. инструкцию: идти в банк и подавать «дублетную» заявку с целью аннулирования уже оформленной мнимым родственником. При этом Н. должна была внимательно следить за действиями сотрудников банка и незамедлительно сообщать ведущему специалисту о фактах отказа в кредитах, поскольку это якобы являлось признаком сговора банка с преступной группировкой, которую необходимо разоблачить. Признаки такого «сговора» обнаружили в ряде банков, которые отказали Н. в выдаче денежных средств.

Н., находясь в полном одиночестве, уже автоматически выполняла действия согласно предложенному мошенниками алгоритму. Во всех банках Н. общалась с операционистами. По указанию ведущего специалиста деньги просила выдавать наличными, сохраняя расходный кассовый ордер. Затем Н. шла в строго определенный банкомат и переводила деньги по указанным реквизитам — якобы в ЦБ РФ на «безопасный счет», сохраняя чеки и отправляя «куратору» копии. Мошенникам удалось убедить Н. в том, что перевод денег является гарантией ее безопасности. Каждый раз после такого перевода Н. получала копию справки с печатью ЦБ РФ, подтверждающей, что кредит погашен, и банку она ничего не должна. Стараясь все сделать правильно, Н. четко следовала всем инструкциям и искренне пыталась помочь следствию и самой себе. Напирая на безотлагательность и срочность, мошенник говорил, что действовать надо максимально быстро, и что ЦБ РФ гарантирует Н. безопасность только при условии соблюдения полной секретности и четкого следования его указаниям. Во время визитов в банки он требовал все время держать телефон включенным, слушал, давал инструкции, демонстрируя знания в области финансов.

Спустя некоторое время ситуацию стал параллельно контролировать еще один человек, представившийся майором юстиции, следователем. Разговоры с ним отличались обилием правоохранительной лексики.

На третий день в силу объективного психофизиологического истощения эмоциональное возбуждение Н. стало спадать. Ставший уже знакомым порядок действий не способствовал разрешению проблемы. На фоне продолжающейся неопределенности естественным образом накапливалась усталость. У Н. стали появляться вопросы. В ситуации опасного вызова активизировались потребности в осмыслении и рефлексии для объяснения происходящего и завершения напряженного кейса. Прежде всего, ей хотелось узнать, когда наступит финальная стадия предварительного расследования и невиновность Н. будет окончательно подтверждена. Ей отвечали, что пока продолжают поступать заявки на кредит, о прекращении оперативных действий не может быть и речи.

Утром четвертого дня подозрения Н. о ненормальности происходящего переросли в уверенность, и она решила обо всем рассказать отцу. Он настоял на подаче заявления в полицию, что Н. и сделала в тот же день. В полиции было заведено уголовное дело по факту мошенничества в особо крупных размерах.

Тем временем, мошенники продолжали звонить и запугивать Н. тем, что лишат ее гарантий безопасности, а также «аннулируют» и «заблокируют» счета. Несмотря на более критическое понимание происходящего, которое сформировалось у Н. к тому моменту, эти угрозы производили на нее сильное впечатление, и она начинала сомневаться в правильности своих действий. Преследование звонками и сообщениями продолжалось еще в течение 10 дней. Возможно, мошенники надеялись, вновь обрушив эмоциональную безопасность Н., завершить сценарий, т.к. она из него незапланированно «вышла».

В настоящее время аккаунт ведущего специалиста в Telegram имеет название «Удаленный аккаунт» (статус — «был давно»), аккаунт его «руководителя» — «АН» (статус — «был недавно»); аккаунт «майора юстиции» существует под тем же именем (статус — «был недавно»).

Следует отметить, что финансовые организации в течение трех дней выдавали кредиты на большие суммы без анализа кредитного потенциала и актуальной кредитной истории Н., которая до этого случая была чиста. По описанному факту мошенничества заведено уголовное дело, в котором Н. присвоен статус потерпевшей.

Обсуждение результатов

Находясь в панике, Н. объясняла происходящее искаженно — единственным представленным мошенниками образом и послушно следовала указаниям третьих лиц, передвигаясь по созданной «потемкинской деревне» (как называет манипуляцию Е.В. Сидоренко [Сидоренко Е.В., 2004]) нарушая собственную информационную и эмоциональную безопасность. Когнитивная обработка информации в тензионном состоянии, особенно у личности с высоким уровнем нейротизма, минимизирована: амигдала работает вне сознания человека, запуская в ситуации опасности эмоциональную реакцию на раздражитель в 10 раз быстрее, нежели происходит обработка информации в кортексе. Сильные нейрофизиологические импульсы, эмоциональная напряженность, поддерживаемые постоянной стрессогенной коммуникацией и принуждению быстро принимать решения, препятствовали осознанности и критичности Н.

Манипулируя выраженными доверчивостью и сознательностью личности Н., мошенники навязали Н. алгоритм действий [Atkins B., Huang W., 2013]: произвели эмоциональную атаку с последующей десубъективизацией и эксплуатацией за счет апеллирования к ценностям репутации, межличностной безопасности, ориентации на надежность. Ее поведение регулировали за счет предоставления дозированной информации, последовательного применения положительных и отрицательных форм подкрепления, авторитетных и настойчивых убеждений [Atkins B., Huang W., 2013]. Как результат — смоделированы перцептивные и когнитивные искажения, обусловленные стереотипами восприятия институтов власти, социальными и эмоциональными причинами, в т.ч. индивидуальными психоэмоциональными факторами личности Н., нанесен информа-

ционно-психологический вред качеству ее жизни [Заболоцкая А.В., Ткачева Е.Г., 2022].

Ограничениями данного исследования выступают: 1) представление единственного случая для анализа; 2) отсутствие в жанре case-study общепринятой структуры предъявления данных; 3) малая представленность психологического аспекта в статьях по проблеме социального мошенничества.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы:

1. Современное социальное мошенничество включает в себя проигрывание определенных сценариев (спуфинг) в ходе коммуникаций по телефону (вишинг), а также через отправку текстовых сообщений в различных мессенджерах (БМБ-мобинг). Дифференцируется по степени сложности подготовки и реализации. Негативно влияет на психологическое здоровье личности.

2. Применение технологий социальной инженерии требует составления профайлинга жертвы, который предусматривает учет не только возраста, но и личностных особенностей (выраженные нейротизм, доброжелательность, добросовестность, наивный оптимизм), систему ценностей личности (преобладание ценности безопасности). При этом роль внушаемости личности в ее виктимной склонности не определена.

3. Механизм манипулятивного воздействия состоит в обращении к стрессогенным факторам, которые усиливают эмоциональное возбуждение, формируют ощущение незащищенности и беспомощности, способствуют утрате контроля, снижению критичности и выбору дезадаптивного поведения за счет нахождения в иллюзии принятия быстрого решения. Ключевой мишенью манипулятивного воздействия кибермошенников является информационная безопасность, которая в ситуации психологического давления напрямую связана с личной безопасностью, затрагивает психоэмоциональные факторы, к которым в т.ч. относятся страх утраты, финансовые страхи, страх перед институтами власти.

4. Этапы мошеннической схемы предполагают:

а) информационную подготовку к коммуникации с потенциальной жертвой;

б) психологическую атаку с использованием манипулятивных скриптов для снижения эмоциональной безопасности;

в) формирование доверительных отношений путем эксплуатации «статуса», предоставления гарантий поддержки и помощи;

г) убеждение выполнить определенные действия и последующий контроль требуемых действий;

д) достижение цели и завершение коммуникаций с жертвой.

5. Феноменология поведения жертвы мошенников, злоупотребивших ее доверием, может быть описана с помощью case-study. Выявлена личностная предрасположенность жертвы к виктимному поведению. Повышенная невротичность и страх оказаться правонарушителем способствуют включению в «игру»: создаются условия для формирования иллюзии важности и действенности эффекта авторитета. Трехдневная коммуникация с мошенниками становится возможной из-за сознательности и добросовестности личности жертвы, ее ориентации на ценности репутации и межличностной безопасности, которые даже в ходе сильного эмоционального переживания, обусловленного высоким уровнем нейротизма, предопределяют виктимное поведение.

Манипуляция эмоциональной безопасностью жертвы с помощью создания иллюзии разрешения проблемы и поддержки может привести к финансовым потерям и способствовать последующему переживанию кризисного состояния.

Обращаем внимание на то, что задачи осуществлять экономический либо криминологический анализы произошедшего поставлено не было. Фокус внимания сосредоточен на том, каким образом произошла виктимизация Н., когда мошенники использовали в основном иллюзии важности, необходимости, срочности с преобладанием эмоциональной зависимости, эффекты авторитета и подтверждения, играя на потребности в безопасности и артикулируя ее ценностью.

Вышеуказанные выводы позволяют сформулировать следующие рекомендации по про-

филактике виктимного поведения жертвы мошенников:

1. Сформировать намерение в ходе принятия решения ориентироваться на ценности информационной и личностной безопасности, а также на принципы прагматизма, отвечая на вопрос: «Зачем я это делаю в этих условиях?»

2. В ситуации опасного вызова помнить о необходимости осмысления и рефлексии угрожающей информации, которые требуют стабилизации эмоционального напряжения, паузы и доверительной коммуникации с проверенным Другим.

3. Находясь в состоянии эмоциональной уязвимости, сфокусировать внимание на саморегуляции, а не на предлагаемой помощи посторонними.

4. Важно осваивать технологии психологической самопомощи, развивать осознанность и тренировать толерантность к дистрессу, в т.ч. в ходе манипулятивного воздействия.

5. Осуществить диагностику собственной личностной предрасположенности к виктимному поведению. Это можно сделать самостоятельно, но для более четкой и точной интерпретации психодиагностической информации необходимо обратиться к специалисту, с которым в целях выработки адекватного стиля реагирования на провокации можно составить концептуализацию проблемных аспектов психического, провести прикладной анализ поведения и разработать индивидуальные правила сохранения эмоциональной безопасности.

Полученные результаты способствуют расширению представлений об особенностях управления мошенниками личностью, способах достижения их личной выгоды в условиях формирования иллюзии у жертвы безальтернативной ситуации. С целью противодействия социальному мошенничеству, профилактики виктимного поведения становится значимым, помимо финансового и информационного просвещения, формировать у населения намерение осознавать систему отношений к себе, миру и Другому, ориентироваться на сопротивление деструктивному воздействию, поддерживать безопасные границы, развивать эмоциональную устойчивость и критичность за счет сдерживания рисков. Дальнейшие исследования в данном направлении призваны выделить

эмоциональные и поведенческие маркеры, которые позволят своевременно провести дифференциальную диагностику психического состояния и активности жертвы мошенников, уточнить прогноз социальных последствий для частной и общественной жизни, разработать и апробировать протокол по работе с эмоциональной безопасностью жертв социальных мошенников.

Благодарность

Автор выражает благодарность канд. психол. наук, доценту, доценту кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ М.В. Балевой за ценные советы и рекомендации при описании случая.

Gratitude

The author expresses her sincere gratitude to Milena V. Baleva – Candidate of Psychology, Docent, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology of Perm State University for her valuable advice and guidelines while describing the case.

Список литературы

- Ананьина К.П., Изофатова Д.А. Актуальные вопросы профилактики телефонного мошенничества // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы XXVI Межвуз. междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов, посвящ. 70-летию Красноярского ГАУ (Красноярск, 21–22 апреля 2022 г.) / отв. ред. Е.А. Ерахтина и др. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. аграр. ун-та, 2022. С. 217–219.
- Белоусова Е.А. Факторы информационно-психологического воздействия на личность в условиях цифрового развития общества // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 5(74). С. 436–441.
- Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 15–20.
- Габалова Е.Б., Тегетаева О.Р. Телефонные мошенничества: угроза для развития бизнеса // Modern Science. 2021. № 2–1. С. 128–130.
- Грязева Н.В., Некрасов А.П. Актуальные способы совершения мошенничеств с использованием средств сотовой связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 4(40). С. 33–42. DOI: <https://doi.org/10.37523/sui.2020.40.4.005>
- Заболоцкая А.В., Ткачева Е.Г. Психологическая безопасность личности в Интернете // Автономия личности. 2022. № 1(27). С. 91–97.
- Зотина Е.В. Предупреждение телефонного мошенничества в отношении граждан пожилого возраста // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 8, № 2(16). С. 19–25.
- Козина И.М., Серезжкина Е.В. Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 64–73.
- Кузьмин Ю.А. Предупреждение телефонного мошенничества (криминологический аспект) // Oeconomia et Jus. 2022. № 3. С. 47–54. DOI: <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2022-3-47-54>
- Ламинина О.Г. Возможности социальной инженерии в информационных технологиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. С. 21–23.
- Менщиков А.А., Федосенко М.Ю. Возможности применения методов социальной инженерии в организации телефонного мошенничества // Экономика и качество систем связи. 2021. № 4(22). С. 36–47.
- Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Ениколов С.Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2022. № 1. С. 138–157. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06>
- Михайлов А.С. Кейс-стади — исследовательская стратегия или мета-метод? // Экономика и социум. 2014. № 3–2(12). С. 543–551.
- Первушина О.Н., Федоров А.А. Личностные особенности жертв телефонного мошенничества // Вопросы психологии. 2022. Т. 68, № 3. С. 92–103.
- Психологические аспекты противодействия телефонному мошенничеству в финансовой сфере: метод. материалы / авт.-сост.: С.П. Баранцев, О.В. Медяник, Н.А. Низовских, О.А. Николаева / Упр. МВД РФ по Кировской области. Киров, 2024. 60 с.
- Рачева Н.В., Балеевских Ф.В., Котов В.В. Современные способы совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц с использованием интернет-ресурсов и технологий социальной инженерии // Юридическая наука. 2021. № 2. С. 101–105.
- Романов В.Г., Романова И.В. Социальное мошенничество «Covid-19» и манипулятивные технологии социальной инженерии // Вестник

Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 9. С. 57–67. DOI: <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2020-26-9-57-67>

Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В. Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете // Психология и право. 2015. Т. 5, № 4. С. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050407>

Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2004. 256 с.

Старостенко Н.И. Криминалистический аспект техник социальной инженерии при совершении преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1(47). С. 80–83.

Трахов А.И., Бешукова З.М. Предупреждение телефонного мошенничества: российский и зарубежный опыт // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 23 сентября 2022 г.): в 6 т. / под ред. И.Р. Бегишева и др. Казань: Познание, 2022. Т. 6. С. 357–361.

Шипулин Г.Ф. Способы совершения мошенничества, связанные с использованием мобильной связи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2–2(65). С. 186–189. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-2-2-186-189>

Ярославцева И.В., Дорохина С.А. Критическое мышление пожилых людей — жертв мошеннических действий: теоретический и прикладной аспекты исследования // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Т. 15. С. 60–71.

Aberdeen T. Yin, R.K. (2009). Case study research: Design and methods (4th ed.). Thousand Oaks, CA: Sage // The Canadian Journal of Action Research. 2013. Vol. 14, no. 1. P. 69–71. DOI: <https://doi.org/10.33524/cjar.v14i1.73>

Asri F.M., Mahamad T.E.T. Anatomy of Phone Scams: Victims' Recall on the Communication Phrases used by Phone Scammers // Proceedings of the International Conference on Communication and Media 2022 (i-COME 2022). Paris: Atlantis Press, 2023. P. 498–509. DOI: https://doi.org/10.2991/978-2-38476-098-5_43

Atkins B., Huang W. A study of social engineering in online frauds // Open Journal of Social Sciences. 2013. Vol. 1, no. 3. P. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.4236/jss.2013.13004>

Bidgoli M., Grossklags J. «Hello. This is the IRS calling»: A case study on scams, extortion, impersonation, and phone spoofing // 2017 APWG Sym-

posium on Electronic Crime Research (eCrime) (Phoenix, AZ, Apr. 25–27, 2017). Phoenix, AZ: IEEE, 2017. P. 57–69. DOI: <https://doi.org/10.1109/ecrime.2017.7945055>

Button M., Shepherd D., Hawkins C., Tapley J. Fear and phoning: Telephones, fraud, and older adults in the UK // International Review of Victimology. 2024. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/02697580241254399> (accessed: 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.1177/02697580241254399>

DeLiema M., Li Y., Mottola G. Correlates of responding to and becoming victimized by fraud: Examining risk factors by scam type // International Journal of Consumer Studies. 2023. Vol. 47, iss. 3. P. 1042–1059. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijcs.12886>

Eze O.J., Okpa J.T., Onyegebu Ch.D., Ajah B.O. Cybercrime: victims' shock absorption mechanisms // Malware: Detection and Defense / ed. by E. Babulak. London: IntechOpen, 2023. P. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.5772/intechopen.106818>

Ghani N.M., Bakar M.A.A., Rosli H. Cybercrime experience's impact on women's emotions: a case study in Penang // Malaysian Journal of Tropical Geography (MJTG). 2023. Vol. 49, no. 2. P. 48–67.

Lu H.Y., Chan S., Chai Wh., Lau S.M., Khader M. Examining the influence of emotional arousal and scam preventive messaging on susceptibility to scams // Crime Prevention and Community Safety. 2020. Vol. 22, iss. 4. P. 313–330. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41300-020-00098-3>

Maharjan A.A. Study of Scams and Frauds using Social Engineering in «The Kathmandu Valley» of Nepal: Master of Science in Technology Thesis / University of Turku. 2023, 69 p.

Parti K., Tahir F. «If We Don't Listen to Them, We Make Them Lose More than Money»: Exploring Reasons for Underreporting and the Needs of Older Scam Victims // Social Sciences. 2023. Vol. 12, iss. 5. URL: <https://www.mdpi.com/2076-0760/12/5/264/pdf?version=1683172510> (accessed: 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci12050264>

Pimentel A., Steinmetz K.F. Enacting social engineering: the emotional experience of information security deception // Crime, Law and Social Change. 2022. Vol. 77, iss. 3. P. 341–361. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10611-021-09993-8>

Wang J., Zhang L., Xu L., Qian X. The dynamic emotional experience of online fraud victims during the process of being defrauded: A text-based analysis // Journal of Criminal Justice. 2024. Vol. 94.

URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0047235224000801> (accessed: 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2024.102231>

Yoshioka T., Awai S., Ide K., Chikano M., Iwasaki S., Yoshino K., Konno T. Demo: Preventing Phone Fraud by Victim Training Using Personalized Feedback for Behavioral Change // MOBISYS '24: Proceedings of the 22nd Annual International Conference on Mobile Systems, Applications and Services. N.Y.: Association for Computing Machinery, 2024. P. 588–589. DOI: <https://doi.org/10.1145/3643832.3661833>

References

Aberdeen, T. (2013). Yin, R.K. (2009). Case study research: Design and methods (4th ed.). Thousand Oaks, CA: Sage. *The Canadian Journal of Action Research*. Vol. 14, no. 1, pp. 69–71. DOI: <https://doi.org/10.33524/cjar.v14i1.73>

Anan'ina, K.P. and Izofatova, D.A. (2022). [Topical issues of telephone fraud prevention]. *Zakon i obshchestvo: istoriya, problemy, perspektivy: materialy XXVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i aspirantov, posvyaschennoy 70-letiyu Krasnoyarskogo GAU (Krasnoyarsk, 21–22 aprelya 2022 g.)* [Law and Society: History, Problems, Prospects: Proceedings of the 26th Interuniversity International Scientific and Practical Conference of students and postgraduates dedicated to the 70th anniversary of the Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Apr. 21–22, 2022)]. Krasnoyarsk: KGAU Publ., pp. 217–219.

Asri, F.M. and Mahamad, T.E.T. (2023). Anatomy of phone scams: Victims' recall on the communication phrases used by Phone Scammers. *Proceedings of the International Conference on Communication and Media 2022 (i-COME 2022)*. Paris: Atlantis Press, pp. 498–509. DOI: https://doi.org/10.2991/978-2-38476-098-5_43

Atkins, B. and Huang, W. (2013). A study of social engineering in online frauds. *Open Journal of Social Sciences*. Vol. 1, no. 3, p. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.4236/jss.2013.13004>

Barantsev, S.P., Medyanik, O.V., Nizovskikh, N.A. and Nikolaeva, O.A. (eds.) (2024). *Psikhologicheskie aspekty protivodeystviya telefonnomu moshennichestvu v finansovoy sfere: metodicheskie materialy* [Psychological aspects of countering telephone fraud in the financial sphere: methodological materials]. Dep. of the Ministry of Internal Affairs of the RF for the Kirov Region. Kirov, 60 p.

Belousova, E.A. (2024). [Factors of information and psychological impact on personality in the context of digital development of society]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science]. Vol. 4, no. 5(74), pp. 436–441.

Bidgoli, M. and Grossklags, J. (2017). «Hello. This is the IRS calling»: A case study on scams, extortion, impersonation, and phone spoofing. *2017 APWG Symposium on Electronic Crime Research (eCrime) (Phoenix, AZ, Apr. 25–27, 2017)*. Phoenix, AZ: IEEE Publ., pp. 57–69. DOI: <https://doi.org/10.1109/ecrime.2017.7945055>

Bogdanov, A.V., Il'inskiy, I.I. and Khazov, E.N. (2020). [Cybercrime and remote fraud as one of the threats to modern society]. *Kriminologicheskii zhurnal* [Criminological Journal]. No. 1, pp. 15–20.

Button, M., Shepherd, D., Hawkins, C. and Tapley, J. (2024). Fear and phoning: Telephones, fraud, and older adults in the UK. *International Review of Victimology*. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/02697580241254399> (accessed 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.1177/02697580241254399>

DeLiema, M., Li, Y. and Mottola, G. (2023). Correlates of responding to and becoming victimized by fraud: Examining risk factors by scam type. *International Journal of Consumer Studies*. Vol. 47, iss. 3, pp. 1042–1059. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijcs.12886>

Eze, O.J., Okpa, J.T., Onyejebu, Ch.D. and Ajah, B.O. (2023). *Cybercrime: victims' shock absorption mechanisms*. E. Babulak (ed.) *Malware: Detection and Defense*. London: IntechOpen Publ., pp. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.5772/intechopen.106818>

Gabalova, E.B. and Tegetaeva, O.R. (2021). [Telephone fraud: a threat to business development]. *Modern Science*. No. 2–1, pp. 128–130.

Ghani, N.M., Bakar, M.A.A. and Rosli, H. (2023). Cybercrime experience's impact on women's emotions: a case study in Penang. *Malaysian Journal of Tropical Geography (MJTG)*. Vol. 49, no. 2, pp. 48–67.

Gryazeva, N.V. and Nekrasov, A.P. (2020). [Actual ways to improve fraud using cellular communications in institutions of the penal system]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute]. No. 4(40), pp. 33–42. DOI: <https://doi.org/10.37523/sui.2020.40.4.005>

Kozina, I.M. and Tserezhkina, E.V. (2015). [The concept of a case study in the social sciences and the French tradition of monographic research of labor organizations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 1, pp. 64–73.

- Kuz'min, Yu.A. (2022). [Prevention of telephone fraud (criminological aspect)]. *Oeconomia et Jus* [Economics and Law]. No. 3, pp. 47–54. DOI: <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2022-3-47-54>
- Laminina, O.G. (2017). [Possibilities of social engineering in information technologies]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obschestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences]. No. 2, pp. 21–23.
- Lu, H.Y., Chan, S., Chai, Wh., Lau, S.M. and Khader, M. (2020). Examining the influence of emotional arousal and scam preventive messaging on susceptibility to scams. *Crime Prevention and Community Safety*. Vol. 22, iss. 4, pp. 313–330. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41300-020-00098-3>
- Maharjan, A. (2023). *A study of scams and frauds using social engineering in «The Kathmandu valley» of Nepal: Master of Science in Technology Thesis*. University of Turku, 69 p.
- Menschikov, A.A. and Fedosenko, M.Yu. (2021). [The possibilities of using social engineering methods in the organization of telephone fraud]. *Ekonomika i kachestvo sistem svyazi* [Economics and Quality of Communication Systems]. No. 4(22), pp. 36–47.
- Meshkova, N.V., Kudryavtsev, V.T. and Enikolopov, S.N. (2022). [On the psychological portrait of a telephone fraud character]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 1, pp. 138–157. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06>
- Mikhaylov, A.S. (2014). [Is the case study a research strategy or a meta-method?]. *Ekonomika i sotsium* [Economy and Society]. No. 3–2(12), pp. 543–551.
- Parti, K. and Tahir, F. (2023). «If we don't listen to them, we make them lose more than money»: Exploring reasons for underreporting and the needs of older scam victims. *Social Sciences*. Vol. 12, iss. 5. Available at: <https://www.mdpi.com/2076-0760/12/5/264/pdf?version=1683172510> (accessed 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci12050264>
- Pervushina, O.N. and Fedorov, A.A. (2022). [Personal characteristics of a telephone fraud person]. *Vo-prosy psikhologii*. Vol. 68, no. 3, pp. 92–103.
- Pimentel, A. and Steinmetz, K.F. (2022). Enacting social engineering: the emotional experience of information security deception. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 77, iss. 3, pp. 341–361. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10611-021-09993-8>
- Racheva, N.V., Baleevskikh, F.V. and Kottov, V.V. (2021). [Modern possibilities of improving fraud against the property of individuals using Internet resources and social engineering technologies]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science]. No. 2, pp. 101–105.
- Romanov, V.G. and Romanova, I.V. (2020). [Social fraud «Covid-19» and manipulative technologies of social engineering]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Transbaikalian State University Journal]. Vol. 26, no. 9, pp. 57–67. DOI: <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2020-26-9-57-67>
- Safuanov, F.S. and Dokuchaeva, N.V. (2015). [Personality characteristics of victims of unlawful attacks on the Internet]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. Vol. 5, no. 4, pp. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050407>
- Shipulin, G.F. (2022). [Ways to improve fraud related to the use of mobile communications]. *Mezhdunarodnyy zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. No. 2–2(65), pp. 186–189. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-2-2-186-189>
- Sidorenko, E.V. (2004). *Trening vliyaniya i protivostoyaniya vliyaniyu* [Training influences and counteraction to influence]. St. Petersburg: Rech' Publ., 256 p.
- Starostenko, N.I. (2020). [The criminalistic aspect of social engineering techniques in the commission of crimes]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA]. No. 1(47), pp. 80–83.
- Trakhov, A.I. and Beshukova, Z.M. (2022). [Prevention of telephone fraud: Russian and foreign experience]. *Tsifrovye tekhnologii i pravo: sbornik nauchnykh trudov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kazan', 23 sentyabrya 2022 g.): v 6 t.* [Digital Technologies and Law: a Collection of Scientific Papers and an International Scientific and Practical Conference (Kazan, Sep. 23, 2022): in 6 vols]. Kazan: Poznanie Publ., vol. 6, pp. 357–361.
- Wang, J., Zhang, L., Xu, L. and Qian, X. (2024). The dynamic emotional experience of online fraud victims during the process of being defrauded: A text-based analysis. *Journal of Criminal Justice*. Vol. 94. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0047235224000801> (accessed: 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2024.102231>
- Yaroslavtseva, I.V. and Dorokhina, S.A. (2016). [Critical thinking of poor people — a victim of fraudulent actions: theoretical and applied aspects of the study]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Proceedings of

Irkutsk State University. Series: Psychology]. Vol. 15, pp. 60–71.

Yoshioka, T., Awai, S., Ide, K., Chikano, M., Iwasaki, S., Yoshino, K. and Konno, T. (2024). Demo: Preventing phone fraud by victim training using personalized feedback for behavioral change. *MOBISYS '24: Proceedings of the 22nd Annual International Conference on Mobile Systems, Applications and Services*. New York: Association for Computing Machinery Publ., pp. 588–589. DOI: <https://doi.org/10.1145/3643832.3661833>

Zabolotskaya, A.V. and Tkacheva, E.G. (2022). [Psychological security of personality on the Internet]. *Avtonomiya lichnosti* [The Autonomy of Personality]. No. 1(27), pp. 91–97.

Zotina, E.V. (2023). [Telephone fraud against elderly citizens]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA Russia]. Vol. 8, no. 2(16), pp. 19–25.

Об авторе

Игнатова Екатерина Сергеевна

кандидат психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общей и клинической
психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: 131013@mail.ru
ResearcherID: O-1306-2016

About the author

Ekaterina S. Ignatova

Candidate of Psychology, Docent,
Head of the Department
of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: 131013@mail.ru
ResearcherID: O-1306-2016

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111:316.42

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-391-401>

EDN: VKOJCU

Поступила: 01.12.2023

Принята: 25.05.2024

Опубликована: 03.10.2024

БОРЬБА ЗА БЫТИЕ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Огородников Александр Юрьевич**Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (Москва)**Руппель Елена Юрьевна**Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (Омск)*

Цель статьи — эксплицировать понятие «бытие» в символической реальности, проследить причины существенного роста интереса к языку, коммуникативному пространству в современной философии, показать, что символ не только выступает средством коммуникации, но и является необходимой составляющей творческого отношения человека к реальности. Основные сомнения в бытии теперь сконцентрированы не в познавательной субъект-объектной системе и даже не в феноменах сознания, а в релевантности символической реконструкции реальности, функциональной соотносимости символа-образа-вещи. В философии XX в. символическая система становится основным полем знания о бытии, о вещах. Сознание и внешний мир все чаще рассматриваются лишь как результат описания. Логика языка на несколько десятилетий становится основной, но шаткой опорой в поиске объективного средства познания. Если рассматривать символическую систему только как средство коммуникации, то упускается ее главная функция — живая связь с бытием, реконструкция его целостного образа, недоступная эмпирическому опыту. Язык — это не только описание, понимание, но и конструирование, творческая мысль. Цель его — использование — не может сводиться к поддержанию коммуникативного пространства. Он закладывает вектор творческого преобразования реальности. В концептах вещей заложено представление об их потенциале, нераскрытых свойствах, недоступных эмпирическому восприятию, но познаваемых через именование, определение и воплощение. В работе приводятся три примера, в которых чувства подлинности бытия и связи с ним выводятся не из рационально-логического познания и символического обмена, а через творческое отношение, воплощение мысли о заложенном в вещи потенциале в реальность: в процессе создания вещи по собственному проекту; в соборном воспроизводстве народной культуры, привязанном к повседневности; в воспитании личности в соответствии с предоставлением о должном для личности, учении об идеале. В этих примерах подлинность бытия обнаруживается на основе отклика в сознании от дискурсивно определяемых воплощенных результатов творчества.

Ключевые слова: символическое пространство, логика языка, языковые игры, бытие, творчество, подлинность бытия, современная философия, философия имени.

Для цитирования:

Огородников А.Ю., Руппель Е.Ю. Борьба за бытие в символической реальности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 391–401. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-391-401>.
EDN: VKOJCU

THE STRUGGLE FOR BEING IN SYMBOLIC REALITY

Aleksander Yu. Ogorodnikov

Kutafin Moscow State Law University (Moscow)

Elena Yu. Ruppel

Siberian State Automobile and Highway University (Omsk)

The purpose of the article is to explicate the concept of «being» in symbolic reality, to trace the reasons for the significant growth of interest in language, communicative space in modern philosophy, to show that the symbol not only acts as a means of communication but is the basis of a person's creative attitude to reality. The authenticity of presence in being does not follow from cognitive subject-object relations to things, but from the embodiment of a symbolic image formed in consciousness and discursively shared with others. In the philosophy of the 20th century, the symbolic system becomes the main field of knowledge about being, about things. Consciousness and the external world are increasingly viewed only as a result of description. The logic of language remains the only support in the search for an objective means of cognition. If we consider the symbolic system only as a means of communication, then its main function is missed — a living connection with being. Language is not only a description, an understanding but also construction, creative thinking. The definitions of things contain the idea of their potential, undisclosed properties, inaccessible to empirical perception, but cognizable through naming, definition. The paper gives three examples in which the feelings of authenticity of being and connection with it are derived not from rational and logical cognition, but through a creative attitude, the embodiment of the idea of the potential inherent in things: in the process of creating things according to their own project; in the collective reproduction of folk culture, tied to everyday life; in the education of the individual corresponding to the idea about the proper, ideal person. In these examples, the authenticity of being is revealed based on the response in consciousness from the discursively determined results of creativity.

Keywords: symbolic space, logic of language, language games, being, creativity, authenticity of being, modern philosophy, philosophy of name.

To cite:

Ogorodnikov A.Yu., Ruppel E.Yu. [The struggle for being in symbolic reality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 391–401 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-391-401>. EDN: VKOJCU

Введение

Греческая философия открыла понятие «бытие» и его возможности как элемента нашего сознания. Мир стал целостным, закономерным, предсказуемым. Христианство указало на становление бытия, на развитие как раскрытие сущности предметов. Проектирование развития стало делом философов, богословов, ученых. Наибольшего пафоса идея бытия достигла в концепте прогресса, стремящегося подчинить бытие, приручить его для создания оптимальной жизненной среды человека, в которой все упорядочено, прогнозируемо, служит желаниям разума. Но

уже в XVIII в. многим философам (Дж. Беркли, Д. Юм, И. Кант и др.) становится понятно, что «приручить» бытие невозможно. Либо оно живет по своим, неведомым нам законам, либо его не существует. Сомнения в возможности управлять бытием и построить закономерный планируемый мир разрослись в масштабах всего человечества после катастроф XX в.

В философии начался период болезненных поисков возможностей найти или защитить бытие. Пусть и неосознанно, в этот процесс вовлечены С. Кьеркегор, Ф.М. Достоевский, Ф. Ницше, В.С. Соловьев. Вдохновленные Кантом, бытие искали вначале в нравственном за-

коне, в воле и созидательной силе человека. Нравственность, право, государство, религия стали маяками подлинности бытия, его формами, в которых философ обретал гарантию актуальности его мыслей, общего понимания объективности, логики существования мира. Незаметно фокус познания бытия переместился из внешнего мира в абстрактную сферу сознания, в сферу господства субъекта. Чтобы уйти от давления столь рационального и тотально логического понимания бытия, достигшего апогея у Г.Ф. Гегеля, философы обратили внимание на красоту как критерий подлинного, объективно бытийствующего. Они переместили поиск объединяющего начала в понимании мира с логики его устройства на переживание его совершенствования и на стремление к прекрасному. Первыми эти идеи обосновано сформулировали Ф. Шеллинг, Ф. Шиллер, Ф. Гельдерлин и др.

Дух романтизма XIX в. не дал возможности разрешить противоречие между стремлением к совершенным, красивым идеям, к прекрасному и борьбой в социальном бытии, конфликтами, жестокостью человека. Желание власти над природой, другими, над Духом, поддерживаемое позитивизмом в философии, технологиями в науке и империями в социуме возобладавало. «Бытие» как концепт стало определяется через призму научно-технологического видения, материализма, воли к власти.

Ожидания не оправдались, и ужас от Первой мировой войны, крушения империй, переустройства мира, буйства техники заставил отказаться от представления о грубом, материальном, но управляемом разумом бытии. Возникло отторжение от реальности, захотелось скрыться от такого мира, в котором воля и разум ведут к трагедии. Скрыться не удалось, проблема бытия осталась. Но теперь оно уже не представлялось как потенциал совершенного, прекрасного или как возможность проявить силу и величие разума. Мысль стала более осторожной, теперь она меньше доверяет себе, важен стал дискурс и построение коммуникативного пространства. Отказ от материальной основы бытия перевел фокус внимания на ее противоположность, на символическое пространство бытия. Символическая система, и в первую очередь язык как основа сознания, становится главной, а может, и единственной реальностью, доступной для рефлексии разумом:

«Язык есть просветляюще-утаивающее явление самого Бытия» [Хайдеггер М., 1988, с. 324].

Трансформация действительности в символическую реальность

В разных странах, философских направлениях в первой четверти XX в. появляется тяга к изучению языка как главной или единственной связи с бытием, гарантии реальности мира. В России П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев занимались проблемой имени как проявлением Духа, и проблемой символа как связи сознания с Божественным бытием. П.А. Флоренский указывал на объективность смысла и энергии в имени, через которое человек касается сущности вещи: «Человечество, всегда и везде утверждая имена в качестве субстанциальных сил или силовых субстанций или энергий, имело же за собою подлинный опыт веков и народов, вылившийся в вышеуказанной форме» [Флоренский П.А., 1998, с. 196]. Символы в его философии выводятся на первый план познания, они «суть органы нашего общения с реальностью. Ими и посредством их мы соприкасаемся с тем, что было отрезано до тех пор от нашего сознания» (Флоренский П.А., цит. по [Нижников С.А., 2011, с. 68]). Мы считаем, что такое смешение понятий «символ» и «имя» расшатывает онтологический статус последнего. Имя проявляет в себе гораздо большую реальность, чем смысл понятия. Оно гораздо масштабнее коммуникативной формы. В нем проявляются связи бытия.

Для С.Н. Булгакова понятие не является чистым символом, элементом коммуникации, а всегда несет в себе конструирующий смысл. В «Философии Имени» он раскрывает природу слова через проявление Логоса, Божественной идеи о мире. В слове кристаллизуется творящая мир энергия, космос говорит с нами, открывает себя нам в слове: «Слова-идеи суть голоса мира, звучание вселенной, ее идеация <...> в словах содержится энергия мира, словотворчество есть процесс субъективный, индивидуальный, психологический только по форме существования, по существу же он космичен» [Булгаков С.Н., 1953, с. 25]. А.Ф. Лосев отождествляет слово с сознанием как высшей духовной способности человека, проникающей в сущность вещей за их материальную оболочку: «Слово — орудие деятельности духа... путем этой деятельности дух облекает свое неподвиж-

ное природное бытие живым и подвижным лицом и образом» [Лосев А.Ф., 1997, с. 97]. В его подходе только через имя познается действительность, мир структурируется, осваивается: «Имя <...> открывает вещь, рисует вещь, определяет вещь» [Лосев А.Ф., 1997, с. 191]. Обе эти концепции имеют логическую уязвимость. В них слово или символ сам по себе является бытием, несет созидательную энергию. Но символ требует интерпретатора, который вкладывает свое субъективное декодирование смысловой конструкции, возможно искажающее бытийные свойства обозначаемого предмета.

В Западной Европе одни из первых Б. Рассел и Л. Витгенштейн пересмотрели логику языка, положив ее в основу не только познания, но и структуры самого бытия, по крайней мере, того, как мы ее можем осознать: «Изображать в языке нечто “противоречащее логике” столь же невозможно, как и изображать в пространственных координатах фигуру, противоречащую законам пространства, или же указывать координаты несуществующей точки» [Витгенштейн Л., 1994, с. 10–11]. В языке очерчиваются границы познания; борясь с языком, человек пытается раздвинуть эти границы. Э. Кассирер в основу познания и существования человека закладывал символическую систему как новый универсум, в котором живет человек. В США Ч. Пирс развил представление о знаке как критерии истины, соответствии его реальности, представляющей нам как основа практической деятельности. В этих теориях была сделана попытка объективизировать процесс интерпретации символа через успех коммуникации или прагматику использования понятий. Но онтологическая опора здесь была заменена пространством языка, его рефлексией, требованиями.

В социальной теории проблема символа, знака, языка в середине XX в. также выходит на первый план. Например, П. Бурдьё символическое пространство рассматривает как основной упорядочивающий общество фактор, классифицирующий практики, ресурсы в социальные поля. Субъекты социальных отношений находятся в состоянии постоянной борьбы за изменение категорий восприятия и оценивания социального мира. Побеждающий в этой борьбе завоевывает авторитет. П. Бергер видел основной скрепой общества символический универсум, образующий общие представления о про-

екте социальной реальности и индивидуальных мотивациях, направленности социального участия. Н. Луман проследил механизм генезиса и функционирования смыслов в самоорганизующихся социальных системах, установил роль смыслов в процессе самоидентификации. Любая система, по мнению Н. Лумана, может существовать и развиваться только в том случае, если в ней сформированы механизмы отбора, обработки и рефлексирования информации. Смысл определяет практически, какие схемы получения и переработки информации оправданы с точки зрения возможностей для трансформации системы. Чтобы восприятие смысла имело своим результатом действие или внутреннее изменение системы, по Луману, должно быть «понимание» — особая форма приращения смысла, в которой «переживание смысла или осмысленное действие проецируются на иные системы с собственным различием “система/окружающий мир”» [Луман Н., 2007, с. 114]. Онтологическая опора в этих теориях уступила место социальной.

Философия постмодернизма восприняла тотальность символической реальности как шанс реконструировать сознание своих приверженцев. Ж. Делез рассматривает представления о «реальности» как концепты, в которых фокусируются свойства, приписываемые предметам. Теперь реальность состоит не из предметов с объективно присущими характеристиками, а как бы из искусственно интеллектуально созданных «предметов»-концептов, жизнеспособных в отдельной мысленно созданной среде, в системе координат философа. Концепт события, его существование условно, привязано к времени сообщения о нем. Ж. Лиотар указывает, что легитимность знания рождается в языковых играх, о которых в контексте логики коммуникации говорил Л. Витгенштейн. Наше представление о мире рождается в «узлах линий коммуникаций» [Лиотар Ж., 1998, с. 45]. Имя является той первичной реальностью, которая создает социальные структуры, доказывает реальность любых предметов. Победа в «языковой игре» означает утверждение способа и ситуации использования слов и их смыслов, тем самым закрепляется понимание реальности, нужной коммуникатору. Ж. Деррида переводит философский дискурс на уровень понятий, письма, борьбы за понимание терминов. Даже

базовые представления о мире, например, об отце, о матери, об организме, являются лишь языковыми формами, посредством рационализации внедренные в сознание: «Та рациональность, которая управляет письмом в его расширенном и углубленном понимании, уже не исходит из логоса; она начинает работу деструкции: не развал, но подрыв, де-конструкцию всех тех значений, источником которых был логос» [Деррида Ж., 2000, с. 124]. П. Рикер сделал попытку собрать человека заново, вернуть ему целостность, единый образ, преодолеть противоречия социальной роли, самосознания, восприятия других, индивидуальной воли и политико-правового давления. Решить эту задачу он попытался через структурирование языка как системы символов: «Рикеровская версия герменевтики направлена на интерпретацию человеческих творений как символически-опосредованных устремлений» [Медведев Н.В., 2012, с. 253]. Даже время и пространство нами мыслится как описание, т.е. включено в нарратив, в котором актуализируется «временной опыт» [Рикер П., 1998, с. 11]. Обусловленность реальности языком как средством описания почти полностью разрывает связь сознания и бытия. В этих подходах мир символов и коммуникации — это все, о чем мы можем мыслить как о предмете. Но тогда и само сознание становится концептом, а мысли — только нарративом. Бытийной основы в них нет. Ряд современных философов, например, Джон Серл, обратили внимание на опасность подмены сознания функцией коммуникации [Searle J.R., 2002, p. 18–20].

Таким образом, символическая реальность стала главным полем борьбы за человека, либо за его целостность и представление о единстве мира, либо за интенциональность личности, влекомой описанием, приятным словом, самоутверждением в дискурсе. В неклассической философии часто утверждается первичная хаотичность, неупорядоченность и бессмысленность бытия. Здесь язык — доступное познанию поле бытия, его представление нам. Онтологическое решение проблемы, на наш взгляд, заключено в понимании символической реальности как духовной творческой основы бытия, а языка — как способа его познания и творчества.

Поиск подлинности в символическом пространстве

Замена бытия эмпирического бытием символическим оказалась не так комфортна для сознания, как это предполагали философы в конце XX в. Мир символов настолько глубоко затрагивает наш внутренний мир, что его противоречия, влияние извне, манипуляции другими существенно острее отражаются на состоянии души, самоосмыслении, психической гармонии, чем противоречия внешнего мира. В романе Л.Н. Толстого «Война и мир», когда Пьер Безухов оказался в плену у французов, он понял, что зависимо от них только его тело. Душа свободна, мысль независима. Здесь обнаруживается мысль, сказанная в Евангелие: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф. 10:28). Образ бытия в сознании независим от языковых игр или полей коммуникации.

Когда символическая реальность становится основой, гарантом подлинности бытия и за нее разворачивается борьба, даже самосознание попадает в зависимость от трансформаций символов, от субъектов, конструирующих слова и смыслы. Раньше преграда эмпирического защищала самосознание, внутренний мир, личную мысль, внутреннее Я. Тотальное символическое пространство проникает за эту преграду, разделяющую внутренний и внешний мир. Сегодня человек привыкает к перманентному потоку смыслов, захватывающих внимание, стимулирующих интерес. Остальное пространство бледнеет перед ними, теряет привлекательность, значимость. В результате чувство целостности и осязаемости мира теряется. Представим местность в сумерках, где есть поселки, поля, лесные участки и множество дорог. Дороги ярко освещены. Человек, идущий по одной из них, видит только дорогу, яркий свет не дает ему рассмотреть, что лежит за пределом дороги. Куда бы он ни пошел, уверенность в пространстве, четкая ориентация у него будет только на одной из этих дорог. Сами поселки, места, куда можно пойти, почти не видны. Аналогично, когда индивид участвует в распространении цифровой экономики, в маркетинговой деятельности, погружен ли он в мир новостей и социальных сетей, в потоки информации о его профессии, он видит коммуникацию, вовлечен в процесс аккумуляции и

передачи информации. Результат этой деятельности, ее цель, и тем более онтологические основания для него остаются в тени процесса. Реальность распадается на фрагменты, где дискурсивно осмысливается какой-либо вопрос, позиция. Фрагментированность коммуникативной реальности проникает и в сознание. Релятивизм образов бытия в сознании ставит под сомнение возможность наличия сущности у вещи, объективность присутствия предметов.

Узкий коммуникативно-утилитарный подход к символу, захвативший сознание философов с середины XX в., ранее был чужд мыслителям. Напротив, как было показано в первой части статьи, преобладало понимание, что имя, слово направляет сознание человека к сущности вещи. В этом проявляется творческая способность в символе воссоздавать реальность в ее целостности: «Бог говорит Адаму: “будь, Адам, творцом имен, коль скоро ты не можешь быть творцом самых тварей... Мы делим с тобой славу творческой премудрости. Пусть познают Меня, как Зиждителя по закону естества, тебя же, как владыку по смыслу именованию. Давай имена тем, кому Я дал бытие”» (Василий Селевкийский, цит. по [Митрополит Иларион (Алфеев), 1991, с. 47]). В имени реконструируется образ предмета, смысл его присутствия для субъекта. Имя, понятие символизируют весь предмет, включая его в целое, находя ему место в бытии. Еще у Аристотеля понятие соотносится с топосом, речевой ситуацией, в которой оно используется. Так, использование символа не нарушает, а восстанавливает целостное представление о бытии в сознании.

Современное символическое пространство теряет связь с бытием, с сущностными свойствами, даже с феноменами. Оно имитирует бытие, создает кажущуюся реальность, где человек может на короткое время почувствовать себя независимым творцом, способным создать все, что угодно, но результат будет виртуален и удовлетворения не принесет. Символ возникает в сознании человека при восприятии вещи, обнаружения ее бытия как связи с самой собой. Кажется, что достоверность бытия вещи основана на реакции познающего. Но иллюзия растворяется, когда становится понятно, что в сознании не отражается сама вещь, а ее имя или онтологический образ, в котором символично заключено то существенное, что значимо для

меня или для создателя символа. Поэтому символ не сводим к операционализации эмпирического опыта. Хотя в ряде случаев он может пониматься как сконструированный для-другого образ, фокусирующий внимание не на воспринимаемых свойствах, а на значимости бытийного присутствия вещи. Например, говоря о государстве, мы указываем не на эмпирические свойства, не на вещь непосредственно, а на символическую реальность, например, на структуру авторитетов, влияющих на сознание, ассоциирующихся с легитимным способом властного воздействия. Включая в дискурс понятие «государство», мы уже говорим о его онтологической важности, определяющей онтологический статус власти, характера управления.

Считаем, что возврат к целостности видения бытия и придание бытийствования символической реальности осуществляется через восстановление значимости образа как «якоря» бытия в сознании, соотнесение понятий с конкретными эмпирически воспринимаемыми вещами, объединенными творческим процессом поиска их существенных свойств в конкретной для субъекта ситуации, но в целостной среде. Тогда мир снова зазвучит для человека. Взаимодействие с цифровой реальностью, искусственным интеллектом заключается в управлении алгоритмом, передаче команд, запускающих цепь логических операций. Получение смыслов из такой среды не связано с именем, с бытием какой-либо вещи. Цифровая символическая реальность отвечает логико-механически, имитирует коммуникацию или творчество, даже если «рисует» картину или «сочиняет» музыку. Искусственный интеллект опирается на «алгоритмы, разработанные с целью анализа и понимания данных из уже существующего набора» [Moruzzi C., 2021, p. 14], использует модели, которые «могут предсказывать связанные с ними характеристики и генерировать новые данные, аналогичные тем, которые предоставляет обучающий набор» [Moruzzi C., 2021, p. 14]. Творчества здесь нет, как нет в таком взаимодействии реализации потребности в субъектном отношении к бытию, нет чувства присутствия в нем. Когда же внимание субъекта возвращается к со-присутствующей вещи, то возможность ее назвать и одновременно почувствовать общность бытия с ней восстанавливает в человеке творческую уверенность, субъек-

ектное достоинство личности, способность обозначать, различать и осмысливать бытие: «Событие есть внутренне мерцающая область, в которой соприкасаются человек и бытие в своей сущности и достигают своей сущностной природы <...> материал для самосозидания этого парящего строения мышление берет из языка <...> наша сущность обособилась (veraignet) в языке, мы обитаем в Событии» [Хайдеггер М., 1991, с. 77].

Чувство подлинности воспринимаемого бытия усиливается в реализации возможности воплотить символический образ в эмпирическом пространстве, в вещи, сконструировать средудля-себя в творческой интенции. Удостоверение в подобии символического образа и эмпирического результата придает смысл символу как началу творчества и как элементу, связующему сознание и бытия, когда «мы схватываем прозрение взаимоотношенности человека и бытия» [Хайдеггер М., 1991, с. 78]. Прежде, чем раскрыть данную мысль, приведем три примера.

Первый пример. Когда человек создает какое-либо изделие по собственному проекту, он видит, как идеальная модель воплощается в эмпирическую реальность. Символ предмета, возможность его описать, объяснить важность создания в конкретной ситуации ведут к эмпирическому удостоверению возможности связи символа и преобразуемой действительности, т.е. обуславливают общность бытия символа в сознании и внешней реальности. Изделием может быть как произведение искусства, так и любые сложные артефакты, например, дом, ландшафтный дизайн, техническое изобретение. Важно, чтобы это была не копия, а вещь, созданная на основе индивидуального проекта, собственной идеи. В этом делании человек преобразует бытие, управляет им, чувствует не отчужденность, а связь с миром, выполняя свою главную задачу: «И да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею» (Быт.1:26).

Второй пример. Приобщение индивида к действиям по воспроизводству народной культуры позволяет ему, взяв извне состояние и особое традиционное проживание постоянства реальности, почувствовать в соборном единстве общее состояние, источником которого являются не формальные социальные смыслы,

социальные роли, а повседневная жизненная коммуникация, обычаи и обряды, соответствующие внутренним состояниям человека. Такому действию «присущи органичная взаимосвязь всех явлений, естественное вытекание одного из другого» [Белов В.И., 2013, с. 490]. Личность не только воспринимает внешнюю красоту, но и участвует в ее созидании и коллективном проживании, сохраняя свою индивидуальность, видит, что «каждая личность по своему талантлива, иными словами, своеобразна» [Белов В.И., 2013, с. 491].

Третий пример связан с воспитанием человека. Процесс воспитания требует очень точного использования символов разного рода, от языка и изображений до различных материальных предметов. Он исходит из представления о должном для личности, из образа, какой она должна стать: «Извне навязанное должно через воспитание стать внутренне необходимым» [Зеньковский В.В., 1934, с. 35–36]. Но в отличие от первых двух примеров, здесь появляется проблема Другого. Воспитуемый не станет точно таким, каким его видит воспитатель. Даже ребенок, био-социо-духовно связанный с родителями, получивший от них хорошее воспитание, не будет точно соответствовать видению его родных. Отклонения могут быть очень существенны, что, однако, не говорит о плохом воспитании. В любом коммуникативном процессе реципиент остается свободным в восприятии информации (за редкими исключениями гипноза, манипулирования). В этом примере коммуникация наиболее комплексная, постоянная и естественная, хотя и культурно детерминирована. Восприятие Другого как инаковость бытия с иными смыслами делает символическое пространство многомерным, динамичным, интересным. Появляется интрига в векторе генезиса нового символического пространства другой личности. В первом примере творчества с Другим не было, во втором оно было ситуативным и спонтанным, здесь оно постоянно и целенаправленно. В таком частично непредсказуемом созидании чувство подлинности бытия также становится постоянным.

Эти примеры показывают, что смыслы, кристаллизованные в символах и воплощаемые в бытии, высвобождают духовный потенциал. Действующий субъект открывает для себя «экзистенциальную независимость от органиче-

ского, свободу, отрешенность от принуждения и давления» [Шелер М., 1988, с. 53]. В творчески создаваемых образах человек способен «определить собственное физиологическое и психическое состояние и даже каждое отдельное психическое переживание» [Шелер М., 1988, с. 56]. Тем самым индивид чувствует свою независимость не только от внешнего, но и от внутреннего бытия. В трех приведенных примерах достоверность бытия утверждалась на основе его рефлексии и последующей реконструкции. Человек способен быть не согласным с бытием и свое несогласие может выразить в символической системе. Возможно, это ее главная задача. За несогласием следует изменение, творческое воздействие, воплощение идеальных смыслов (пусть даже искаженное) в реальность. Борьба за бытие становится борьбой за возможность творческого воплощения смыслов в реальность, их овеществление и преодоление виртуальности символического пространства.

В завершении нам остается ответить на один важный для современной философии вопрос: что, если творческое конструирование относится не к бытию, а только к нашему сознанию, где основания говорить о соответствии символического идеализированного образа получаемому во вне результату? Такие ответы, как «предмет становится не только сознанным, но и познанным тогда, когда он отличен от других предметов путем сравнения с ними, выделяющего его из их среды как нечто особенное» [Лосский Н.О., 1991, с. 345] или «нашу веру в то, что большинство наших ощущений имеет физические причины, укрепляет главным образом, с одной стороны, квазиобщественный характер многих ощущений» [Рассел Б., 2000, с. 202] сегодня не являются достаточно убедительными. Полностью устранить субъектность из присутствия результата творчества не получится, особенно когда мы включили в процесс познания символическую реальность. Но обнаружить связь с объективным бытием все же необходимо, чтобы вернуть онтологичность сознанию, объяснить связь символической реальности с творчеством, с раскрытием потенциала человека. В трех приведенных примерах присутствуют переживания индивида, вызванные созерцанием целостности созданной вещи, соборным осуществлением обряда или развитием

ребенка. Если бы эти переживания исходили исключительно из субъективного видения из созерцания образа в сознании, то везде, особенно во втором и третьем случае, было бы разочарование. Редкий родитель скажет, что ребенок развивается в полном соответствии с тем видением, которое есть у родителей. Единое понимание красоты и смысла обряда или тождественное отношение к воспроизводству народной культуры достигается крайне редко. В современном мире мы слишком разные и непредсказуемые, чтобы достичь общих интерпретаций творчества. Но в этих примерах доминирует не разочарование, а удовлетворение, восхищение, интерес к непредвиденному, доверие Другому. Где искать объективные основания этих чувств от результата, который не был предвиден в создании, стал неожиданностью, противоречием? Между нами и бытием есть живая связь. Творческое отношение к миру приводит к его совершенствованию, раскрывает сущностные свойства вещи. Такие изменения во внешнем бытии влияют на наше внутреннее бытие, придают личности чувство полноты, удовлетворенности. И для этого не обязательно видеть точное воплощение идеи, образа сознания во внешнем мире. Даже если познание вещи неточно и остается чувство тайны в познании, как, например, в познании генезиса личности ребенка для родителей, осуществление возможности присвоить имя вещи, через символическое видение творчески повлиять на нее и увидеть воплощенный результат воздействия, вызывает отклик в нашем сознании, создает уверенность в собственном бытии, что говорит о внешнем объективном источнике такого проживания.

Заключение

Символическая реальность существенно шире обмена символами и смыслами. Она не сводима к генезису и передаче информации. В основе мира символов лежит творческое отношение человека к бытию. Личность целенаправленно преобразует мир в соответствии со своим идеализированным представлением, которое с помощью языка может быть и коллективным конструктом, но, чтобы существовать, обязательно должно воспроизводиться в целостности индивидом самостоятельно. Воплощение смыслового конструкта в реальность, объяснение его

ценности другому, соучастие в совершенствовании реальности раскрывает потенциал человека, опредмечивает внешний мир, указывает на его подлинность, т.к. он способен быть предсказуемо изменяемым под влиянием смысла-идеи-слова в совместном действии разных индивидов, объединенных символическим пространством.

Когда людей на Земле стало слишком много и они слишком разные, чтобы установить единые объективные признаки социальных общностей, символическое пространство стало, напротив, контрастнее, упорядоченнее. Современные социологи утверждают, что интериоризированный смысл социального включения (Н. Луман), «символический универсум» (П. Бергер и Т. Лукман) или «символический капитал» (П. Бурдьё) являются основами социального структурирования. Но при таком подходе важно не потерять онтологическую основу социальной интеграции — творческое воспроизводство социального бытия, где символ является средством идентификации. Целью дискуссии является не символический обмен и даже не коммуникативное единство, а достижение единого образа общности, например, станы, и образа человека как творца и цели социальной организации. Символ изначально служил знаком единства или дружбы, когда камень или глиняная дощечка разламывалась и две части отдавались разным племенам, чтобы потом они, встретившись, узнали друг друга, вспомнили о договоре или о «старом друге» [Тетерук В.А., 2010, с. 167]. Сегодня пространство сжимается, к символу возвращается первоначальная функция. Мы узнаем близких людей по способности понимать, т.е. творить в соответствии с общим смыслом, выраженным в символической форме.

Список литературы

Белов В.И. Лад. Очерки народной эстетики. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. 512 с.

Булгаков С.Н. Философия Имени. Париж: YMCA-PRESS, 1953. 280 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 1–73.

Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в све-

те христианской антропологии. Париж: YMCA-PRESS, 1934. 269 с.

Лиотар Ж. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Лосев А.Ф. Имя: избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетейя, 1997. 616 с.

Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991. 624 с.

Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 644 с.

Медведев Н.В. Герменевтическая философия Поля Рикера // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 252–256.

Митрополит Иларион (Алфеев). Антропология преподобного Симеона Нового Богослова: дис. ... канд. богословия. Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1991. 213 с.

Нижников С.А. Философия имени в России: становление и современная дискуссия. Часть 1. Имяславие П.А. Флоренского // Пространство и Время. 2011. № 4(6). С. 64–71.

Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / пер. с англ. Н.В. Воробьева. М.: ТЕПРА – Книжный клуб; Республика, 2000. 464 с.

Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / пер. с фр. Т.В. Славко. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 314 с.

Тетерук В.А. Культурно-исторический анализ понятия «Символ» // Система ценностей современного общества. 2010. № 12. С. 167–174.

Флоренский П.А. Имена. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 912 с.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. с нем. В.В. Биbihина // Проблема человека в западной философии: сб. переводов / сост. П.С. Гуревич; под общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 314–356.

Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сборник / пер. с нем. Т.В. Васильевой и др.; под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.

Шелер М. Положение человека в Космосе / пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Проблема человека в западной философии: сб. переводов / сост. П.С. Гуревич; под общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95

Moruzzi C. Measuring creativity: an account of natural and artificial creativity // European Journal for Philosophy of Science. 2021. Vol. 11, iss. 1.

URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s13194-020-00313-w.pdf> (accessed: 23.12.2023). DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-020-00313-w>

Searle J.R. *Consciousness and Language*. N.Y.: Cambridge University Press, 2002. 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511606366>

References

Belov, V.I. (2013). *Lad. Ocherki narodnoy estetiki* [Harmony. Essays on folk aesthetics]. Moscow: Institute of Russian Civilization, 512 p.

Bulgakov, S.N. (1953). *Filosofiya Imeni* [Philosophy of the Name]. Paris: YMCA-PRESS, 280 p.

Derrida, J. (2000). *O grammatologii* [About grammarology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 512 p.

Florensky, P.A. (1998). *Imena* [Names]. Moscow: EKSMO-Press Publ., Kharkov: Folio Publ., 912 p.

Heidegger, M. (1988). *Pis'mo o gumanizme* [Letter on humanism]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: sb. perevodov, sost. P.S. Gurevich, pod obsh. red. Yu.N. Popova* [P.S. Gurevich, Yu.N. Popov (ed.) The problem of man in Western philosophy: collection of translations]. Moscow: Progress Publ., pp. 314–356.

Heidegger, M. (1991). *Razgovor na proselochnoy doroge: sbornik* [Country path conversations: collection]. Moscow: Vyshaya Shkola Publ., 192 p.

Liotaer, J. (1998). *Sostoyaniye postmoderna* [The postmodern condition]. Moscow: Institut Eksperimental'noy Sotsiologii Publ., St. Petersburg: Aleteya Publ., 160 p.

Losev, A.F. (1997). *Imya: Izbrannyye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnye materialy* [Name: Selected works, translations, conversations, research, archival materials]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 616 p.

Lossky, N.O. (1991). *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Pravda Publ., 624 p.

Luhmann, N. (2007). *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obschey teorii* [Social systems. An essay on general theory]. St. Petersburg: Nauka Publ., 644 p.

Medvedev, N.V. (2012). [Hermeneutic philosophy of Paul Ricoeur]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities]. No. 10, pp. 252–256.

Metropolitan Hilarion (Alfeev) (1991). *Antropologiya prepodobnogo Simeona Novogo Bogoslova: dis. ... kand. theolog. nauk.* [The anthropology of St. Simeon the New Theologian: dissertation]. Zagorsk: Troitse-Sergieva Lavra Publ., 213 p.

Moruzzi, C. (2021). Measuring creativity: an account of natural and artificial creativity. *European Journal for Philosophy of Science*. Vol. 11, iss. 1. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s13194-020-00313-w.pdf> (accessed 23.12.2023). DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-020-00313-w>

Nizhnikov S.A. (2011) [Philosophy of the name in Russia: formation and modern discussion. Part 1. Name-glorifying of P.A. Florensky]. *Prostranstvo i vremya* [Space and Time]. No. 4(6), pp. 64–71.

Ricoeur, P. (1998). *Vremya i rasskaz. T. 1: Intriga i istoricheskiy rasskaz* [Time and narrative. Vol. 1: Intrigue and historical narrative]. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 314 p.

Russell, B. (2000). *Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granitsy* [Human knowledge: its scope and limits]. Moscow: TERRA – Book Club Publ., Respublika Publ., 464 p.

Searle, J.R. (2002). *Consciousness and language*. New York: Cambridge University Press, 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511606366>

Sheler, M. (1988). [The human place in the cosmos]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: sb. perevodov, sost. P.S. Gurevich, pod obsh. red. Yu.N. Popova* [P.S. Gurevich, Yu.N. Popov (ed.) The problem of man in Western philosophy: collection of translations]. Moscow: Progress Publ., p. 31–95.

Teteryuk, V.A. (2010). [Cultural and historical analysis of the concept of «Symbol»]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [System of Values of Modern Society]. No. 12, pp. 167–174.

Wittgenstein, L. (1994). [Logical-philosophical treatise]. *Vitgenshteyn L. Filosofskie raboty: v 2 ch.* [Wittgenstein L. Philosophical works: in 2 parts]. Moscow: Gnosis Publ., part 1, pp. 1–73.

Zenkovsky, V.V. (1934). *Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii* [Problems of education in the light of Christian anthropology]. Paris: YMCA-PRESS, 269 p.

Об авторах

Огородников Александр Юрьевич

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и социологии

Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9/2;
e-mail: oau2005@yandex.ru
ResearcherID: AEK-5998-2022

Руппель Елена Юрьевна

доцент, доцент кафедры физики и математики

Сибирский государственный
автомобильно-дорожный университет,
644080, Омск, пр. Мира, 5;
e-mail: ruppeleu@mail.ru
ResearcherID: JQV-8330-2023

About the authors

Aleksander Yu. Ogorodnikov

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy
and Sociology

Kutafin Moscow State Law University,
9/2, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow,
125993, Russia;
e-mail: oau2005@yandex.ru
ResearcherID: AEK-5998-2022

Elena Yu. Ruppel

Docent, Associate Professor of the Department
of Physics and Mathematics

Siberian State Automobile and Highway University,
5, Mira av., Omsk, 644080, Russia;
e-mail: ruppeleu@mail.ru
ResearcherID: JQV-8330-2023

УДК 172.1

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-402-410>

EDN: VPJGOF

Поступила: 19.02.2024

Принята: 23.05.2024

Опубликована: 03.10.2024

АМЕРИКАНСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ УТОПИЯ: ГЕНЕЗИС И ПРОБЛЕМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Куликов Михаил Вячеславович

Кузбасский институт ФСИН России (Новокузнецк)

Статья посвящена генезису жанра социально-философской утопии в американской интеллектуальной культуре, что представляется весьма интересной темой для исследования, поскольку именно в утопии собираются воедино онтологические, гносеологические, антропологические, аксиологические, философско-исторические смыслы эпохи и культуры. Цель работы — обнаружить смысловое единство американской утопии и понять причины ее кризиса. Обращение к традиции американской утопии связано с тем значением, которое она имела для становления этой культуры и цивилизации как воплощенного «Града на холме», «Общества равных возможностей», «Маяка надежды». В качестве репрезентантов американской социально-философской утопии взяты Генри Торо, Беррес Фредрик Скиннер, Роберт Нозик и Ричард Рорти. Обращается внимание на отличительную черту американской утопии — ее открытый характер, отсутствие фундаментальных, заранее predetermined установок, плюралистичность. Сделаны выводы о причинах кризиса утопического теоретизирования в американской культуре, что, на наш взгляд, связано с утвердившимся в общественном сознании эпохи позднего капитализма ощущением «конца истории», которое приводит к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и обреченности на пребывание в застывшем времени; ретротопией как поиском оптимального жизненного проекта в прошлом, а не будущем; хонтологией как состоянием некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение в будущее; конспирологией как способом объяснения мира через заговор и обман. Все это порождает разочарование для глобализованного общества позднего капитализма, депрессию как основной симптом времени, тоску по другим, уже недоступным сценариям развития культуры, щемящее чувство ностальгии.

Ключевые слова: утопия, Америка, Генри Торо, Фредрик Скиннер, Роберт Нозик, Ричард Рорти, Уолден, «постмодернистский буржуазный либерализм», бихевиоризм, ретротопия, хонтология, конспирология.

Для цитирования:

Куликов М.В. Американская социально-философская утопия: генезис и проблемы репрезентации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 402–410.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-402-410>. EDN: VPJGOF

AMERICAN SOCIO-PHILOSOPHICAL UTOPIA: THE GENESIS AND PROBLEMS OF REPRESENTATION

Mikhail V. Kulikov

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk)

The genesis of the genre of socio-philosophical utopia in American intellectual culture seems an important research topic since it is in this concept that the ontological, epistemological, anthropological, axiological, philosophical and historical meanings of the era and culture come together. The purpose of the work is to discover the semantic unity of the American utopia and understand the reasons for its crisis. The tradition of American utopia is taken for analysis due to the significance that it had for the formation of this culture and civilization as the embodied «city upon a hill», «society of equal opportunities», «beacon of hope». Henry Thoreau, Burres Fredrick Skinner, Robert Nozick, and Richard Rorty are taken as representatives of the American socio-philosophical utopia. Attention is drawn to the distinctive feature of the American utopia — its open nature, the absence of fundamental, predetermined guidelines, and pluralism. The paper provides conclusions about the causes of the crisis of utopian theorizing in American culture, which, in our opinion, is associated with: the feeling of the «end of history» that has become established in the public consciousness of the era of late capitalism, which leads to the rejection of the future in favor of the endless repetition of the same plots and to being doomed to remain in frozen time; retrotopia as a search for an optimal life project in the past, not the future; hauntology as a state of once existing but never realized hope for a progressive movement into the future; conspiracy theories as a way of explaining the world through conspiracy and deception. For the globalized society of late capitalism, all this gives rise to disappointment, depression as the main symptom of the time, longing for other, no longer accessible cultural development scenarios, and a nagging feeling of nostalgia.

Keywords: utopia, America, Henry Thoreau, Fredrick Skinner, Robert Nozick, Richard Rorty, Walden, «postmodern bourgeois liberalism», behaviorism, retrotopia, hauntology, conspiracy theory.

To cite:

Kulikov M.V. [American socio-philosophical utopia: the genesis and problems of representation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 402–410 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-402-410>, EDN: VPJGOF

Введение

В данной статье предпринята попытка рассмотреть генезис жанра социально-философской утопии в американской интеллектуальной культуре. Утопическое теоретизирование как поиск образа идеального, желаемого типа общества имеет в этой культуре давнюю историю и представлен на разных уровнях: социально-философском, политико-идеологическом, художественном, религиозном, мифологическом [Баталов Э.Я., 1982]. Предметная область исследования ограничена утопическими проектами и экспериментами Генри Торо, Берреса Фредрика Скиннера, Роберта Нозика и Ричарда Рорти. В

случае с Торо и Скиннером их выбор обусловлен идейной преемственностью авторских проектов, случай Нозика объясняется важностью осмысления утопии с позиции аналитической философии, казалось бы, игнорирующей подобного рода проблематику. Проект «постмодернистского буржуазного либерализма» Ричарда Рорти выбран по причине большой полемики, вызванной авторской концепцией «либерализма без оснований». К тому же в работах Рорти прослеживаются размышления о тех проблемах, с которыми столкнулась американская (и шире, западная) культура в отношении утопических проектов.

**Уолден Г.Д. Торо и Уолден Два
Б.Ф. Скиннера: эволюция утопического
проекта**

В 1948 г. в США вышла книга выдающегося американского психолога-бихевиориста Берреса Фредерика Скиннера (1904–1990) «Уолден Два». В этой книге, написанной в жанре научно-фантастической утопии, автор попытался донести свои соображения, касающиеся возможности построения общества с помощью методов социальной инженерии. Название книги отсылает нас к программному роману представителя американского трансцендентализма, практикующего философа и анархиста Генри Дэвида Торо (1817–1862) «Уолден, или Жизнь в лесу» [Торо Г.Д., 1962]. Эта отсылка, конечно, не была случайной: американская культура (как и вся американская цивилизация) изначально носили утопический, ориентированный в будущее, рассчитывающий на практическое воплощение проект. Книга Скиннера продолжает и развивает мысли Торо о «правильном» устройстве бытия, мере должного соотношения свободы и необходимости, степени взаимопроникновения приватной и публичной сфер жизни, необходимом соотношении индивидуального и общественного. Напомним, каким образом решали эти вопросы оба автора.

Подобно Сократу, для которого знание и практическая жизнь были не отделены друг от друга, Торо воплощает свои идеи в особого рода эксперименте: два года, два месяца и два дня своей жизни он проводит в одиночестве в построенном им самим доме на берегу Уолденского озера в лесах штата Массачусетс [Торо Г., 1962]. Что привело Торо к подобному опыту? Причин множество: это и своего рода отказ от нарождающегося технологического потребительского общества с его расточительностью, излишеством, бесконечной, все убыстряющей гонкой; и эксперимент в ведении домашнего хозяйства минимальными средствами; и поиск «сырых» и «диких наслаждений» природы; и попытка испытать себя, освоить необжитые границы природы, культивируя при этом природу собственной души (своего рода толстовское «опрощение» или вольтерьянское «возделывание своего сада»); и, как итог всему вышеперечисленному, — стремление привести мир в порядок, гармонизировать хаос, обрести то самое единство и счастье переживания «совокупного

целого сущего» [Торо Г., 2001]. Более того, Торо не только подвергает испытанию и проверке теоретические положения американских философов-трансценденталистов: на символическом уровне он как бы вновь возрождает коллективный опыт самой Америки, жизнь американского «фронтира», движущегося к неизведанным границам ойкумены [Венедиктова Т.В., 2003]. И это еще не все. Торо не остался только лишь созерцателем, отшельником-одиночкой, «сбежавшим» от трудностей социального мира. Напротив, он активно участвовал в жизни американского общества, выступая с позиций аболиционизма, гражданского неповиновения и мирного сопротивления. На эти его идеи непосредственно ссылались такие видные общественные и политические деятели, как Л. Толстой, М.Л. Кинг, М. Ганди и — шире — сторонники либертарианства или даже анархизма. Таким образом, можно отметить, что большой интерес к наследию Торо во многом связан с идеальным образом американского интеллектуала, парадоксального мыслителя, занимающегося как общественной борьбой, так и уединенными медитациями, соединившего в себе импульс стремления к независимости личности с причастностью к общественно-политическим проблемам своего времени.

Казалось бы, книга Скиннера говорит о других вещах: на смену тонкому душевному самоанализу пришла социальная инженерия, которая требует от исследователя несколько иных интеллектуальных навыков: креативности, изобретательности, умения анализировать проблемные ситуации, способности к организации взаимодействия. Если мысль Торо движется внутрь, вглубь, обнаруживая единство внутреннего и внешнего, индивидуального и природного, то бихевиорист Скиннер рассматривает внутренний мир человека, состояния сознания и чувства в рамках экспериментальной науки как просто физические явления. Если размышления Торо неизбежно приводят в область этического, постулируя свободу воли, ответственность индивида за собственный жизненный проект, то внимание Скиннера обращено на обстоятельства окружающей среды, источники стимулов, детерминирующие наше поведение. Никакой свободы воли, т.е. необусловленной спонтанности, случайности в субъекте нет. И все же Торо важен для Скиннера: само название «Уолден Два», конечно же, явля-

ется отсылкой, и возможно, это название можно интерпретировать как «Уолден для двоих», т.е. попытку рассмотреть путь личностной реализации не через уединение и отшельничество, а напротив, в компании, в социуме, сообществе единомышленников.

Как Скиннер описывает идеальное (в его понимании — научно-организованное) общество? Коммуна проживает не в мегаполисе, а в рамках небольшого поселения (около тысячи человек) вблизи от природы (эта идея предвосхитила тенденцию к переезду жителей городов в пригороды, так называемые субурбии). Экономика общины практически самодостаточна, люди выполняют разнообразную работу (чередуют умственный и физический труд) не более четырех часов в день (идея гибкого рабочего графика). Рационально организован досуг уолденцев, он исключает (не на уровне запрета, а просто как нечто избыточное) алкоголь, сигареты, азартные игры; жители много читают, занимаются спортом, полезными хобби. В отличие от Уолдена Торо, в этом обществе отсутствует культ аскезы, но формируется рациональная культура потребления, учитывающая факторы психологии, экологии, здоровья потребителей.

Социальная структура общества состоит из четырех групп, разделенных по роду занятий: планировщики, менеджеры, рабочие и ученые. Совет планировщиков из шести человек (трое мужчин и женщин) является правительством общины, он разрабатывает политику, формирует планы развития, контролирует работу менеджеров — ответственных руководителей в какой-либо области (строительство, общественное питание, образование, и т.д.). Срок полномочий планировщиков ограничен десятью годами, ротация в их среде происходит из числа кандидатов, выдвигаемых менеджерами (т.е. управленцами становятся не профессиональные политики, а люди, достигшие наиболее значительных успехов в своем деле). Никаких преимуществ статус планировщика или менеджера не дает, эти должности занимают не из корыстных соображений, а просто из желания заниматься более ответственной и сложной работой. Рабочие являются непосредственными производителями товаров и услуг в Уолдене Два. В обществе отсутствуют деньги, работа основана на системе «кредитов» — тяжелый,

неприятный труд дает работнику большее количество кредитов, чем работа легкая и приятная, что высвобождает большее количество времени для досуга рабочего. Существует возможность и даже приветствуются практики смены сферы деятельности и места работы. Поскольку в Уолдене Два ценится эффективность и полезность, а не праздность и показное потребление, то отсутствует представление о престижности/непрестижности работы. Всякий труд, приносящий пользу обществу, заслуживает почета. Таким образом, в Уолдене Два отсутствует праздный класс, отсутствуют те, кто не нашел себе занятие в соответствии со своими интересами («преждевременно состарившиеся», как называет их Скиннер) [Skinner B.F., 1948, р. 33], там нет преступности, профессиональной нетрудоспособности, алкоголизма или игромании, нет безработицы из-за плохого управления, гораздо ниже заболеваемость. И все это благодаря внедрению гибкого графика, чередования разных форм работы, распределения «неинтересной и не творческой» работы между всеми членами социума.

Последняя группа в Уолдене Два — это ученые, которые проводят эксперименты «в области селекции растений и животных, контроля поведения младенцев, различных образовательных процессов и использования некоторого сырья» [Skinner B.F., 1948, р. 49–50]. Хотя об ученых в романе сказано немного, нам понятно, что их задача — познание мира. В этом контексте любопытно сравнить положение ученых и планировщиков в Уолдене Два с положением мудрецов-философов в идеальном государстве Платона. Представляется, что для Платона Знание и Власть были неотделимы; знание идеи обличало человека правом созидания, и воин-страж, реализуя конкретную политику, лишь воплощал знание философа-мудреца. В Уолдене Два планировщик управляет на основе знания, открытого ученым, причем это знание не является абстрактным, метафизическим; это конкретное, позитивистское, экспериментально верифицируемое знание, воплощающееся в сельском хозяйстве, экономике, организации работы коммунальных служб, но, что самое главное, в воздействии на психологию индивида. Изначально человек ни плох, ни хорош, таким, какой он есть, его делает внешняя среда, которая награждает, наказывает или игнориру-

ет поведенческие реакции животных и людей. Следовательно, именно внешняя среда нуждается в правильном управлении для достижения желательного поведения, поэтому: «Дайте мне инструкции по обращению с человеком, и я дам вам человека» [Skinner B.F., 1948, p. 37].

Подобно платоновскому идеальному государству, дети в Уолдене Два с рождения попадают в специальное учреждение, где воспитываются под присмотром педагогов: это дает возможность освободить силы и время биологических родителей на выполнение их профессиональных функций, общаться с детьми тем, кто лишен возможности испытать родительское счастье, избавляет ребенка от зачастую травмирующей, невротической любви родителей, это дает возможность детям брать примером в жизни тех, кто достоин этого, а не является лишь биологическим родителем. В конце концов это упраздняет институт семьи как устаревший, родственные связи не имеют какой-то особой ценности, люди относятся друг к другу с дружелюбием и пониманием безотносительно их биологических связей. В обществе не принято обсуждать личные дела другого, вторгаться в пространство приватного. Вместе с тем в этом обществе утверждены весьма свободные взгляды на любовь и секс — все в духе отказа от собственнического отношения к другому человеку.

Обучение ребенка представляет собой не работу по единой программе, а свободный процесс усвоения интересного для ребенка, прежде всего — практических навыков. С детства ребенок выполняет простую работу и к шестнадцати годам становится полностью самостоятельным. Можно предположить, что педагогика станет второй после психологии наукой в обществе, это будет наука, воспитывающая нового, неэгоистичного, созидательного человека. Интересным представляется вопрос о роли педагога, наставника: станет ли эта работа чем-то специальным, важным и ответственным (как, например, работа наставника в платоновском государстве, помогающего раскрыть знание, заложенное в душу каждого воспитуемого, «озаботившегося» о нем с целью формирования у него способности «заботы о себе»), или эта работа, как и другие, будет продолжаться в течение четырех часов в день, чередуясь с иными формами трудовой деятельности, демонстрируя ученику как сам социальный аппарат, рациональность его бытия требуют от него социаль-

но-полезных качеств: трудолюбия, альтруистичности, коммуникабельности, усердия?

Итак, центром жизни этого общества является не экономика или религия, а психология: задача планировщиков состоит в разработке жизненной стратегии, не вызывающей катастроф, кризисов и иных поводов для негативных эмоций; задача менеджеров заключается в устройстве дела так, чтобы любой работник получал необходимые позитивные подкрепления за исполнение нужных для общества работ. Рациональное управление формирует рациональную ментальность и общественную психологию: коллективистские ценности здесь важнее индивидуальных, здесь отсутствует идея исключительности личности (в положительном «альтруистическом», а не отрицательном «эгоистическом» смысле), жители не стремятся выставить свое «Я» как высшую ценность, здесь отсутствует культ правителей, героев, равно уважают каждого человека независимо от его возраста, пола, выполняемой им работы. Важно, что в социуме воистину царит культ служения во благо общества: жители учатся выполнять свою работу с уважением, удовольствием, терпимостью и самоконтролем, не ожидая похвалы и не хваля другого. Люди не испытывают депрессий, переживаний по поводу собственной нереализации или неполноценности, нет тяжелого переживания одиночества, зависти или жадности. Люди постоянно контролируют свое поведение, они рассчитывают в жизни на самих себя, не перекладывают бремя ответственности на правительство, историю или традицию. Здесь нет злорадства, зависти или иных форм ресентимента, нет необходимости в конкурентной борьбе, т.к. нет зависимости от материальных благ. Если подобные установки и возникают, к этому человеку относятся как к нездоровому, и с ним работает психолог.

Наверное, можно сказать, что в этом обществе отсутствует политика. Противоречия между различными людьми, социальными группами разрешены уже на уровне рациональной организации благодаря планированию, прозрачности принятия решений, отсутствию фаворитизма, протекционизма и иных форм коррупционного поведения. Политика замещается администрированием. В обществе отсутствует пропаганда и какая-либо идеология, отсутствует какая-то четкая, единственно правильная картина мира. Ценностью общества становится

идея прогресса, развития, оно призывает своих членов «рассматривать каждую привычку и обычай с целью возможного улучшения» и «постоянно экспериментировать со всем» [Skinner B.F., 1948, p. 25].

Конечно, Уолден Два — это в чем-то наивная просвещенческая утопия, основанная на упрощенном, несколько механистическом понимании человеческой природы, на вере во всеислие Разума, Знания, Истины. Несмотря на это, некоторые идеи этого проекта нашли, пусть и косвенным образом, свое воплощение в нашей жизни. Изменяется культура потребления, показная роскошь становится признаком дурного тона; представления об эстетике, эргономичности жилого пространства воплотились в практике дизайна, недорогой, но удобной мебели, утвари и бытовой техники; воплощается в жизнь идея гибкого рабочего графика, удаленной работы, потребности постоянного обучения, саморазвития. Уже применяется на практике идея базового безусловного дохода как нормального, естественного условия состояния человека. Все большее воплощение в жизни находят различные формы сетевых организаций, вертикальных структур, плюралистичных моделей и форм социальной организации.

«Минимальное государство» Р. Нозика и «постмодернистский буржуазный либерализм» Р. Рорти — новый взгляд на утопию

Со времени первой публикации «Уолдена Два» прошло уже более семидесяти лет, и мир за это время изменился гораздо больше, чем мир двух Уолденов, разделенных между собой столетием. Наверное, пришло время для Уолдена Три. Что происходит с осмыслением будущего в американской культуре? Традиция утопического теоретизирования во-многом оказалась забыта. Господствующее в американской гуманитарной науке аналитическое направление реализует неопозитивистскую программу, в которой практически нет места социально-утопическому проектированию. Но есть и свои исключения. В качестве примера можно привести работу американского политического философа Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974), в которой автор обосновывает либертарианский идеал «минимального государства» — политического состояния, в котором власть возможна только на уровне защиты

граждан от посягательств (классический «ночной сторож»), не вмешиваясь более ни в какую область жизни. Минимальное государство не порождает какой-то оформленной структуры и, по сути, представляет собой, как называет его автор, «доминирующую защитную ассоциацию». Иные, социальные, внешнеполитические, культурные функции реализуются «снизу» самим обществом, порождающим необходимые институты и связи. Свобода выбора, стихия рынка вызовут к жизни наиболее приспособленные для этого формы, и вмешательство извне только вредит этой самоорганизации, которая, вспоминая Лейбница, есть воистину «лучший из возможных миров». Взяв из идеи «категорического императива» ту мысль, что люди должны относиться друг к другу как к цели, а не как к средству, автор занимается не описанием конкретных форм идеального общества, а разработкой его условий, в его терминологии — «рамки», которая задает границы его устройства. В границах этой рамки минимальное государство обращается с индивидами как с неприкосновенными индивидами, носителями собственных идеалов и ценностей, среди которых нет «правильных» или «неправильных». Позиция Нозика «решительно отрицает детальное заблаговременное планирование одного общества, в котором должны жить все, но она сочувствует добровольным утопическим экспериментам и предоставляет для них основу, которая позволит им расцвести» [Нозик Р., 2008, с. 405]. Автор не дает конкретных ответов на вопрос, каким будет идеальное общество, «место утопического конечного состояния статических теорий утопии занимает утопический процесс» [Нозик Р., 2008, с. 404], а идея «рамки» и нужна для того, чтобы задать пространство, в котором реализуются индивидуальные утопические эксперименты.

Еще один проект утопии, названный «постмодернистским буржуазным либерализмом», представил американский философ Ричард Рорти. В основании его проекта лежит различие публичной и приватной сфер личности — внимание к ценностям сообщества с одной стороны, и апелляция к собственным интересам, желаниям, переживаниям (что он именует термином «идиосинкразия») — с другой. Попытки создания универсальной программы нравственности, увязывающие приватную и публичную стороны в единый контекст, неизбежно

приводили к право- или левототалитарной идеологии. Эти сферы необходимо разделять, и поскольку проблема границы между личной уникальностью и общественной целесообразностью не имеет теоретического разрешения, ее необходимо разрешать через практику практического экспериментирования [Рорти Р., 2001].

Размышляя о фундаменте либеральной формы солидарности, Рорти отказывается от его универсалистского (всеобщность прав и свобод человека) характера по причине отсутствия нейтрального критерия, который был бы способен дать нам возможность соотнести образ либерального (а, впрочем, и всякого иного) сообщества с идеальным. У нас остается только возможность сравнения известных нам форм кооперации, а также утопическое теоретизирование. Ценность либеральной утопии состоит не в ее способности проникнуть в некие скрытые до сих пор области бытия, но в развитии нашего воображения «через мысленную способность видеть в чуждых нам людях товарищей по несчастью. Солидарность не раскрывается рефлексией, но создается. Она создается повышением нашей чувствительности к определенным подробностям боли и унижения других, незнакомых нам людей» [Рорти Р., 1996, с. 20].

Утопический проект американского философа показывает, что в постметафизической культуре должен произойти поворот от теории к нарративу, сообщество будет организовано не столько на рационально-обоснованной программе (о чем писал Скиннер), сколько на эстетическом чувстве, сродни поэтическому признанию «случайности языка», «случайности истины», «случайности самости». Эта культура должна обращаться к бесконечному многообразию нарративов, жизненных стратегий, практик, увязывающих историю и современность с утопическим будущим, а главное, что «она видела бы в воплощении утопий бесконечный процесс — бесконечно расширяющуюся реализацию Свободы, а не конвергентное движение к уже существующей Истине» [Рорти Р., 1996, с. 21].

Автор, конечно, понимает историчность и этноцентричность «постмодернистского буржуазного либерализма», порожденного западным обществом, однако оправдывает данный этноцентризм его особенностью, связанной с его противоречивостью, недоверием к самому себе. Если этнополитическая «солидарность», с одной стороны, является постмодернистской,

то с другой она является буржуазной, а значит, из нее следуют и философские, и политические выводы: если с философской точки зрения этноцентризм антигуманен, т.к. допускает дискриминацию «маргинализированных» субъектов, то с политической точки зрения антигуманизм неприемлем, т.к. противоречит демократическим принципам либерализма: «Именно в традиции нашего общества защищать слабых и униженных, изгнанных и обездоленных, всех нуждающихся в сочувствии и в восстановлении попорченного достоинства. На этот иудео-христианский элемент в нашей традиции с благодарностью и надеждой уповают подобные мне атеисты, которые хотели бы сохранить различия, существующие между кантианством и гегельянством, чисто философскими. Представление о реальности таких вещей, как естественные права человека и врожденная нравственность, так же мало относится к очерченной здесь практической проблеме, как решение вопроса о существовании Бога, — полагаю даже, никак не относится» [Rorty R., 1990, p. 202].

«Открытость», незавершенность утопического проекта Рорти сближает его с проектами Торо, Скиннера и Нозика. Если в классической утопии (Мор, Кампанелла, Платон и др.) жизнь личности и социума была предельно регламентирована, то постмодернистский буржуазный либеральный проект американского мыслителя декларирует лишь его общий принцип, а именно — случайный характер его практик, институтов, а также той языковой игры, в которую втянуты агенты этого социума. Такой утопический проект выглядит скорее наброском, фрагментом с размытыми контурами, нежели четкой программой действия. Вполне в духе постструктуралистской «смерти автора» мыслитель приглашает читателя и общественность к сотворчеству, предлагает обсудить разнообразные жизненные стратегии, выражающие общественную надежду и частные ожидания. Результатом этого сотворчества и должно стать понимание возможности сосуществования разных утопических миров, которые ставят под вопрос status quo и заставляют усомниться в выборе верной стратегии.

Заключение

Говоря о том, каким образом может быть воплощена интуиция американского философа в реальности, мы можем отметить мультикультуральные процессы в современном западном

мире; растущий индивидуализм, который поощряет разнообразие и уникальность различных форм жизни и практик, связанных с той или иной областью приватной сферы — эстетической, сексуальной, игровой. Вместе с тем мы видим падение интереса значительной части людей к публичной сфере: политика как общее дело умерла, и даже западная демократия воспринимается ее апологетами как шоу, разыгрываемое элитными группами [Рорти Р., 1998]. Особую силу приобретает ощущение, модус бытия или состояние, названное британским социологом Зигмундом Бауманом «ретротопией» [Бауман З., 2019], которое можно понимать как тоску по прошлому, постоянное возвращение назад, переживание уже пережитого, неверие в будущее, забвение надежды на перемены к лучшему. Примером ретроtopии на социальном уровне может стать, например, трампилистский лозунг «Make America great again», который говорит американцам о необходимости вернуться к величию, оставленному где-то в прошлом. О схожих с ретроtopией вещах писал и британский мыслитель Марк Фишер, переосмысляя общую ситуацию с позиции «хонтологии» или «призракологии» — бытования уже несуществующего как существующего, состояния некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение в будущее [Фишер М., 2010]. Провозглашенный Фукуямой «конец истории» привел к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и их смешивания, стилизации стилизации и обреченности на пребывание в застывшем времени. Все это породило разочарование для глобализованного общества позднего капитализма, вместе с которым пришли депрессия как основной симптом времени, тоска по другим, уже недоступным сценариям развития культуры, которые теперь отголосками, словно дежавю, врываются в настоящее, порождая щемящую ностальгию.

Еще одно свидетельство кризиса утопии — все растущее конспирологическое мышление, объясняющее социально-политическую и культурную действительность с позиций заговора, искажения реальности, подтасовки фактов, манипуляций, сознательного игнорирования чуждой информации (селективное влияние), воздействия пропаганды, фейковых новостей [Halafoff A. et al., 2022]. Доля людей, которые

верят хотя бы в какие-то конспирологические теории, по-видимому, высока и, по некоторым оценкам, составляет около половины населения США [Oliver J.E., Wood Th., 2014] и Италии [Mancosu M. et al., 2017]. Общественное сознание порождает разного рода легенды, слухи, моральные паники и массовые психозы. Типологическими становятся сюжеты о «своих» и «чужих» — мигрантах, террористах, тайных правителях, и т.д. Возникают представления об альтернативной науке, искаженной истории, заговорах в фармакологии, медицине. Более того, формируется новый модус общественного сознания, названный исследователями «conspirituallity» (название является неологизмом, образованным из двух слов — conspiracy (заговор) и spirituality (духовность)). К типичному для всякой конспирологии представлению о тайном правительстве и заговоре добавились элементы нью-эйдж о «новой эре», сдвиге парадигм, «пробуждении» сознания, «расширении границ своего Я». На смену социально-политической утопии приходят оккультные, эзотерические программы «пробуждения», «просветления». Многочисленные гуру, популярные блогеры-мотиваторы и тренеры личностного роста обещают человеку путь к счастью и гармонии. Возможен ли при всем этом Уолден Три? Кажется, что пока (уже) нет.

Список литературы

- Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982. 336 с.
- Бауман З. Ретроtopия / пер. с англ. В.Л. Силаевой. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
- Венедиктова Т.В. Разговор по-американски: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 328 с.
- Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б.С. Пинскера. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
- Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке 20 века / пер. с англ. И.В. Хестановой, Р.З. Хестанова. М.: Дом интеллект. кн., 1998. 128 с.
- Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность / пер. с англ. И.В. Хестановой, Р.З. Хестанова. М.: Русское феноменол. о-во, 1996. 282 с.
- Рорти Р. Троцкий и дикие орхидеи / пер. с англ. А. Эткинд // Неприкосновенный запас. 2001. № 3(17). С. 7–17.
- Торо Г.Д. Высшие законы / пер. с англ. З.А. Александровой, Э.Ф. Осиповой, В.В. Сонькина. М.: Республика, 2001. 412 с.
- Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу / пер. с

англ. З.А. Александровой. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 240 с.

Фишер М. Капиталистический реализм / пер. с англ. Д.Ю. Кралечкина. Екатеринбург: Ультракультура 2.0, 2010. 144 с.

Halafoff A., Weng E., Roginski A., Rocha C. Introduction to the special issue: (Con)spirituality, science and COVID-19 // *Journal for the Academic Study of Religion*. 2022. Vol. 35, no. 2. P. 133–140. DOI: <https://doi.org/10.1558/jasr.23529>

Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. Believing in conspiracy theories: evidence from an exploratory analysis of Italian survey data // *South European Society and Politics*. 2017. Vol. 22, iss. 3. P. 327–344. DOI: <https://doi.org/10.1080/13608746.2017.1359894>

Oliver J.E., Wood Th. Medical conspiracy theories and health behaviors in the United States // *JAMA Internal Medicine*. 2014. Vol. 174, no. 5. P. 810–822. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2014.190>

Rorty R. Objectivity, Relativism, and Truth. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 238 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173643>

Skinner B.F. *Walden Two*. N.Y.: Macmillan Co., 1948. 266 p.

References

Batalov, E.Ya. (1982). *Sotsial'naya utopiya i utopicheskoe soznanie v SShA* [Social utopia and social hope in USA]. Moscow: Nauka Publ., 336 p.

Bauman, Z. (2019). *Retrotopiya* [Retrotopia]. Moscow: VTZIOM Publ., 160 p.

Fisher, M. (2010). *Kapitalisticheskiy realizm* [Capitalist realism]. Moscow: Ultrakultura 2.0 Publ., 144 p.

Halafoff, A., Weng, E., Roginski, A. and Rocha, C. (2022). Introduction to the special issue: (Con)spirituality, science and COVID-19. *Journal for the Academic Study of Religion*. Vol. 35, no. 2,

pp. 133–140. DOI: <https://doi.org/10.1558/jasr.23529>

Mancosu, M., Vassallo, S. and Vezzoni, C. (2017). Believing in conspiracy theories: evidence from an exploratory analysis of Italian survey data. *South European Society and Politics*. Vol. 22, iss. 3, pp. 327–344. DOI: <https://doi.org/10.1080/13608746.2017.1359894>

Nozick, R. (2008). *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, state and utopia]. Moscow: IRISEN Publ., 424 p.

Oliver, J.E. and Wood, Th. (2014). Medical conspiracy theories and health behaviors in the United States. *JAMA Internal Medicine*. Vol. 174, no. 5, pp. 810–822. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2014.190>

Rorty, R. (1990). *Objectivity, relativism, and truth*. Cambridge: Cambridge University Press, 238 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173643>

Rorty, R. (1996). *Sluchaynost', ironiya, solidarnost'* [Contingency, irony, and solidarity]. Moscow: Russkoe Fenomenologicheskoe Obschestvo Publ., 282 p.

Rorty, R. (1998). *Obretaya nashu stranu: politika levykh v Amerike 20 veka* [Achieving our country: Leftist thought in twentieth-century America]. Moscow: Dom Intellekturnoy Knigi Publ., 128 p.

Rorty, R. (2001). [Trotsky and the wild orchids]. *Neprikosnovenny Zapas*. No. 3(17), pp. 7–17.

Skinner, B.F. (1948). *Walden Two*. New York: Macmillan Co Publ., 266 p.

Thoreau, H.D. (1962). *Uolden, ili Zhizn' v lesu* [Walden or life in the woods]. Moscow: AN SSSR Publ., 240 p.

Thoreau, H.D. (2001). *Vysshie zakony* [Higher laws]. Moscow: Respublika Publ., 412 p.

Venediktova, T.V. (2003). *Razgovor po-amerikanski: diskurs torga v literaturnoy traditsii SShA* [American conversation: bargaining discourse in the US literary tradition]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 328 p.

Об авторе

Куликов Михаил Вячеславович

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических дисциплин и информационных технологий управления

Кузбасский институт ФСИН России, 654066, Новокузнецк, Октябрьский пр., 49; e-mail: philosophy_mk@mail.ru
ResearcherID: KBC-1938-2024

About the author

Mikhail V. Kulikov

Candidate of Philosophy, Docent, Associate Professor of the Department of Humanities, Social and Economic Disciplines and Information Management Technologies

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 49, Oktyabrsky av., Novokuznetsk, 654066, Russia; e-mail: philosophy_mk@mail.ru
ResearcherID: KBC-1938-2024

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.075

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-411-428>

EDN: WBFZPA

Поступила: 25.05.2024

Принята: 08.07.2024

Опубликована: 03.10.2024

ЦЕЛОСТНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ СОБСТВЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ

*Филатова Анастасия Филипповна, Костромина Светлана Николаевна**Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)*

Переживание собственной деструктивности приобретает все большее значение в жизненном контексте современного человека. Вопреки интенсивному росту исследовательского интереса к проблематике деструктивного поведения и деструктивности, остается не проясненным вопрос о роли целостной системы личности в реализации разрушительной активности. В статье проводится теоретико-методологический анализ соотношения и взаимосвязи понятий деструктивности и целостности личности. Традиционное для научного дискурса понимание деструктивности предполагает определение данного феномена в качестве «негативного» и отрицательного свойства «дезинтегрированной» личности, а также акцент на обусловленности деструктивного поведения психическими расстройствами и нарушениями эмоционально-волевой регуляции. В то же время феноменологический анализ переживаний собственной деструктивности позволяет обнаружить активность и вовлеченность субъекта, произвольную инициацию и реализацию разрушительных действий и поступков. Деструкция и целостность лишь на первый взгляд кажутся оппозициями, посредством которых можно описать внутреннюю конфликтность личности и амбивалентные тенденции во внутриличностной динамике. Процессуальный подход к исследованию личности позволяет рассматривать бинарные оппозиции с точки зрения принципа комплементарности, согласно которому противоположные личностные тенденции являются взаимодополняющими. В связи с этим переживание личностью собственной деструктивности включает также интегративные процессы и обусловлено не только нарушением функционирования целостной системы личности, но и её последующим восстановлением, реконструкцией и самоорганизацией. Обзор психологической литературы по проблеме исследования позволил сделать вывод о том, что конкретные теоретические подходы к изучению деструктивности человека основаны на имплицитных или эксплицитных представлениях авторов о личности как о целостной или дифференцированной сущности. По результатам исследования предложено описание интеграционных и дезинтеграционных аспектов переживания личностной деструктивности. Доминирующей тенденцией является поддержание целостности и устойчивости, поскольку деятельность переживания направлена на интеграцию подсистем личности с целью преодоления трудной жизненной ситуации, а также на интеграцию жизненного опыта.

Ключевые слова: деструктивность, деструктивное поведение, деструкция, целостность, интеграция, личность, холизм, процессуальный подход, системный подход.

Для цитирования:

Филатова А.Ф., Костромина С.Н. Целостность и интеграция личности в процессе переживания собственной деструктивности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 411–428.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-411-428>. EDN: WBFZPA

INTEGRITY AND INTEGRATION OF PERSONALITY IN THE PROCESS OF EXPERIENCING ONE'S OWN DESTRUCTIVENESS

Anastasiya F. Filatova, Svetlana N. Kostromina

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

A personality's experience of their own destructiveness is becoming increasingly important in the life context of a modern person. Despite the intensive growth of research interest in the problems of destructive behavior and human destructiveness, the question of the role of the integral personality system in the implementation of destructive activity remains unclear. The article deals with the theoretical and methodological problem of the correlation between the concepts of destructive behavior and personality integrity. The traditional understanding of destructiveness in scientific discourse assumes the definition of this phenomenon as a «dark» and negative property of a «disintegrated» personality, as well as the emphasis on destructive behavior as being conditioned by mental disorders and irregularities in emotional-volitional regulation. At the same time, phenomenological analysis of the experience of one's own destructiveness allows us to detect the subject's activity and involvement, volitional initiation and realization of destructive actions and deeds. It is only at first glance that destruction and integrity seem to be oppositions through which we can describe the inner conflict of a personality and ambivalent tendencies in intrapersonal dynamics. The process approach to personality research allows us to consider binary oppositions through the prism of the principle of complementarity, according to which opposite personality tendencies are complementary. In this connection, a personality's experience of their own destructiveness also includes integrative processes conditioned not by disruption in the functioning of the integral personality system, but, on the contrary, by its subsequent recovery, reconstruction, and self-organization. The review of psychological literature on the research problem allowed us to conclude that specific theoretical approaches to the study of human destructiveness are based on authors' implicit or explicit ideas about personality as an integral or differentiated entity. Based on the results of the study, we propose a description of the integrative and disintegrative aspects of the experience of personal destructiveness. The dominant tendency is the maintenance of integrity and stability, since the activity of experiencing is aimed at integrating the subsystems of personality in order to overcome a difficult life situation, as well as at integrating life experience.

Keywords: destructiveness, destructive behavior, destruction, integrity, integration, personality, holism, process approach, system approach.

To cite:

Filatova A.F., Kostromina S.N. [Integrity and integration of personality in the process of experiencing one's own destructiveness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 411–428 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-411-428>, EDN: WBFPPZA

Введение

В повседневной жизни современного человека можно наблюдать широкое многообразие деструктивных и аутодеструктивных явлений. Они все чаще становятся предметом психологического исследования и определяют содержание клиентских запросов в практике психо-

логического консультирования. Можно констатировать интенсивный рост исследовательского интереса к проблемам диагностики, профилактики и коррекции деструктивного поведения [Малых С.Б., 2023; Профилактика деструктивного поведения..., 2019]. Тем не менее, по-прежнему существует ряд теоретических и методологических вопросов о роли целостной си-

стемы личности в реализации деструктивной активности. Актуальной перспективой исследований, на наш взгляд, являются системный и процессуальный подходы к анализу личностных проявлений, с точки зрения которых деструктивность личности может рассматриваться во взаимосвязи с феноменом целостности и процессами интеграции личностных подсистем.

Согласно традиционным представлениям, деструктивность и аутодеструктивность являются свойствами «расщепленной» или дезинтегрированной личности: следствием внутреннего конфликта и борьбы разнонаправленных влечений [Шпильрейн С.Н., 2020; Фрейд З., 2020а; Фромм Э., 2017], симптомом психических нарушений и некоторых личностных расстройств [Зинчук М.С. и др., 2019; Kolbeck K. et al., 2019], отклонением от социальных норм в условиях дезадаптации [Клейберг Ю.А., 2024]. В научной литературе так же, как и в обыденных представлениях, доминирует идея о том, что деструктивное поведение обусловлено нарушениями эмоционально-волевой регуляции: импульсивностью, реактивностью, эмоциональной лабильностью [Hamza Ch.A. et al., 2015; Moore Fh.R. et al., 2022], т.е. так или иначе связано с дезинтеграцией функциональных подсистем целостной личности. Вместе с тем по результатам ряда современных исследований, многие формы и проявления деструктивности личности предполагают субъектную вовлеченность, целенаправленность и произвольность действий, осознание себя в качестве агента или автора деструкции [Злоказов К.В., 2018; Профилактика деструктивного поведения..., 2019]. Собственная деструктивность может оказаться в фокусе рефлексивного сознания, быть осмыслена личностью и произвольно инициирована. Кроме того, деструктивная активность взаимосвязана с интеграционными процессами в личности: например, с формированием идентичности, выстраиванием собственного целостного и отличного от других структурного образа [Злоказов К.В., Прядеин В.П., 2014]. Процесс переживания личностью собственной деструктивности имеет сложную структуру, и помимо эмоционального и поведенческого компонентов, включает также когнитивные, мотивационно-волевые, ценностно-смысловые аспекты. Деятельность переживания, направленная на смыслопостроение, преодоле-

ние трудной жизненной ситуации, интеграцию опыта, требует вовлечения всех подструктур системы личности, что подразумевает их согласованное функционирование.

На сегодняшний день в исследованиях деструктивности преобладает элементиалистский подход к рассмотрению личности, особенно характерный для методологии количественного анализа отдельных паттернов поведения [Хьелл Л.А., Зиглер Д.Дж., 2018]. Целостность личности чаще всего подразумевается имплицитно, но не служит основанием для построения эмпирически проверяемых моделей. Однако мы полагаем, что именно углубление и эксплицирование теоретического понимания целостности личности может стать продуктивным базисом будущих исследований. Еще в начале XX в. на смену элементиалистским концепциям психики и личности, стремившимся описать целое на языке элементов, пришли идеи холистического (whole; holistic) подхода (см.: [Magnusson D., Törestad B., 1993]). Дальнейшее развитие методологии психологических исследований привело к развитию системного и процессуального подходов к анализу личности, позволяющих изучать процессы интеграции и дифференциации системы с учетом доминирующей тенденции объединения [Ганзен В.А., 2007]. Современные исследователи сходятся во мнении, что способность личности сохранять целостность обусловлена ее процессуальной природой, и в первую очередь сложным взаимодействием двух состояний — стабильности и изменчивости [Гришина Н.В., Костромина С.Н., 2021; Mischel W., 2004; Wagner J. et al., 2020], которым соответствуют две неразрывные тенденции — стремление к сохранению и готовность к изменениям.

Личность как неделимая сущность и уникальное сочетание процессов и свойств раскрывается и реализуется в различных вариантах направленности, в том числе в «негативных» и деструктивных. Феноменологическое описание процесса переживания собственной деструктивности подразумевает комплексный анализ личности, изучение не только внешне наблюдаемых поведенческих паттернов, но и мыслей, чувств, намерений и желаний, личностных смыслов и ценностей, возникающих или актуализирующихся в момент инициации разрушения. Мы полагаем, что исследование переживаний де-

структивности позволит обнаружить процессы, связанные не только с нарушением функционирования целостной системы личности, но и с ее последующим восстановлением, реконструкцией, самодетерминацией и самоорганизацией.

В некотором роде попытка сопоставления деструкции и целостности личности выглядит как сопряжение антагонистических (оппозиционных) процессов. Однако идея бинарных оппозиций (холизм – элементаризм, среда – природа, гомеостаз – гетеростаз, свобода – детерминизм и т.д.), свойственная психологии личности XX в., давно изжила себя. Гораздо более убедительным выглядит сегодня принцип сложности или комплементарности [Костромина С.Н., Гришина Н.В., 2023, с. 517], означающий принципиальную несводимость природы личности к кажущимся несовместимым тенденциям. Современный взгляд на взаимодополнительность противоположных личностных процессов ориентирован на их трактовку с точки зрения эволюционных, нежели уравнивающих механизмов. Именно наличие разнонаправленных тенденций во внутреннем пространстве личности создает поле напряжения (по К. Левину), определяющее перспективы развития и усложнения внутренней структуры личности с целью поддержания ее целостности и устойчивости.

Цель данного исследования — сформулировать теоретические основания для исследования интеграционных и дезинтеграционных аспектов процесса переживания личностью собственной деструктивности, а также проанализировать взаимосвязь феноменов целостности и деструктивности личности с точки зрения различных теоретико-методологических подходов, от уже ставших классическими к современным.

Теоретические основания

Деструкция и целостность личности в классическом психоанализе

Включение в психологический дискурс понятия «деструкция» и появление концепции деструктивности личности связаны с несколькими этапами развития психоаналитической теории в XX в., конкретнее — с 1912 по 1973 г. В первоначальной формулировке эти термины использовались для описания бессознательного влечения человека к разрушению и саморазрушению.

Уже в ранних психоаналитических работах по теме была обозначена тесная связь проблемы деструкции личности с пониманием ее как целостной или дифференцированной сущности.

В своей статье 1912 г., формулируя первую в психологии концепцию деструкции, С.Н. Шпильрейн пишет: «основной характеристикой индивидуума является то, что он есть дивидуум (Dividuum)» [Шпильрейн С.Н., 2020, с. 9]. Данный тезис отражает классическое понимание личности в психоанализе: личность расщеплена, подвижна непрерывной борьбой противоположно направленных сил, пребывает в априорно неразрешимом внутреннем конфликте сознания и бессознательного. По мнению С.Н. Шпильрейна, психическая жизнь человека подчинена двум амбивалентным тенденциям: статическому инстинкту самосохранения и динамическому инстинкту размножения. Эту оппозицию описывал З. Фрейд в первом варианте собственной дуалистической модели влечений, согласно которой «влечения Я» противоположны по направленности либидинозным влечениям к объекту.

Однако далее по тексту статьи С.Н. Шпильрейн рассуждает скорее в юнгианском, нежели во фрейдистском ключе. Она интерпретирует возникновение личности и феномена индивидуального «Я» как результат дифференциации из общеродового, типического, универсального «Мы», аналогичного понятию коллективного бессознательного. Возникая и дифференцируясь из «правещества» и некоего архаичного «прапереживания» универсального «Мы», индивидуальное «Я» вновь стремится к ассимиляции, растворению в общеродовом и типическом — эта последняя тенденция выражена в «инстинкте размножения» человека, имеющем отчетливый аутодеструктивный компонент [Шпильрейн С.Н., 2020].

Согласно аналогичному принципу психического функционирования, «чем больше мы приближаемся к сознательному мышлению, тем более дифференцированными становятся наши представления, но чем глубже мы проникаем в бессознательное, тем более общими, типичными они становятся» [Шпильрейн С.Н., 2020, с. 9]. Именно благодаря ассимиляции личные переживания могут быть выражены в символической форме и в виде произведений искусства. Дифференциация и ассимиляция —

два чередующихся субпроцесса, которые обеспечивают сложную внутриспсихическую динамику, подвижность душевной жизни. Роль деструкции в этой динамике, согласно концепции С.Н. Шпильрейн, — основополагающая: разрушение запускает фазу дифференциации, «дробит» и видоизменяет психические содержания, чтобы впоследствии они образовали новый синтез и новое единство. «Никакое изменение не может происходить без уничтожения прежнего состояния» [Шпильрейн С.Н., 2020, с. 21], следовательно, деструкция есть «причина становления» — именно эту ключевую идею С.Н. Шпильрейн вынесла в название своей главной статьи. Иными словами, в самой первой психоаналитической концепции деструкции ключевое место занимает именно рассуждение о роли деструктивных переживаний в процессах интеграции и дезинтеграции личности.

В трудах основоположника психоанализа З. Фрейда эта взаимосвязь трактуется более сложным и неоднозначным образом. В классической теории нет единого представления о целостности или дифференцированности личности. С одной стороны, обе модели психического аппарата, предложенные З. Фрейдом (топографическая и структурная), предполагают разграничение и дифференциацию внутреннего пространства личности. С другой стороны, структурная модель включает инстанцию Эго, ключевой функцией которой является интеграция. Будучи центральным элементом личности, Эго обеспечивает внутреннюю взаимосвязанность всех трех подструктур и осуществляет процесс связывания свободно плавающей психической энергии [Фрейд З., 2020b]. Установление единств, взаимосвязей или стремление к единству является ключевой характеристикой структуры Эго [Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б., 1996].

Столь же неоднозначны представления З. Фрейда о деструкции. Вдохновившись работой С.Н. Шпильрейн, он выдвигает гипотезу о наличии в психике «влечения к смерти» [Фрейд З., 2020a]. Новая оппозиция дополняет первую модель влечений, описывавшую движение психической энергии между полюсами «Я — объект». Одновременно понятие либидо получает более широкое толкование как влечения к жизни. З. Фрейд трактует смерть и как конечную, и как начальную точку существова-

ния живого организма: жизнь зарождается из смерти, небытия и стремится вернуться в изначальное неорганическое состояние [Фрейд З., 2020a]. Влечение к смерти всегда способствует возвращению энергетического напряжения к максимально низкому уровню («принцип нирваны») или к изначальному уровню, предшествовавшему стимуляции и установлению связи с объектом («принцип постоянства»). Оно уравнивает влечение к жизни, которое призвано повышать напряжение, нарушать покой и гомеостаз за счет образования и прумножения связей с объектами влечения, находящимися во внешнем мире.

Цель влечения к смерти состоит в разрыве и разрушении связей в угоду гомеостазу, поэтому оно чаще всего переживается как Эго-дистонное, т.е. чуждое Я и сознательным намерениям личности. Предполагаем, что именно поэтому представители Эго-психологии (А. Фрейд, Э. Эриксон, Х. Хартманн), уделяя особое внимание защитным, интегративным и адаптивным функциям Эго, практически не развивают концепцию «влечения к смерти». Однако в более поздних работах самого З. Фрейда отмечается важная особенность структуры Эго — его мазохистичность [Фрейд З., 1992]. Поскольку в самом широком смысле мазохизм означает способность психики терпеть неудовольствие, Эго должно использовать часть деструктивной энергии и быть «мазохистичным» для того, чтобы согласовывать требования бессознательных влечений с запретами, налагаемыми реальностью. По мнению Б. Розенберга, именно мазохизм обеспечивает сохранность, целостность психического, его внутреннюю непрерывность, позволяя выносить тревожные переживания и состояния неудовольствия, связанные с отсрочкой удовлетворения [Розенберг Б., 2018]. Важнейшая интегративная функция Эго состоит именно в связывании энергии разнонаправленных влечений, нахождении компромисса между влечением к жизни и влечением к смерти, удовольствием и неудовольствием.

Основываясь на этих рассуждениях, можно сделать вывод, что в метапсихологической теории З. Фрейда интеграция рассматривается как вторичный процесс, которому с необходимостью предшествует первичный процесс расщепления и дифференциации. Важно отметить,

что расщепление — это понятие, неоднократно использованное З. Фрейдом, но получившее развитие и концептуализацию в трудах его последователей — британской школы теоретиков объектных отношений. Процесс расщепления является базовым и подразумевает установление внутренних границ между «Я» и «не Я», т.е. между Самостью и внутренними объектами, а также одновременное определение различий между условно «хорошим» и «плохим» в Я, между либидинозным и деструктивным влечениями [Гротштейн Дж.С., 2017; Шпиц Р., 2012]. Без первоначального и предшествующего расщепления невозможно последующее обретение целостности. Х. Сегал пишет о том, что «именно расщепление позволяет Я возникнуть из хаоса и упорядочить свой опыт» (цит. по: [Гротштейн Дж.С., 2017, с. 21]). Данная идея полностью совпадает с предположением С.Н. Шпильрейна о том, что возникновению Я предшествует дифференциация. Если расщепление — это внутреннее разъединение элементов личности, то дифференциация — скорее внешний процесс отделения частного от общего, личного от коллективного. Однако вопросы о границах внутреннего и внешнего и соотношении понятий представляются крайне сложными.

Анализируя первые психоаналитические концепции деструкции и «влечения к смерти», нельзя не заметить, что позиции С.Н. Шпильрейна и З. Фрейда принципиально различны как в понимании деструктивности, так и в понимании целостности личности. С.Н. Шпильрейн определяет источником личностной интеграции пространство универсального общечеловеческого единства — бессознательное (это взгляд К.Г. Юнга, о котором речь пойдет далее). Поэтому деструкция индивидуального «Я» для нее является условием становления и изменений, преумножения жизни. З. Фрейд скорее делает ставку на интегрирующую функцию структуры Эго, при этом подчеркивая, что бессознательное поддерживает равновесие именно за счет наличия противоположных тенденций. Следовательно, упорядоченность сознательного «Я» может возникнуть лишь при условии хаотичности и амбивалентности, одновременной деструктивности и созидательности, бессознательного «Оно».

Определяя классический психоанализ в качестве теории личности, Л. Хелл и Д. Зиглер од-

нозначно отнесли воззрения З. Фрейда на природу человека к принципу холизма [Хелл Л.А., Зиглер Д.Дж., 2018]. На наш взгляд, углубленное изучение теории позволяет обнаружить, что психоанализ как метод предполагает введение различия, разъединение частей, подструктур и расщепление внутреннего единства психики и личности («анализ» в переводе с древнегреческого — «разложение, разделение, расчленение, разборка»). Отправной точкой развития психоаналитической теории является выдвижение бессознательного в качестве предмета исследования. Если мы принимаем идею бессознательного, личность для нас оказывается исходно расщепленной, противоречивой, нецелостной, но именно поэтому она динамична и изменчива. Согласно определению Дж. Гротштейна, расщепление является базовым психическим механизмом и универсальным опытом человека, а единство — это цель жизни, и «мы должны всегда стремиться к ней, а не достичь ее» [Гротштейн Дж.С., 2017, с. 24].

Деструктивность и целостность личности в трудах К.Г. Юнга, А. Адлера и Э. Фромма

Как уже было упомянуто выше, К.Г. Юнг в рамках собственного психодинамического подхода к исследованию личности — аналитической психологии — сформулировал новое понимание бессознательного как пространства интеграции индивидуально-личностного и всеобщего, родового и коллективного. Символом полноты человеческого потенциала и единства личности для К.Г. Юнга служит понятие «Самости» — бессознательного архетипа целостности, путь к которому пролегает через личностный рост, процессы самопознания и анализа [Кларк М., 2022]. Взгляд К.Г. Юнга на природу человека кажется более «оптимистичным» по сравнению с воззрениями З. Фрейда, и, кроме того, он имеет выраженный религиозный подтекст. Эго как центр личности является своеобразной проекцией Самости и может черпать из нее силы и энергию, что аналогично взаимодействию человеческого и божественного. С утверждением такого гуманистического и однозначно холистического подхода к личности все меньшее внимание уделяется проблеме человеческой разрушительности. Деструктивному влечению в трудах К.Г. Юнга соответствует архетип «Тени», представляющий собой

негативное отражение структуры Эго, объединяющий в себе все противоположные качества и свойства, неприемлемые для личности и исключаемые из сферы осознаваемого [Юнг К.Г., 2004]. Архетип Тени не обладает собственным специфическим содержанием, по определению выступая в качестве отрицательной проекции или негатива. При этом осознание «теневого» аспекта собственной личности продвигает человека на пути индивидуации, самопознания и личностного роста, следовательно, является одним из необходимых шагов к обретению целостности и раскрытию Самости.

Идея расщепленного субъекта в классическом психоанализе З. Фрейда стала отправной точкой для критики его теории А. Адлером, развивавшем в альтернативном направлении собственную индивидуальную психологию. А. Адлер противопоставляет «дивидууму» З. Фрейда «индивидуума» — неделимого и целостного человека, обладающего неповторимым своеобразием и особым «жизненным стилем» — уникальной интеграцией черт, способов поведения и привычек [Хьелл Л.А., Зиглер Д.Дж., 2018]. Холистический принцип индивидуальной психологии А. Адлера также означает, что индивидуум рассматривается и исследуется включенным в целостную систему общества. Закономерным образом, избрав в качестве методологического принципа целостность личности, А. Адлер отказывается от дуалистического понимания бессознательного. При этом ранее, еще до конфликта с З. Фрейдом, будучи президентом Венского психоаналитического общества, А. Адлер предлагал гипотезу о существовании агрессивного влечения, лежащего в основе стремления к власти, жестокости и садизму [Адлер А., 2011]. Доклад А. Адлера «Влечение к агрессии в жизни и в неврозе» 1908 г. предвосхитил концепции деструкции С.Н. Шпильрейн и влечения к смерти З. Фрейда. В нем высказывается эвристичная для того времени мысль о взаимосвязи агрессии с чувством страха перед враждебным миром. Понятие «влечения к агрессии» не получило дальнейшего развития в психоанализе и не было включено А. Адлером в концептуальный аппарат собственной индивидуальной психологии. Однако в современном дискурсе оно часто используется в терминологически неточных изложениях дуалистической теории влечений З. Фрейда.

Дифференциация понятий «агрессия» и «деструкция» является заслугой Э. Фромма. Адаптивной и «доброкачественной» агрессии животных он противопоставляет специфически человеческий «злокачественный» вариант агрессии — деструктивность [Фромм Э., 2017]. При этом подход Э. Фромма имеет выраженную гуманистическую ориентацию: рассматривая деструктивность не как врожденное, а как приобретенное человеческое свойство, он выдвигает в качестве основной детерминанты разрушения социально-культурные и конкретно-исторические условия жизни человека. Не осознавая изначально данную ей свободу, личность предпочитает различные варианты «бегства от свободы» в угоду общества потребления, основными характеристиками которого являются отчужденность, изоляция и неравенство [Фромм Э., 2021]. Деструктивность как стремление к власти, порабощению или уничтожению других живых существ, наряду с авторитаризмом и конформизмом, является отказом человека от собственной безграничной свободы. Именно Э. Фромм впервые предложил рассматривать деструктивность как устойчивое личностное свойство, связанное не только со спонтанными поведенческими реакциями, но и со структурой характера, которая сформировалась по итогам возрастного развития и социализации в неблагоприятной среде [Фромм Э., 2017]. Будучи свойством характера и атрибутом свободной личности, разрушительность может инициироваться произвольно, быть результатом выбора.

С развитием вышеописанных психодинамических направлений в XX в. фокус внимания все больше смещается от интрапсихического или внутриличностного конфликта к конфликту психосоциальному. Одновременно с этим утверждаются гуманистические идеи, изменившие не только психоанализ, но и психологию в целом. И А. Адлер, и Э. Фромм продолжают поиски универсального и типического (типы жизненных стилей или социальных характеров), однако не меньшее внимание уделяют индивидуальному и уникальному, своеобразие жизни опыта личности, контексту. Холистический подход к человеку как внутреннему единству и неделимому целому выступает неотъемлемой составляющей гуманистической ориентации авторов. С этой точки зрения деструктивность может быть понята

только как извращение или искажение исходно конструктивной, просоциальной, «биофилической» (по Э. Фромму) ориентации человека и объяснена только внешними и средовыми детерминантами, вторгающимися в изначально «позитивную» и «добрую» природу человека. Вопрос определения источника деструктивных явлений микро- и макросоциального уровней намеренно выносится за скобки. В целом данный этап развития психологических подходов к анализу деструктивности личности, несмотря на высокую эвристическую ценность отдельных концептуальных положений, характеризуется наличием теоретических и методологических тупиков, препятствующих строго научному изучению проблемы целостности и деструктивности личности.

***Современное состояние проблемы:
элементалистский подход к исследованию
деструктивного поведения личности***

Обзор актуальных работ по проблеме исследования деструктивности личности позволяет сделать предварительный вывод, что на сегодняшний день в изучении феномена деструктивности доминирует элементалистский, а не холистический подход. Подтверждением нашего вывода служит библиометрический анализ, согласно которому в современных русскоязычных психологических исследованиях значительно чаще можно встретить понятие «деструктивное поведение», по сравнению с понятием «деструктивность» (человека и личности). «Деструктивное поведение» используется в качестве ключевого слова в 312 публикациях по психологии на сайте eLIBRARY.ru (за период с 1997 по 2024 гг., по данным на май 2024 г.), тогда как «деструктивность» — более чем в два раза реже, — в 121 публикации. Можно предположить, что количественный анализ выраженности отдельных паттернов разрушающего поведения личности оказывается более предпочтительным и распространенным подходом к исследованию, очевидно объясняемым наблюдаемостью и социальной значимостью явления. Как следствие, возникает ряд существенных методологических ограничений.

Ключевым из них является отсутствие единой теоретической концепции деструктивного поведения, разнообразие и несогласованность авторских определений и типологий, отсутствие строгой дифференциации понятий «де-

струкция» со смежными терминами, такими как агрессия/агрессивность, девиация, делинквентность, самоповреждение и др. К категории деструктивного относятся разнообразные виды поведения субъекта, соответствующие направленности на разрушение социальных связей, объектов и систем окружающего мира, а также направленности на саморазрушение [Антипова Е.А. и др., 2020; Злоказов К.В., 2017; Клейберг Ю.А., 2024]. Дефицит валидного диагностического инструментария также ограничивает перспективу многоаспектных эмпирических исследований с опорой на единую концепцию деструктивности личности или на обоснованную классификацию видов деструктивной активности [Дорфман Л.Я., Злоказов К.В., 2017; Самойлик Н.А., 2023].

В научной литературе значительно чаще можно встретить предположения о том, что деструктивное поведение характеризует не целостную, а «нарушенную» личность. Согласно имеющимся данным, такое поведение может быть обусловлено импульсивностью, реактивностью, возбудимостью и прочими нарушениями эмоционально-волевой регуляции, в свою очередь связанными с психическими или личностными расстройствами [Зинчук М.С. и др., 2019; Hamza Ch.A. et al., 2015; Kolbeck K. et al., 2019; Moore Fh.R. et al., 2022]. Однако существует и несколько отличная точка зрения, согласно которой ключевым признаком деструктивного поведения является выраженная субъектная позиция и целенаправленность [Профилактика деструктивного поведения..., 2019]. В отличие от агрессии и насилия, деструктивное поведение предполагает произвольный выбор объекта и цели, поскольку эти характеристики не заданы изначальными условиями ситуации [Злоказов К.В., 2018]. Это положение может стать основанием для изучения деструктивности во взаимосвязи с механизмом самодетерминации личности, т.е. с точки зрения субъектной вовлеченности, произвольной инициации разрушительных действий и поступков, осознания себя в качестве причины и автора деструкции [Костромина С.Н., Филатова А.Ф., 2023].

Несмотря на то, что многие авторы склонны рассматривать деструктивное поведение в качестве отрицательной разновидности девиантного, отмечается тенденция к персонифицированному и контекстуальному изучению феномена: индивидуально-личностный подход от-

тесняет представление о девиации, что дает возможность рассматривать деструкцию независимо от социальных норм [Гребенщикова Л.Г., 2011; Самойлик Н.А., 2023].

Холистическому принципу в несколько большей мере соответствует определение деструктивности в качестве устойчивой личностной черты, обобщающей типичные поведенческие паттерны, регулярное и многоплановое предъявление или проявление актов деструкции [Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В., 2023]. С точки зрения современного психоанализа, деструктивность личности обобщает поведенческие проявления и внутреннее содержание психической сферы, фантазийную и/или реальную агрессивную направленность на разрушение объектов и/или субъекта [Решетников М.М. и др., 2020]. К внутреннему содержанию в данном случае можно отнести переживания тревоги, страхи, чувства вины, стыда, обиды, сомнения, неадекватную самооценку. Поведенческие феномены могут включать не только наглядные проявления, например, навязчивые действия, суицидальное поведение, аддикции, разрушение внешних объектов и др., но и социально одобряемое поведение — чрезмерную самоотверженность, самоотдачу, а также специфические речевые стратегии, например, «Надо» и «Должен» [Нестеренко Т.И., Белая О.А., 2022]. Однако расширение понятия деструктивности до личностной черты или диспозиции не всегда предполагает, что в основе отдельных элементов и черт лежит унифицирующая и целостная сущность. В задачи подобных исследований чаще всего не входит включение феномена деструктивности в единое системное представление о личности.

Тем не менее, вопреки доминированию принципа элементаризма и дифференцированного анализа поведения или черт, в современных исследованиях обнаруживаются попытки изучения взаимосвязи деструктивности и целостности личности. Так, в работе К.В. Злоказова обосновывается связь деструктивной активности с интеграционными процессами в личности, а именно с формированием идентичности — выстраиванием собственного, отличного от других целостного структурного образа за счет разрушения внешних социальных структур [Злоказов К.В., Прядин В.П., 2014]. Взаимосвязью разрушительной деятельности с конструированием идентичности может

быть обусловлена большая выраженность деструктивного поведения у подростков или молодых людей. Однако выборки эмпирических исследований деструктивности часто ограничиваются именно этими возрастными группами [Малых С.Б., 2023; Профилактика деструктивного поведения..., 2019; Matera E. et al., 2021; Rong F. et al., 2023]. Сравнительный анализ показателей выборки с контрольными группами других возрастов чаще всего не проводится. Как следствие, обнаруживается дефицит данных о деструктивном поведении и деструктивных переживаниях зрелой и взрослой личности. Представляет особый исследовательский интерес и актуальность изучение деструктивности пожилых людей, проверка гипотезы о наличии связи этого феномена с процессами эгоинтеграции и генеративностью (в терминологии Э. Эриксона).

Резюмируя обзор современного состояния проблемы деструктивности личности, мы можем обозначить необходимость разработки интегративных моделей и концепций, направленных на изучение разрушающей личности как неделимой целостности.

Системный подход к исследованию деструктивности и целостности личности

Альтернативой, соответствующей актуальным тенденциям развития методологии исследований личности, выступает комплексный и системный анализ психологических феноменов, определение личности в качестве открытой, самоорганизующейся и саморазвивающейся живой системы. Особое исследовательское внимание необходимо уделить свойству целостности личности, ее интегральным характеристикам. Основанием системного подхода к психологическому исследованию, по утверждению В.А. Ганзена, является «единство интеграции и дифференциации при доминировании тенденции объединения» [Ганзен В.А., 2007, с. 143]. Важно отметить, что такая позиция не исключает дифференциацию и предполагает рассмотрение личности как «структурированной целостности» [Ломов Б.Ф., 1975]. Выбор этого методологического подхода предполагает включение в анализ системных характеристик личности и акцент на ее процессуальной природе, интегрирующей устойчивость и постоянную изменчивость [Гришина Н.В., Костромина С.Н., 2021].

Внутреннее единство личности обусловлено протеканием интегративных процессов в сложноорганизованной системе. Обладая сложной внутренней структурой, личность сохраняет относительную автономность, самодостаточность, независимость от окружающей среды. Понятие целостности личности, по результатам обобщения сложившихся к настоящему времени научных подходов [Magnusson D., Törestad B., 1993; Wagner J. et al., 2020, и др.], объединяет несколько ключевых характеристик: 1) внутреннюю взаимосвязанность и согласованность элементов, подструктур, функций и процессов; 2) уникальную и индивидуальную конфигурацию взаимосвязей личностных свойств, обусловленную жизненным опытом и жизненной историей; 3) интегрированность опыта, тождество человека самому себе, непрерывность временной перспективы и единство жизненного пространства личности; 4) «цельность» как способность реализовывать в деятельности и субъектной активности значимые жизненные цели и ценности.

Системное описание разрушающей личности как «структурированной целостности» предполагает выявление иерархически организованных разноуровневых параметров, например: 1) астенического темперамента в структуре индивидуально-типологических особенностей личности; 2) дисгармонических стилей организации деятельности; 3) асоциальных (или антисоциальных) мотивов в ценностно-смысловой сфере; 4) дезадаптивных стратегий совладания [Злоказов К.В., Прядеин В.П., 2014]. Модель не является исчерпывающей, однако ее существенным достоинством является интеграция индивидуальных, субъектных и личностных свойств человека.

Стоит отметить, что деструктивность как системное свойство личности не только проявляется в стремлении к разрушению объектов и структур, но и одновременно представляет собой результат этого процесса [Злоказов К.В., Прядеин В.П., 2014]. Открытость и неравновесность системы, ее пребывание в метастабильном состоянии подразумевает постоянное нарушение сложившегося внутреннего порядка под воздействием внешних событий. Деструкция сложившихся взаимосвязей в системе личности обусловлена непрерывностью процесса самоорганизации системы, поддержанием устойчивости благодаря постоянным измене-

ниям [Marchenko O.V., Martseniuk L.V., 2020]. Внутриличностная динамика может быть представлена в виде колебаний между полюсами упорядоченности и хаоса, созидания и разрушения. Частичное саморазрушение системы необходимо для перестройки имеющейся конфигурации системных взаимосвязей [Пьянкова С.Д., 2009].

Таким образом, внешние формы проявления деструктивности могут рассматриваться как следствие или результат протекания внутренних дезинтеграционных процессов в системе личности (фаза дифференциации). Разрушение связей во внутриличностной структуре отражается во внешнем плане в виде разрушения связей с собственным телом, причинения вреда самому себе, своему здоровью и благополучию, а также в виде разрушения межличностных и социальных связей и отношений, в экзистенциальном аспекте — любых форм связанности человека с миром. При этом ключевым отличием деструкции от агрессии является произвольный выбор объекта и постановка цели, поэтому формирование деструктивной направленности обусловлено новой интеграцией личностных подсистем, задействованных в реализации произвольных разрушительных актов (фаза интеграции). Реализация деструктивности может активировать системы эмоциональной саморегуляции, уровневые механизмы самодетерминации личности, системы планирования, целеполагания и произвольной регуляции деятельности, целостно-смысловые подсистемы личности и т.д.

Результаты исследования

Переживание личностью собственной деструктивности: интеграционный и дезинтеграционный аспекты

Согласно системному подходу к исследованию личности, деструктивное поведение не только служит формой пассивного эмоционального реагирования на ситуацию, но и выступает в качестве самодетерминированной активности, реализующейся в виде спонтанных разрушительных интенций, произвольных инициаций деструктивной деятельности, смысловых выборов в пользу деструкции [Костромина С.Н., Филатова А.Ф., 2023]. Свобода личности, проявляющаяся в том числе в деструктивных формах, укоренена в способности живой системы к

самоорганизации — внутренней генерации энергии, требующей, с одной стороны, диссипации (рассеивания в разных формах активности) для поддержания внутреннего порядка, и с другой — определяющей перестройку внутренних связей и, как следствие, переход к новому порядку (новому уровню организационной структуры). Очевидно, что данные процессы тем или иным образом переживаются человеком. Он ощущает нарастание хаоса (например, в виде смятения, сомнения, навязчивых мыслей и т.д.), рассогласованности (например, мыслей и чувств), нарастания напряжения, которое необходимо сбросить. Многие из этих состояний описываются в психологической литературе как неосознаваемые (например, внутренний конфликт или невротическое состояние в психодинамическом подходе). В то же время существует достаточно много жизненных ситуаций, сопровождающихся переживанием личностью собственной деструктивности. В таких ситуациях субъект разрушения осознает себя причиной и автором деструктивных действий и поступков. Феноменологическое описание подобных ситуаций подразумевает анализ того, каким образом человек переживает и проявляет собственную деструктивность в повседневной жизни, какое значение приписывает своему поведению и как оно может быть связано с устойчивыми характеристиками системы личности, например, с системой жизненных ценностей и смыслов. Эти вопросы выдвигают на первый план не «объектное», а субъектное понимание деструктивности личности, во многом связан-

ное с личной оценкой и рефлексией собственных действий. В фокусе внимания оказывается деструктивность не как поведенческий акт и не как черта личности (стойкий поведенческий паттерн), а субъективное «чувствование» своих поступков по отношению к другим и к себе. Это объясняет, почему многие объективно совершаемые деструктивные действия не рассматриваются их авторами как наносящие существенный вред себе и другим (например, акты вандализма). И наоборот, незначительные с точки зрения других людей поступки, переживаются совершившими их как деструктивные или аутодеструктивные, сопровождаясь чувством вины и стыда (например, не поздравил(а) друга с днем рождения, пренебрег(ла) своими интересами из-за уступки партнеру и т.п.).

Под переживанием личностью собственной деструктивности мы понимаем особую внутреннюю деятельность по реконструкции, реструктурированию и осмыслению проявлений собственной деструктивной активности. Деятельность переживания направлена на смыслопостроение, преодоление трудной жизненной ситуации, а также на интеграцию жизненного опыта личности [Василюк Ф.Е., 1984; Зиновьева Е.В., Костромина С.Н., 2022]. Основываясь на проведенном теоретическом обзоре, мы можем сформулировать предположение о существовании интеграционных и дезинтеграционных личностных процессов, включенных в процесс переживания собственной деструктивности (таблица).

Структура переживания личностью собственной деструктивности

Structure of personality's experience of one's own destructiveness

<i>Дезинтеграционные аспекты</i>	<i>Интеграционные аспекты</i>
Переживание аффекта	Включенность рефлексивного сознания (означивание ситуации категорией деструкции и деструктивного)
Чувства тревоги, страха, обиды, вины, стыда	Эмоциональная саморегуляция и спонтанная самодетерминация личности
Ощущение амбивалентности, внутреннего противоречия или конфликта	Осознание себя в качестве субъекта деструкции, принятие субъектной позиции, деятельностная самодетерминация
Когнитивная оценка ситуации как стрессовой, конфликтной, кризисной или фрустрирующей	Смыслопостроение (поиск ответа на вопрос «Что эта ситуация означает лично для меня?»)
Переживание конфликта ценностей и жизненных смыслов	Ценностно-смысловая самодетерминация и саморегуляция, соотнесение личностного смысла ситуации с устойчивой структурой жизненных ценностей и смыслов личности
Новизна опыта и дефицит стратегий совладания	Соотнесение личностного смысла ситуации с опытом переживания деструктивности (интеграция жизненного опыта)

Дезинтегрирующие компоненты переживания собственной деструктивности могут включать ощущения внутреннего противоречия, конфликта, несвязности действий и намерений, которые часто сопряжены с аффектом, интенсивными негативными эмоциями. Усилить ощущение «психосоциального» конфликта может фиксация на чувствах вины и стыда, по определению являющихся социальными чувствами, связанными с негативной оценкой своего поведения с точки зрения социальной приемлемости и нормативности. Когнитивным аспектом дезинтеграции может выступать оценка ситуации как трудной или критической (по классификации Ф.Е. Василюка), а также оценка собственной личности как комплекса разноплановых элементов, противоречащих друг другу тенденций. Внешний мир представляется трудным, а внутренний мир — сложным [Василюк Ф.Е., 1984]. Конфликт ценностей и смыслов личности также может усиливать дезинтеграцию в процессе переживания собственной деструктивности. Например, таким конфликтом может выступить противоречие между ведущей базовой ценностью благосклонности к людям и ценностью самонаправления (по Ш. Шварцу) [Ценности и поведение..., 2022], т.е. конфликт между значимыми отношениями и свободой в реализации собственных идей, способностей, действий. Аналогично, нехватка адаптационных ресурсов и новизна опыта деструкции могут выступать факторами личностной дезинтеграции. Заметим, что такие критические периоды чаще всего становятся источником личностного роста, т.е. переломным моментом, запускающим интеграционные процессы на пути к обретению целостности личности на новом уровне структурной организации.

Интегрирующим личность процессом, который актуализируется в ходе переживания собственной деструктивности, является прежде всего рефлексия поведения с точки зрения его добровольности и причинной обусловленности, а именно осознание себя в качестве субъекта и причины деструкции. Важную роль здесь играет психосемантический компонент переживания — означивание ситуации и собственных действий категорией деструкции и деструктивного: «я разрушаю себя», «моя жизнь рушится», «мои отношения рушатся», «я веду себя деструктивно» и т.п. Предположительно, на

следующем этапе человек приписывает ситуации индивидуализированное значение с учетом жизненного контекста, конструирует личностный смысл ситуации как ее «значение для меня» [Леонтьев Д.А., 2007]. Далее личностный смысл ситуации соотносится с целостной индивидуальной и уникальной системой жизненных ценностей и смыслов личности. Параллельно могут осуществляться процессы эмоциональной и ценностно-смысловой саморегуляции, повышающие осознание контроля и возможностей управления своим поведением и поддерживающие ощущение внутренней целостности и устойчивости. Мы также предполагаем, что в ходе переживания деструктивности осуществляется действие разноуровневых механизмов самодетерминации (реализации свободы) личности [Костромина С.Н. и др., 2023]: механизмов спонтанной функциональной самодетерминации (спонтанный выбор наиболее оптимального способа взаимодействия с миром), субъектной самодетерминации (свободный выбор способов достижения цели) и ценностно-смысловой (самоопределение смысловых аспектов собственной жизни). Целостность личности обеспечивается возможностью осуществления разных вариантов свободного выбора в ситуациях, связанных с реализацией деструктивности. Наконец, завершающим моментом наиболее полной интеграции личности является соотнесение личностного смысла конкретной ситуации с жизненным опытом. Если переживание собственной деструктивности интегрируется в опыт, можно утверждать, что деятельность переживания, направленная на преодоление трудной жизненной ситуации, успешно завершена, наступил этап устойчивости, поддерживаемый внутренней связанностью и согласованностью личностных процессов и подструктур.

Заключение

Обзор психологической литературы показал, что формулирование конкретного теоретического подхода к проблеме деструктивности человека обусловлено пониманием личности как целостной или дифференцированной сущности. Это отражено в ранних психоаналитических концепциях деструкции. Так, С.Н. Шпильрейн вводит понятие деструкции, определяя его как «причину становления», условие интеграции

личностного и коллективного бессознательно. З. Фрейд, описывая интегративную подструктуру личности Эго, подчеркивает, что ее формирование обусловлено противоречивостью и хаотичностью бессознательного Ид, у которого Эго должно позаимствовать часть деструктивной энергии (мазохистичности), необходимую для согласования принципа удовольствия с принципом реальности. Личность, согласно классическому психоанализу, сохраняет целостность именно за счет дифференциации. Однако метод психоанализа не предполагает изучение феномена целостной личности: эта традиция скорее отдает предпочтение феномену психического «расщепления», дифференцированному рассмотрению целого с точки зрения конфликта и противоборства составляющих частей. Психоаналитические идеи о деструктивности и «влечении к смерти» неоднократно подвергались критике за «пессимистический» взгляд на природу человека.

Гуманистическая версия психодинамического подхода, изложенная в трудах А. Адлера и Э. Фромма, напротив, обращена к целостной и здоровой личности, ее «позитивной» природе. При этом проблема детерминации человеческой деструктивности либо намеренно исключается из рассмотрения (А. Адлер), либо освещается с точки зрения влияния на личность микро- и макросоциальных факторов, происхождение которых не уточняется (Э. Фромм).

Попытки строго научного осмысления разрушительности личности могут показаться затруднительными ввиду их сопряженности с этическими вопросами и проблемами морали. Кроме того, оперирование категориями созидания и разрушения, рассмотрение их в качестве физических и метафизических свойств человеческого бытия и природы в целом может выходить за пределы психологической науки в область философской диалектики.

Однако вопреки теоретическим и методологическим трудностям, деструктивность личности остается востребованной темой для социогуманитарных научных дисциплин. В области современных психологических исследований все больше внимания уделяется проблематике деструктивного поведения личности, его коррекции и профилактике. Большинство авторов подобных работ скорее придерживаются элементиалистского подхода к пониманию лич-

ности: паттерны деструктивного поведения или деструктивность как устойчивая черта рассматриваются в отрыве от целостной личности. Современное состояние исследовательской проблемы деструктивности личности характеризуется необходимостью создания моделей и концепций, которые позволят объяснить деструктивность личности во взаимосвязи с процессами поддержания целостности и устойчивости.

В качестве альтернативы предложен системный анализ деструктивной личности как структурированной целостности с опорой на процессуальный подход к исследованию. Будучи системным свойством, деструктивность не только проявляется в стремлении к разрушению объектов и структур, но и одновременно представляет собой результат этого процесса. Деструкция является следствием самоорганизации и самодетерминации системы личности, ее процессуальной природы, поддержанием устойчивости за счет непрерывной изменчивости. Результаты проведенного теоретического анализа психологической литературы позволяют заключить, что феномен переживания личностью собственной деструктивности может рассматриваться с точки зрения наличия в нем интеграционных и дезинтеграционных аспектов. Мы полагаем, что доминирующей тенденцией является поддержание целостности и устойчивости, поскольку деятельность по преодолению трудных жизненных ситуаций (деятельность переживания) направлена в первую очередь на интеграцию подсистем личности и ее жизненного опыта.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00308 (2024–2026) «Процессуальная модель целостности личности: теоретическое обоснование и эмпирические референты».

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00308 (2024–2026) «Procedural model of personality integrity: theoretical justification and empirical referents».

Список литературы

Адлер А. Влечение к агрессии в жизни и в

неврозе // Отчет о первом частном Психоаналитическом собрании в Зальцбурге 27 апреля 1908 года / пер. с нем. М.М. Бочкаревой; сост. и ред. О. Ранк. Ижевск: Ergo, 2011. С. 27–28.

Антипова Е.А., Ларионова А.В., Орлова В.В. Деструктивное поведение в проблемном поле гуманитарной науки // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4(39). С. 128–137. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1052](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1052)

Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.

Ганзен В.А. Восприятие целостных объектов. Системные описания в психологии. СПб.: URSS, 2007. 320 с.

Гребеницкова Л.Г. К вопросу о соотношении понятий «деструктивное», «агрессивное» и «девиантное» поведение // Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 апреля 2011 г.) / под ред. А.С. Берберян и др. Пенза; Шадринск; Ереван: НИЦ «Социосфера», 2011. С. 61–67.

Гришина Н.В., Костромина С.Н. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 3. С. 39–51. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920014166-8>

Гроуиттейн Дж.С. Расщепление и проективная идентификация / пер. с англ. И. Кушнарева. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2017. 224 с.

Дорфман Л.Я., Злоказов К.В. Метаиндивидуальная модель деструктивности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14, № 1. С. 105–122.

Зиновьева Е.В., Костромина С.Н. Интеграция опыта: между прошлым и будущим // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, вып. 2. С. 186–203. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.207>

Зинчук М.С., Аведисова А.С., Гехт А.Б. Несуицидальное самоповреждающее поведение при психических расстройствах непсихотического уровня: эпидемиология, социальные и клинические факторы риска // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. Т. 119, № 3. С. 108–119. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119031108>

Злоказов К.В. Деструктивное социальное поведение. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2017. 183 с.

Злоказов К.В. Роль насилия в деструктивном поведении: эмпирическое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД

России. 2018. № 4(80). С. 188–192.

Злоказов К.В., Прядеин В.П. Деструктивность личности: социально-психологическое исследование. Сургут: Изд-во СурГПУ, 2014. 178 с.

Кларк М. Отношения Эго и Самости в клинической практике: путь к индивидуации / пер. с англ. И. Бранис и др. М.: Когито-Центр, 2022. 96 с.

Клейберг Ю.А. Фронтиры деструктивного поведения как девиантогенный концепт // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: деструктивное поведение: сб. тезисов VIII Всерос. межведомственной науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 16 ноября 2023 г.). Н. Новгород: Изд-во НИНГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 116–119.

Костромина С.Н., Гришина Н.В. Процессуальный подход в психологии личности // Научные подходы в современной отечественной психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев и др. М.: Ин-т психологии РАН, 2023. С. 504–524.

Костромина С.Н., Филатова А.Ф. Детерминизм и самодетерминация в анализе личностной деструктивности // Вестник Удмуртского Университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 33, № 3. С. 232–244.

Костромина С.Н., Филатова А.Ф., Москвичева Н.Л., Зиновьева Е.В., Одинцова М.М. Комплементарная модель самодетерминации личности // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20, № 1. С. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.21702/grj.2023.1.6>

Лаплани Ж. Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / пер. с фр. Н.С. Автономовой, науч. ред. А.М. Руткевич. М.: Высш. шк., 1996. 623 с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 512 с.

Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.

Малых С.Б. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3, № 1. С. 118–120. DOI: <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-118-120>

Нестеренко Т.И., Белая О.А. Психоанализ деструктивности (на примере повести В. Вересаева «Без дороги») // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. 19, вып. 4. С. 150–157. DOI: <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2022-19-4-150-157>

Профилактика деструктивного поведения в молодежной среде: хрестоматия / сост. И.Ф. Шиляева, Ю.А. Федорова. Уфа: Изд-во

БГПУ им. М. Акмуллы, 2019. 169 с.

Пьянкова С.Д. Нелинейность развития как психологический феномен и литературный мотив // Психологические исследования. 2009. Т. 2, № 3. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1011/550> (дата обращения: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1011>

Решетников М.М., Авакумов С.В., Баранов Ю.А. и др. Психоанализ деструктивного поведения // Психоанализ: учеб. для вузов / под ред. М.М. Решетникова. М.: Юрайт, 2020. С. 239–252.

Розенберг Б. Мазохизм смерти и мазохизм жизни / пер. с фр. А.И. Коротецкой. М.: Когито-Центр, 2018. 212 с.

Самойлик Н.А. Диагностика деструктивного поведения: постановка проблемы // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 1(21). С. 80–86.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Полное собр. соч.: в 26 т. Т. 13: Статьи по метапсихологии / пер. с нем. С.С. Панкова. СПб.: Изд-во ВЕИП, 2020. С. 193–255.

Фрейд З. Экономическая проблема мазохизма // Захер-Мазох Л. фон, Делез Ж., Фрейд З. Венера в мехах (сборник работ) / сост., пер. с нем. и фр. А.В. Гараджи. М.: Культура, 1992. С. 349–364.

Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Полное собр. соч.: в 26 т. Т. 14: Статьи по метапсихологии – 2 / пер. с нем. С.С. Панкова. СПб.: Изд-во ВЕИП, 2020. 384 с.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ, 2017. 736 с.

Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А.В. Александровой. М.: АСТ, 2021. 288 с.

Хьелл Л.А., Зиглер Д.Дж. Теории личности / пер. с англ. А.В. Соломиной. 3-е изд. СПб.: Питер, 2018. 608 с.

Ценности и поведение. Кросс-культурный подход / пер. с англ. О.В. Панасевой; под ред. С. Роккас, Л. Сагив. СПб.: Гуманитарный центр, 2022. 332 с.

Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В. Личностная деструктивность: эгоцентризм и стереотипия как продукты эго-центрации и ментальной избирательности в подростковом возрасте // Психология деструктивного поведения: Факторы риска и профилактика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Ярославль, 19 мая 2023 г.) / под науч. ред. И.Ю. Тархановой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2023. С. 193–200.

Шпильрейн С.Н. Деструкция как причина становления // Шпильрейн С.Н. Над временем и судьбой: сб. ст. / сост., вступ. ст. Ф.Р. Филатова.

Ростов н/Д: Мини Тайп, 2020. С. 5–30.

Шниц Р. Агрессия: ее роль в установлении объектных отношений // Форум агрессологии. 2012. Т. 2, № 2. С. 207–218.

Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. А.А. Спектор. Минск: Харвест, 2004. 400 с.

Hamza Ch.A., Willoughby T., Heffer T. Impulsivity and nonsuicidal self-injury: A review and meta-analysis // Clinical psychology review. 2015. Vol. 38. P. 13–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2015.02.010>

Kolbeck K., Moritz S., Bierbrodt J., Andreou Ch. Borderline Personality Disorder: Associations Between Dimensional Personality Profiles and Self-Destructive Behaviors // Journal of Personality Disorders. 2019. Vol. 33, iss. 2. P. 249–261. DOI: https://doi.org/10.1521/pedi_2018_32_346

Magnusson D., Törestad B. A holistic view of personality: A model revisited // Annual Review of Psychology. 1993. Vol. 44. P. 427–452. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.44.020193.002235>

Marchenko O.V., Martseniuk L.V. Human destructiveness in the existing practices of late modernism violence: Positive and negative dimensions // Anthropological Measurements of Philosophical Research (Антропологічні виміри філософських досліджень). 2020. No. 17. P. 41–54. DOI: <https://doi.org/10.15802/ampr.v0i17.206686>

Matera E., Margari M., Serra M., Petruzzelli M.G. et al. Non-Suicidal Self-Injury: An Observational Study in a Sample of Adolescents and Young Adults // Brain sciences. 2021. Vol. 11, iss. 8. URL: <https://www.mdpi.com/2076-3425/11/8/974/pdf?version=1627289596> (accessed: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/brainsci11080974>

Mischel W. Toward an integrative science of the person // Annual Review of Psychology. 2004. Vol. 55. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.042902.130709>

Moore Fh.R., Doughty H., Neumann T., McClelland H., Allott C., O'Connor R.C. Impulsivity, aggression, and suicidality relationship in adults: A systematic review and meta-analysis // eClinicalMedicine. 2022. Vol. 45. URL: <https://www.thelancet.com/action/showPdf?pii=S2589-5370%2822%2900037-2> (accessed: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2022.101307>

Rong F., Wang M., Peng Ch., Cheng J., Ding H., Wang Y., Yu Y. Association between problematic smartphone use, chronotype and nonsuicidal self-injury among adolescents: A large-scale study in

China // Addictive behaviors. 2023. Vol. 144. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S030646032300120X?via%3Dihub> (accessed: 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2023.107725>

Wagner J., Orth U., Bleidorn W., Hopwood Ch.J., Kandler Ch. Toward an integrative model of sources of personality stability and change // Current Directions in Psychological Science. 2020. Vol. 29, iss. 5. P. 438–444. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721420924751>

References

Adler, A. (2011). [Aggressive drive in life and in neurosis]. *Otchet o pervom chastnom Psikhoanaliticheskom sobranii v Zal'tsburge 27 aprelya 1908 goda, sost. i red. O. Rank* [O. Rank (ed.) Report on the first private Psychoanalytic Meeting in Salzburg 27 April 1908 (text)]. Izhevsk: ERGO Publ., p. 27–28.

Antipova, E.A., Larionova, A.V. and Orlova, V.V. (2020). [Destructive behavior in the problematic field of humanities]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium* [Journal of Wellbeing Technologies]. No. 4(39), pp. 128–137. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1052](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1052)

Clark, M. (2022). *Otnosheniya Ego i Samosti v klinicheskoy praktike: put' k individuatsii* [Relationships of Ego and Self in clinical practice: the path to individuation]. Moscow: Cogito-Tsentr Publ., 96 p.

Dorfman, L.Yu. and Zlokazov, K.V. (2017). [A meta-individual model of destructive patterns]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 14, no. 1, pp. 105–122.

Freud, S. (1992). [The economic problem of masochism]. *Zakher-Mazokh L fon, Delez Zh., Freyd Z. Venera v mekhah (sbornik rabot)* [Sacher-Masoch L. von, Deleuze J., Freud S. Venus in furs (collection of works)]. Moscow: Kul'tura Publ., pp. 349–364.

Freud, S. (2020). [Beyond the pleasure principle]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 26 t. T. 13: Stat'i po metapsikhologii* [The complete collection of works: in 26 vols. Vol. 13: Articles on metapsychology]. St. Petersburg: VEIP Publ., pp. 193–255.

Freud, S. (2020). [Ego and Id]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 26 t. T. 14: Stat'i po metapsikhologii – 2* [The complete collection of works: in 26 vols. Vol. 14: Articles on metapsychology – 2]. St. Petersburg: VEIP Publ., 384 p.

Fromm, E. (2017). *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The anatomy of human destructive-

ness]. Moscow: AST Publ., 736 p.

Fromm, E. (2021). *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow: AST Publ., 288 p.

Ganzen, V.A. (2007). *Vospriyatie tselostnykh ob'ektov. Sistemnye opisaniya v psikhologii* [Perception of holistic objects. Systemic descriptions in psychology]. St. Petersburg: URSS Publ., 320 p.

Grebenschikova, L.G. (2011). [Towards the correlation between the concepts of «destructive», «aggressive» and «deviant» behaviour]. *Detstvo, otrochestvo i yunost' v kontekste nauchnogo znaniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (25–26 aprelya 2011 g.)* [The childhood, adolescence and youth in a context of scientific knowledge: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (April 25–26, 2011)]. Penza, Shadrinsk, Yerevan: Sotsiosfera Publ., pp. 61–67.

Grishina, N.V. and Kostromina, S.N. (2021). [Processual approach: stability and variability as a foundation of wholeness]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 42, no. 3, pp. 39–51. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920014166-8>

Grotstein, J.S. (2017). *Rasscheplenie i proektivnaya identifikatsiya* [Splitting and projective identification]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 224 p.

Hamza, Ch.A., Willoughby, T. and Heffer, T. (2015). Impulsivity and nonsuicidal self-injury: A review and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*. Vol. 38, pp. 13–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2015.02.010>

Hjelle, L.A. and Ziegler, D.J. (2018). *Teorii lichnosti* [Personality theories: Basic assumptions, research and applications]. St. Petersburg: Piter Publ., 608 p.

Jung, C.G. (2004). *Dusha i mif: shest' arkhетipov* [Soul and myth: Six archetypes]. Minsk: Harvest Publ., 400 p.

Kleyberg, Yu.A. (2024). [Frontiers of destructive behaviour as a deviantogenic concept]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskoy praktiki v silovykh strukturakh: destruktivnoe povedenie: sbornik tezisov VIII Vserossiyskoy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Nizhniy Novgorod, 16 noyabrya 2023 g.)* [Actual Problems of Psychological Practice in Power Structures: Destructive Behavior: a collection of abstracts of the 8th All-Russian Interdepartmental Scientific-Practical Conference (Nizhny Novgorod, Nov. 16, 2023)]. Nizhniy Novgorod: NNSU Publ., pp. 116–119.

Kolbeck, K., Moritz, S., Bierbrodt, J. and Andreou, Ch. (2019). Borderline personality disorder: Associations between dimensional personality profiles

and self-destructive behaviors. *Journal of Personality Disorders*. Vol. 33, iss. 2, pp. 249–261. DOI: https://doi.org/10.1521/pedi_2018_32_346

Kostromina, S.N. and Filatova, A.F. (2023). [Determinism and self-determination in the analysis of personality destructiveness]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya:Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 33, no. 3, pp. 232–244.

Kostromina, S.N., Filatova, A.F., Moskvichyova, N.L., Zinov'eva, E.V. and Odincova, M.M. (2023). [A complementary model of personality self-determination]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian Psychological Journal]. Vol. 20, no. 1, pp. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.6>

Kostromina, S.N. and Grishina, N.V. (2023). [Processual approach in personality psychology]. *Nauchnye podkhody v sovremennoy otechestvennoy psikhologii, otv. red. A.L. Zhuravlev i dr.* [A.L. Zhuravlev et al. (eds.) Scientific approaches in modern Russian psychology]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 504–524.

Laplanche, J. and Pontalis, J.-B. (1996). *Slovar' po psikhoanalizu* [The language of psycho-analysis]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 623 p.

Leont'ev, D.A. (2007). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality]. Moscow: Smysl Publ., 512 p.

Lomov, B.F. (1975). [About the system approach in psychology]. *Voprosy Psikhologii*. No. 2, pp. 31–45.

Magnusson, D. and Törestad, B. (1993). A holistic view of personality: A model revisited. *Annual Review of Psychology*. Vol. 44, pp. 427–452. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.44.020193.002235>

Malykh, S.B. (2023). [Prevention of aggression and destructive behavior of youth: an analysis of world experience]. *Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal* [Russian Journal of Deviant Behavior]. Vol. 3, no. 1, pp. 118–120. DOI: <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-118-120>

Marchenko, O.V., Martseniuk, L.V. (2020). Human destructiveness in the existing practices of late modernism violence: Positive and negative dimensions. *Anthropological Measurements of Philosophical Research*. No. 17, pp. 41–54. DOI: <https://doi.org/10.15802/ampr.v0i17.206686>

Matera, E., Margari, M., Serra, M., Petruzzelli, M. G. et al. (2021). Non-suicidal self-injury: an observational study in a sample of adolescents and young

adults. *Brain Sciences*. Vol. 11, iss. 8. Available at: <https://www.mdpi.com/2076-3425/11/8/974/pdf?version=1627289596> (accessed 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.3390/brainsci11080974>

Mischel, W. (2004). Toward an integrative science of the person. *Annual Review of Psychology*. Vol. 55, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.042902.130709>

Moore, Fh.R., Doughty, H., Neumann, T., McClelland, H., Allott, C., O'Connor, R.C. (2022). Impulsivity, aggression, and suicidality relationship in adults: A systematic review and meta-analysis. *eClinicalMedicine*. Vol. 45. Available at: <https://www.thelancet.com/action/showPdf?pii=S2589-5370%2822%2900037-2> (accessed 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2022.101307>

Nesterenko, T.I. and Belaya, O.A. (2022). [Psychoanalysis of destructiveness (on the basis of V. Veresaev's work «Without a road»)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East]. Vol. 19, iss. 4, pp. 150–157. DOI: <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2022-19-4-150-157>

P'yankova, S.D. (2009). [Nonlinearity of development: a psychological phenomenon and a literary motif]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]. Vol. 2, no. 3. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1011/550> (accessed 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1011>

Reshetnikov, M.M., Avakumov, S.V., Baranov, Yu.A. et al. (2020). [Psychoanalysis of destructive behavior]. *Psihoanaliz, pod red. M.M. Reshetnikova* [M.M. Reshetnikov (ed.) Psychoanalysis]. Moscow: Urait Publ., pp. 239–252.

Rokkas, S. and Sagiv, L. (eds.) (2022). *Tsenosti i povedenie. Kross-kul'turnyy podkhod* [Values and behavior: Taking a cross cultural perspective]. St. Petersburg: Gumanitarnyy tsentr Publ., 332 p.

Rong, F., Wang, M., Peng, Ch., Cheng, J., Ding, H., Wang, Y. and Yu, Y. (2023). Association between problematic smartphone use, chronotype and nonsuicidal self-injury among adolescents: A large-scale study in China. *Addictive Behaviors*. Vol. 144. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S030646032300120X?via%3Dihub> (accessed 23.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2023.107725>

Rozenberg, B. (2018). *Mazokhizm smerti i mazokhizm zhizni* [Masochism of death and masochism of life]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 212 p.

Samoylik, N.A. (2023). [The diagnosis of destructive behavior: Problem statement]. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk* [Theory and Practice of

Socio-Humanitarian Sciences]. No. 1(21), pp. 80–86.

Shilyaeva, I.F. and Fedorova, Yu.A. (eds.) (2019). *Profilaktika destruktivnogo povedeniya v molodezhnoy srede* [Prevention of destructive behavior among young people]. Ufa: BSPU Publ., 169 p.

Shneyder, L.B. and Symanyuk, V.V. (2023). [Personality destructiveness: egocentrism and stereotypy as products of ego-centrism and mental selectivity in adolescence]. *Psikhologiya destruktivnogo povedeniya: Faktory riska i profilaktika: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Yaroslavl', 19 maya 2023 g.)* [Psychology of Destructive Behavior: Risk Factors and Prevention: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yaroslavl, May 19, 2023)]. Yaroslavl: YSPu Publ., pp. 193–200.

Spielrein, S.N. (2020). [Destruction as the cause of coming into being]. *Spielrein S.N. Nad vremenem i sud'boy: sb. statey* [Sabina Spielrein: over time and fate: Collection of articles]. Rostov-on-Don: Mini Taip Publ., pp. 5–30.

Spitz, R. (2012). [Aggression: its role in establishing object relations]. *Forum agressologii* [Forum of aggressology]. Vol. 2, no. 2, pp. 207–218.

Vasilyuk, F.E. (1984). *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [Psychology of experiencing (analysis of critical situations)]. Moscow: MSU Publ., 200 p.

Wagner, J., Orth, U., Bleidorn, W., Hopwood, Ch.J. and Kandler, Ch. (2020). Toward an integrative model of sources of personality stability and change. *Current Directions in Psychological Sci-*

ence. Vol. 29, iss. 5, pp. 438–444. DOI:

<https://doi.org/10.1177/0963721420924751>

Zinchuk, M.S., Avedisova, A.S. and Gekht, A.B. (2019). [Nonsuicidal self-injury behavior in non-psychotic disorders: epidemiology, social and clinical risk factors]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova* [S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry]. Vol. 119, no. 3, pp. 108–119. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119031108>

Zinov'eva, E.V. and Kostromina, S.N. (2022). [Experience integration: Between the past and the future]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology]. Vol. 12, iss. 2, pp. 186–203. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.207>

Zlokazov, K.V. (2017). *Destruktivnoe sotsial'noe povedenie* [Destructive social behavior]. Ekaterinburg: USPU Publ., 183 p.

Zlokazov, K.V. (2018). [The role of violence in destructive behavior: empirical research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 4(80), pp. 188–192.

Zlokazov, K.V. and Pryadein, V.P. (2014). *Destruktivnost' lichnosti: sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie* [Destructiveness of personality: socio-psychological study]. Surgut: SSPU Publ., 178 p.

Об авторах

Филатова Анастасия Филипповна

ассистент кафедры психологии личности

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: a.filatova@spbu.ru
ResearcherID: KMX-1992-2024

Костромина Светлана Николаевна

доктор психологических наук, профессор,
и.о. декана факультета психологии,
заведующая кафедрой психологии личности

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: s.kostromina@spbu.ru
ResearcherID: N-4254-2013

About the authors

Anastasiya F. Filatova

Assistant Lecturer of the Department
of Personality Psychology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: a.filatova@spbu.ru
ResearcherID: KMX-1992-2024

Svetlana N. Kostromina

Doctor of Psychology, Professor,
Acting Dean of the Faculty of Psychology,
Head of the Department of Personality Psychology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: s.kostromina@spbu.ru
ResearcherID: N-4254-2013

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.34

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-429-438>

EDN: WNCHKW

Поступила: 16.04.2024

Принята: 24.06.2024

Опубликована: 03.10.2024

**ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛОВ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ***Соловьев Семен Сергеевич, Кибанова Юлия Николаевна**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

В статье рассмотрены определения социального и культурного капиталов через призму социологической науки. Также приведены виды социального капитала: открытый и закрытый. Виды культурного: инкорпорированный, объективированный и институционализированный. Сделан акцент на основных факторах социального капитала — доверие, нормы взаимности и социальные сети. Роберт Патнем выделяет индикаторы, на основе которых можно измерить уровень социального капитала. Авторы дали определение габитусу как одному из важных индикаторов формирования культурного капитала. В статье указаны факторы, которые влияют на культурное просвещение, среди которых: уровень образования, среда и семья, круг общения. Актуализирована значимость социального и культурного капиталов для студенческой молодежи. Рассмотрено соотношение капиталов в контексте социально-экономических условий. Через функции капиталов выявляется их взаимосвязь и влияние друг на друга. Также опираясь на специфику формирования капиталов, авторы определили их взаимосвязь в студенческой среде. Сделано предположение о том, почему в обществе неравномерно распределены данные виды капиталов. Также авторы выявили, что закрытый социальный капитал в связке с инкорпорированным культурным капиталом способствуют развитию внутригруппового доверия. Выделена внеучебная деятельность как фактор связи культурного и социального капиталов. Семейная реликвия является аспектом, в котором совмещены рассматриваемые капиталы. Народное творчество (фольклор) представлено в виде фактора, объединяющего капиталы. Образование является воплощением культурного капитала в инкорпорированной форме. Авторы дают определение постиндустриальному обществу для того, чтобы в дальнейшем указать его в качестве связывающего элемента. Методологией работы выступает структурно-функциональный подход Пьера Бурдьё.

Ключевые слова: социальный капитал, культурный капитал, фактор, взаимосвязь, внеучебная деятельность, студенческая молодежь.

Для цитирования:

Соловьев С.С., Кибанова Ю.Н. Взаимосвязь социального и культурного капиталов студенческой молодежи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 429–438.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-429-438>. EDN: WNCHKW

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SOCIAL AND CULTURAL CAPITALS OF STUDENTS

Semyon S. Solovyov, Yulia N. Kibanova

Perm State University (Perm)

The article examines the definitions of social and cultural capital through the prism of sociological science. The types of social capital are also given: open and closed. Types of cultural: incorporated, objectified and institutionalized. Emphasis is placed on the main factors of social capital - trust, norms of reciprocity and social networks. Robert Putnam identifies indicators on the basis of which the level of social capital can be measured. The authors defined habitus as one of the important indicators of the formation of cultural capital. The article identifies factors that influence cultural education. The factors are as follows: level of education, environment and family, social circle. The importance of social and cultural capital for students has been updated. The ratio of capitals is considered in the context of socio-economic conditions. Through the functions of capitals, their interrelation and influence on each other is revealed. Also based on the specifics of capital formation, the authors determined their relationship in the student environment. An assumption has been made about why these types of capital are unevenly distributed in society. The authors also found that closed social capital in conjunction with incorporated cultural capital contributes to the development of intragroup trust. Extracurricular activities are highlighted as a factor in the connection between cultural and social capital. The family heirloom is the aspect in which capitals are combined. Folk art (folklore) is presented as a factor that unites capital. Education is the embodiment of cultural capital in incorporated form. The authors define post-industrial society in order to further indicate it as a connecting element. The methodology of the work is the structural-functional approach of Pierre Bourdieu.

Keywords: social capital, cultural capital, factor, relationship, extracurricular activities, students.

To cite:

Solovyov S.S., Kibanova Yu.N. [The relationship between the social and cultural capitals of students]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 429–438 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-429-438>, EDN: WNCHKW

Сущности капиталов

В современном обществе понятие капитала приобретает все бóльшую значимость. Если раньше под капиталом понимали в первую очередь финансовые ресурсы, то сегодня это понятие расширилось и охватывает не только денежные средства, но и другие ресурсы, которые имеют социально-культурную природу. В частности, речь идет о социальном и культурном капиталах. Эти понятия все чаще становятся предметом различных научных исследований, включая социологические. Проблемой выступает противоречие между потребностью общества в социально и культурно интегрированных молодых людях и неразвитым меха-

низмом формирования социального и культурного капиталов студентов. В данной статье будет рассмотрено соотношение социального и культурного капиталов современных российских студентов. Можно предположить, что между социальным и культурным капиталами есть тесная взаимосвязь, т.к. формирование одного коррелирует с приобретением другого.

Социальный капитал — это ресурсы, которые человек может использовать благодаря своим личным связям и контактам в обществе, например, это могут быть знакомства в бизнесе, политике или общественной жизни. Современная наука выделяет открытый и закрытый типы социального капитала [Putnam R., 2001]. От-

крытый социальный капитал зачастую отождествляют с соединяющим, поскольку он возникает в широких общественных сетях, характеризующихся большим радиусом доверия, разделяемыми нормами и ценностями. Этот вид капитала способствует формированию широких социальных общностей, групп с различным уровнем внутреннего единства и коллективного действия. Рост открытого социального капитала позволяет обществу формировать единую, универсальную мораль, которая влияет на восприятие людьми друг друга, вне зависимости от их степени близости, как одинаково важных. Таким образом, открытый социальный капитал объединяет различных людей, социальные группы и общности. Его можно измерить через обобщенное доверие, общественные нормы и ценности.

Закрытый социальный капитал характерен для социальных групп, в которых индивиды преследуют собственные интересы. Его нередко рассматривают как связывающий, поскольку он объединяет членов конкретной группы на основе специфических норм и ценностей. Закрытый социальный капитал способствует формированию межличностного доверия внутри группы. Рост этого вида капитала формирует связи для удовлетворения индивидуальных потребностей и решения конкретных задач. Закрытый или связывающий социальный капитал базируется на ограниченной морали и узком радиусе доверия. Таким образом, закрытый социальный капитал объединяет людей со схожим нормами и ценностями, доверяющих друг другу в высокой степени. Его можно измерить через межличностное доверие, индивидуальные нормы и ценности.

Структура социального капитала включает три фактора: доверие, нормы взаимности и социальные сети [Putnam R., 2001]. Нормы взаимности и доверие относятся к самому индивиду, поэтому Р. Патнем делит их на индикаторы — сила контактов и их интенсивность, участие в общественных объединениях, доверие близкому кругу лиц, чувство безопасности и т.д. Данная трехфакторная модель помогает более глубоко рассмотреть сущность социального капитала. Раскроем значение индикаторов, силу контактов и их интенсивность — то, с какой частотой и продолжительностью общаются индивиды. Данная сила контактов может быть как слабой, так и сильной [Granovetter M.S., 1973].

Участие в общественных объединениях предполагает высокий уровень вовлеченности индивида в общественную жизнь.

Перейдем к рассмотрению понятия культурный капитал. Культурный капитал — это знания и навыки, которые приобретаются человеком благодаря образованию, культурным ценностям и увлечениям. Культурный капитал может выражаться в различных формах: например, это могут быть знания об искусстве, музыке, литературе и других культурных проявлениях. Культурный капитал может быть использован в качестве средства для социального продвижения, образования или личной самореализации. По форме принято выделять инкорпорированный, объективированный и институционализированный типы культурного капитала [Bourdieu P., 1986].

Инкорпорированный культурный капитал выражается в неотъемлемых от индивида свойствах, таких как умения, навыки, знания и т.д. Для получения знаний, умений и навыков человек должен прикладывать собственные силы и время, а значит, этот процесс нельзя делегировать. Следовательно, этот вид капитала является неотъемлемым от его носителя, его нельзя мгновенно конвертировать в другие формы и виды капитала, но он может быть необходим для достижения определенных целей. Например, человек может купить автомобиль, но не сможет им пользоваться, не имея соответствующих умений и навыков. Отсюда можно сделать вывод, что инкорпорированный культурный капитал может быть измерен через его внешние проявления: эрудированность, наличие специфических знаний, умение ценить произведения искусства.

Объективированный культурный капитал выражается в предметах и может передаваться материально. В отличие от инкорпорированного, объективированный культурный капитал находится вне человека, следовательно, не может являться только характеристикой культурного капитала индивида. Например, приобретя произведение искусства, у человека не возникает навык культурного потребления этого произведения, нет однозначного вывода, что он будет получать удовольствие от созерцания/прослушивания и т.д. Можно сделать вывод, что объективированный культурный капитал тесно связан с инкорпорированным: не об-

ладая последним, индивид не может в полной мере реализовать свои возможности относительного первого. Измерить этот вид капитала можно при помощи подсчета соответствующих материальных предметов культуры. Такой капитал может быть легко конвертирован, например, в экономический [Радаев В.В., 2002] посредством продажи или в социальный в качестве возможности попасть в определенную статусную группу, «закрытый клуб».

Институционализированный культурный капитал представляет собой совокупность академических квалификаций. Наличие знаний, умений и навыков требует подтверждения, в то время как институциональное закрепление определенного статуса признается обществом, делает его легитимным. Институционализированный культурный капитал можно рассматривать как подтверждение наличия инкорпорированного культурного капитала в форме академических квалификаций. Этот вид культурного капитала может выступать мерой «ценности» индивида в обществе. Так, при трудоустройстве требуются документы, подтверждающие наличие специального образования; должность, зарплата могут зависеть от уровня квалификации, наличия поощрений, наградений и т.д. Институционализированный культурный капитал можно измерять через наличие соответствующих подтверждающих документов. Этот вид капитала может быть оценен, конвертирован или обменян на экономический капитал с гарантированной стоимостью, также он влияет на социальный капитал — например, статус эксперта, полученный индивидом, повышает доверие к нему.

О соотношении факторов развития капиталов

Соотношение социального и культурного капиталов может зависеть от социально-экономических условий и контекста. В России сегодня наблюдается неравномерное распределение социального и культурного капиталов среди разных социальных групп. На наш взгляд, наибольшее неравенство прослеживается у молодежи. На это может влиять культурное просвещение одних групп и недостаток этого просвещения у других. На культурное просвещение влияет несколько факторов:

1. Уровень образование. Данный фактор имеет большую значимость, ведь получая его, индивид впитывает эффективные знания и умения. Студенты, получающие высшее образование, изучают больше дисциплин, которые нацелены на получение общих знаний о мире. Таким образом, чем выше уровень образования, тем выше культурное просвещение у человека [Самарина И.С., 2009, с. 148–149].

2. Среда и семья. Место рождения и проживания индивида формируют его габитус (целостную систему восприятия и мироощущения). Габитус, в свою очередь, показывает, насколько индивид готов к культурному просвещению, т.к. его картина мира может подталкивать к развитию и росту [Bott E., 1957, p. 58–59].

3. Круг общения. Первичные и вторичные социальные группы оказывают большое влияние на рост культурного просвещения индивида. Именно через друзей происходит получение новых знаний, навыков и умений [Granovetter M.S., 1973].

Также соотношение социального и культурного капиталов может зависеть от личных предпочтений и интересов конкретного индивида. Так, у некоторых людей может быть больше интереса к культурному капиталу, в то время как у других — к социальному. Кроме того, социальный и культурный капиталы могут быть взаимосвязаны и взаимозависимы, т.к. обладание одним видом капитала способствует получению другого.

Культурный капитал обладает дифференцирующей функцией, т.е. делит людей по количеству приобретенного капитала. С его помощью человек может более эффективно наращивать свой социальный капитал через общение с более высокими по социальному статусу слоями населения.

Также те, кто обладают культурным капиталом в инкорпорированном состоянии, могут получить за него символическую прибыль, которая выражается в уважении, признании, в связях с престижными группами, что в итоге пополняет его социальный капитал [Мартиросян К.М., 2014].

При выстраивании социальных связей (наращивании социального капитала) индивиды делятся своими ценностями, навыками и т.д., следовательно, наращивая социальный капитал, человек может наращивать и культурный.

И, наконец, социальный капитал влияет на габитус, т.к. его формирование зависит и от окружающих людей, с которыми общается индивид.

Остановимся на рассмотрении соотношения между культурным и социальным капиталами у российских студентов. Образовательные учреждения нацелены на передачу компетенций молодому поколению. Компетенции, навыки и умения включаются в инкорпорированное состояние культурного капитала, они нужны студенту для успешного трудоустройства, которое сопровождается общением с другими людьми, следовательно, наращиванию социального капитала.

Стоит упомянуть внеучебную деятельность, ведь она также показывает связь между культурным и социальным капиталами. Студент, активно участвующий во внеучебных мероприятиях, повышает уровень своего социального капитала через знакомство и общение с людьми из других сфер или социальных групп. Также существует возможность знакомства с людьми, занимающими высокое положение в обществе, что позволяет повысить эффективность использования социального капитала в перспективе.

Именно в университете студенты содержательно больше взаимодействуют с другими людьми, впитывая нормы и правила, которые относятся сразу к обоим видам капитала.

Например, участие студентов и преподавателей вместе во внеучебной деятельности позитивно сказывается на их взаимном доверии друг к другу, что относится к фактору формирования социального капитала. Также на подобных мероприятиях общение студентов и преподавателей влияет и на уровень культурного капитала посредством обмена опытом, знаниями и умениями. Это пример взаимосвязи инкорпорированного культурного капитала и социального капитала [Кошкин А.П., Новиков А.В., 2017, с. 71–72].

Стоит указать на взаимосвязь закрытого социального капитала с культурным в различных его воплощениях. Закрытый социальный капитал ограничивает доступность вхождения в социальную группу для новых членов. Влияние инкорпорированного культурного капитала на данный вид социального капитала заключается в формировании элитарного сознания (чувства избранности) у членов социальной группы.

Следовательно, доступ к определенным знаниям, умениям и навыкам, объединяющим и формируемым в этой группе, будет только у ее членов, и не получит широкого распространения за ее пределами. Получение же таких «элитарных» знаний, умений и навыков можно рассматривать как способ вхождения в такую группу. Без них индивид не сможет эффективно нарастить закрытый вид социального капитала, т.е. войти в некий «закрытый клуб» [Игумнов О.А., 2019, с. 45].

В свою очередь, закрытый социальный капитал способствует делению индивидов на группы по интересам. Люди, обладающие схожими знаниями, умениями и навыками объединяются на их основе и формируют специфические взаимодействия, благодаря чему возникают группы с большим радиусом доверия. Чем больше оснований для взаимодействия, чем чаще происходят такие контакты, тем более доверительные отношения возникают между членами группы. Таким образом, закрытый социальный капитал при развитии инкорпорированного культурного капитала способствует повышению внутригруппового доверия [Гордеева С.С., Маркова Ю.С., 2021].

Например, внеучебная деятельность в университете делится на комитеты (комитет науки, комитет культуры, комитет спорта, комитет профориентации). В рамках каждого комитета объединяются студенты со схожими интересами. Собственные умения и навыки в соответствии с тематикой комитета позволяют студенту занять определенное положение, на основе которого выстраиваются социальные взаимоотношения с другими студентами. Таким образом, инкорпорированный культурный капитал, реализуемый студентам в процессе внеучебной деятельности, позволяет наращивать закрытый социальный капитал — включение в «закрытый клуб». Включенность в комитет открывает студенту доступ к новым возможностям, например, к участию в различных школах, т.е. закрытый социальный капитал позволяет наращивать инкорпорированный культурный капитал [Гисматуллина Э.К., 2011].

Взаимосвязь закрытого социального капитала с объективированным культурным капиталом можно проследить в процессе формирования определенного схожего габитуса [Большаков Н.В., 2013, с. 10–12]. В социальных группах

с высоким радиусом доверия формируется специфическое восприятие определенных предметов материальной культуры. В качестве примера можно рассмотреть семейные реликвии — вещи, которые обладают особой значимостью для узкой группы, членов семьи, но могут не иметь никакой ценности для всех остальных. Ценность такой семейной реликвии заключается именно в том, как она воспринимается, в чем ее смысл для каждого члена семьи. Эта ценность носит нематериальный, не экономический характер. Когда кто-либо из членов семьи перестает разделять нормы других членов, формирует собственный, отличный габитус, семейные реликвии перестают быть для него ценными. Таким образом объективированный культурный капитал возникает, в том числе, благодаря закрытому социальному капиталу членов определенной группы. В свою очередь, закрытый культурный капитал формируется посредством общего восприятия элементов объективированного культурного капитала всеми членами группы. Именно культурный капитал дает возможность осознавать предметы и видеть в них смысл.

Влияние закрытого социального капитала на институционализированный культурный капитал можно проследить в профессиональной сфере. Повышая свои умения, приобретая новые профессиональные знания, т.е. увеличивая свой инкорпорированный культурный капитал, индивид может получить признание в профессиональной сфере только от ближайших коллег. В то же время существуют различные аттестации, квалификации, конкурсы профессионального мастерства, принимая участия в которых и получая оценку, индивид обретает свидетельства и сертификаты, которые являются ценными в его профессиональном сообществе, повышают его статус внутри профессиональной группы. Таким образом, подтверждая свои знания, умения и навыки внутри профессионального сообщества, индивид наращивает свой институционализированный культурный капитал. А рост институционализированного культурного капитала открывает для индивида новые двери в профессиональном плане: повышение статуса, карьерные перспективы, рост авторитета и т.д., следовательно, рост одного капитала ведет к росту второго.

Далее стоит рассмотреть взаимосвязь различных видов культурного капитала с открытым социальным капиталом. Как говорилось ранее, открытый социальный капитал представляет собой широкий спектр доверия и разделение большим количеством людей общих норм, ценностей, а также элементов культуры [Рогозин Д.М., 2023]. Одним из таких элементов выступает народное творчество или фольклор. Данный вид творчества чаще всего выражается в виде сказок, притч и т.д., которые не выражены материально, а следовательно, являются инкорпорированным культурным капиталом. Другими словами, передача народного творчества из уст в уста целым народом, который составляет открытый социальный капитал, является ярким примером взаимосвязи инкорпорированного культурного капитала и открытого социального капитала.

Более подробно стоит рассмотреть взаимосвязь открытого социального капитала в контексте постиндустриального общества. Постиндустриальное общество — общество с более развитой информатизацией и сферой услуг [Домакур О.В., 2016, с 40–41]. В связи с модернизацией общества появляются новые профессии, которые смогут удовлетворять потребности изменившейся экономики [Солодовников С.Ю., 2015]. Следовательно, населению приходится получать новые компетенции, которые будут закреплены и будут составлять институционализированный культурный капитал. Однако образование постиндустриального общества также претерпело существенные изменения и частично перешло в онлайн-формат. Таким образом, поменялась форма наращивания социального капитала, а следовательно, и форма получения культурного капитала.

Следующий пример демонстрирует взаимосвязь открытого социального капитала, инкорпорированного и институционализированного культурного капиталов в студенческой среде [Мантерис А., 2019, с. 37–39]. Как ранее говорилось, во всех университетах существует внеучебная деятельность, сопровождаемая творческими, спортивными, научными и др. мероприятиями. Внеучебная деятельность направлена на реализацию инициатив молодых людей, другими словами, она способна содействовать самореализации студентов в различных сферах. Студенческая молодежь имеет

возможность наращивать инкорпорированный культурный капитал в виде получения знаний, умений и навыков, а также усвоения общепринятых норм и ценностей благодаря внеучебной деятельности. Однако выбор той или иной сферы деятельности, как правило, не случаен. Он вытекает из привитых правил, норм и вкусов, которые индивид получил в детстве и получает далее, будучи в университете. В высшем учебном заведении присутствуют обязательные общепрофессиональные предметы, например, философия и социология. На данных дисциплинах наращивается открытый социальный капитал, т.к. одновременно большое количество студентов получают необходимые знания и формируют свое мышление.

Также благодаря участию во внеучебной жизни университета молодые люди получают грамоты, сертификаты и другие документы, которые подкрепляют их квалификации, и являются воплощением институционализированного культурного капитала.

Стоит отметить в рамках данной статьи взаимосвязь открытого социального капитала и объективированного культурного капитала. Студенты, обучаясь в высших учебных заведениях, получают научную базу для написания научных статей. Некоторые студенты в дальнейшем публикуются в различных сборниках и интернет-изданиях, что представляет собой научное общество (открытый социальный капитал). При написании и публикации статьи молодые люди используют свои знания и умения, следовательно, научная работа представляет собой объективированное состояние культурного капитала [Гуськова Н.Д., Ключева А.П., 2012, с. 157].

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Социальный капитал играет важную роль в формировании и поддержании различных социальных общностей и групп, оказывая влияние на их внутреннюю динамику и взаимодействие. Открытый социальный капитал способствует единству и общности, формируя широкие социальные сети на основе общих ценностей и норм. В то же время закрытый социальный капитал ориентирован на узкую группу людей, обладающих схожими интересами, спо-

собствуя решению конкретных задач и удовлетворению индивидуальных потребностей.

Культурный капитал представляет собой важный ресурс, который человек приобретает благодаря своему образованию, культурным ценностям и увлечениям. Он может проявляться в виде знаний об искусстве, литературе и других аспектах культуры. Различают три формы культурного капитала: инкорпорированный, объективированный и институционализированный. Инкорпорированный культурный капитал связан с умениями и навыками индивида. Объективированный культурный капитал представляет собой предметы и материальные ценности, которые могут быть переданы и использованы в различных контекстах. Институционализированный культурный капитал состоит из академических квалификаций, подтверждающих знания и умения индивида. Культурный капитал оказывает значительное воздействие на социальное и экономическое развитие, а также на формирование личности и самоидентичности индивида.

Социальный и культурный капиталы взаимосвязаны и оказывают важное влияние на различные аспекты жизни индивидов, особенно в контексте социально-экономических условий. Неравномерное распределение социального и культурного капиталов особенно ярко прослеживается у молодежи. Основными факторами такого неравенства являются уровень образования, социальная среда, семья и близкое окружение. Влияние культурного капитала на социальный обусловлено его дифференцирующей функцией; взаимодействуя внутри группы, на основании общего культурного капитала индивиды укрепляют свои связи, тем самым наращивая социальный капитал.

Студенты, обучаясь в вузе, через инкорпорированный культурный капитал получают необходимые компетенции, которые могут помочь при трудоустройстве и увеличивают их социальный капитал. Внеучебная деятельность также играет важную роль в связи между культурным и социальным капиталами, обеспечивая студентам возможность взаимодействовать с различными социальными группами и повышать свой статус в обществе. Также увеличение инкорпорированного культурного капитала, которое происходит через приобретение новых знаний и навыков, способствует повышению

статуса и признания в профессиональном обществе. В то же время институционализированный культурный капитал, который подтверждается через аттестации, сертификаты и участие в конкурсах, играет важную роль в росте профессионального успеха. Это показывает, что участие в различных профессиональных мероприятиях и активное стремление к повышению своих компетенций не только обогащает личную культурную сферу, но и способствует укреплению позиций в профессиональной области. Таким образом, поддержание взаимодействия между социальным и культурным капиталами может существенно повлиять на успешность и признание индивида в его профессиональном сообществе.

Деление людей на подгруппы с похожими интересами и способностями способствует формированию внутригруппового доверия, которое является результатом взаимодействия закрытого социального и инкорпорированного культурного капиталов. В университетской среде, например, внеучебная деятельность происходит в рамках различных комитетов, в которых студенты участвуют на основе своих умений и интересов. Это позволяет им строить социальные связи и наращивать закрытый социальный капитал, что в итоге расширяет доступ к «элитарным» знаниям и возможностям.

Кроме того, взаимосвязь между закрытым социальным и объективированным культурным капиталами проявляется в формировании схожего габитуса в группе, восприятии определенных элементов материальной культуры и ценностей. Семейные реликвии являются примером материальной культуры, ценность которых определяется общим восприятием и смыслом, что связано с формированием закрытого культурного капитала.

Таким образом, совместное воздействие закрытого социального и инкорпорированного культурного капиталов играет важную роль в формировании объективируемого культурного капитала группы и способствует развитию коллективного сознания и ценностей, обеспечивая членам группы лучший доступ к ресурсам и возможностям.

В постиндустриальном обществе, которое характеризуется более развитой информатизацией и сферой услуг, происходит смена форм наращивания социального и культурного капи-

талов. Новые профессии требуют новых компетенций, которые формируют институционализированный культурный капитал, а образование, включая онлайн-форматы, становится важным средством этого процесса.

Итак, взаимосвязь социального и культурного капиталов происходит в разных формах и на разных уровнях, но развитие одно всегда положительно сказывается на увеличении другого. Дальнейшее изучение и раскрытие механизма этой взаимосвязи позволит эффективнее использовать ресурсы сферы образования для развития индивидов и формирования гармоничного общества.

Список литературы

Большаков Н.В. Измерение культурного капитала: от теории к практике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 6(118). С. 3–12.

Домакур О.В. Постиндустриальное общество: структура, признаки, механизм и закономерности формирования // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / под ред. С.Ю. Солодовникова и др. Минск: Изд-во БНТУ, 2016. Вып. 4. С. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2016-4-39-47>

Гисматуллина Э.К. Роль внеучебной работы в процессе формирования социального капитала студентов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2011. № 4. С. 5–9.

Гордеева С.С., Маркова Ю.С. Роль организационного доверия в обеспечении эффективности и продуктивности деятельности современной организации (опыт зарубежных исследований) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 654–661. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-654-661>

Гуськова Н.Д., Ключева А.П. Современные теории социального капитала // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 2(22). С. 152–160.

Игумнов О.А. Становление концепций социального капитала: обзор теоретических подходов // Социология. 2019. № 1. С. 41–49.

Кошкин А.П., Новиков А.В. Социальный капитал студентов и преподавателей как ресурс повышения качества образования // Современное образование. 2017. № 1. С. 65–87. DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8736.2017.1.21801>

Мантерис А. Культурный капитал и общественные отношения // Вестник Института соци-

логии. 2019. Т. 10, № 3. С. 33–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.586>

Мартиросян К.М. Концепция символического капитала в современной социологии // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 4(55). С. 35–37.

Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-4-20-32>

Рогозин Д.М. Перспективы развития теории социального капитала // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 4. С. 12–37.

Самарина И.С. Особенности формирования культурного капитала студенческой молодежи // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 2(19). С. 147–152.

Солодовников С.Ю. Социальный капитал как фактор экономического роста // Экономика и банки. 2015. № 1. С. 32–41.

Bott E. Family and social network; roles, norms, and external relationships in ordinary urban families. London: Tavistock Publications, 1957. 252 p.

Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J.G. Richardson. N.Y.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.

Granovetter M.S. The strength of weak ties // The American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78, no. 6. P. 1360–1380. DOI: <https://doi.org/10.1086/225469>

Putnam R. Bowling alone: The collapse and revival of American community. N.Y.: Simon & Schuster, 2001. 544 p.

References

Bol'shakov, N.V. (2013). [Measuring cultural capital: from theory to practice]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6(118), pp. 3–12.

Bott, E. (1957). *Family and social network; roles, norms, and external relationships in ordinary urban families*. London: Tavistock Publications, 252 p.

Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. J.G. Richardson (ed.) *Handbook of theory and research for the sociology of education*. New York: Greenwood Press, pp. 241–258.

Domakur, O.V. (2016). [Post-industrial society: structure, features, mechanism and patterns of formation]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya: sb. nauch. st., pod red. S.Yu. Solodovnikova i dr.* [S.Yu. Solodovnikov et al. (eds.) Economic Science

Today: collection of scientific articles]. Minsk: BNTU Publ., iss. 4, pp. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2016-4-39-47>

Gismatullina, E.K. (2011). [The role of extracurricular activities in forming students' social capital]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Economics]. No. 4, pp. 5–9.

Gordeeva, S.S., Markova, Yu.S. (2021). [The role of organizational trust in ensuring the efficiency and productivity of a modern organization (experience of foreign research)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 654–661. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-654-661>

Granovetter, M.S. (1973). The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*. Vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380. DOI: <https://doi.org/10.1086/225469>

Gus'kova, N.D. and Klyueva, A.P. (2012). [Modern theories of social capital]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Social Sciences]. No. 2(22), pp. 152–160.

Igumnov, O.A. (2019). [The formation of social capital concepts: a review of theoretical approaches]. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 1, pp. 41–49.

Koshkin, A.P. and Novikov, A.V. (2017). [Social capital of students and teachers as a resource for improving the quality of education]. *Sovremennoe obrazovanie* [Modern Education]. No. 1, pp. 65–87. DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8736.2017.1.21801>

Manterys, A. (2019). [Cultural capital and social relations]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 10, no. 3, pp. 33–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.586>

Martirosyan, K.M. (2014). [The concept of symbolic capital in modern sociology]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Studies of Russian South]. No. 4(55), pp. 35–37.

Putnam, R. (2001). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster Publ., 544 p.

Radaev, V.V. (2002). [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 3, no. 4, pp. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-4-20-32>

Rogozin, D.M. (2023). [Prospects for the development of the theory of social capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 24, no. 4, pp. 12–37.

Samarina, I.S. (2009). [Features of the formation of cultural capital of student youth]. *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration]. No. 2(19), pp. 147–152.

Solodovnikov, S.Yu. (2015). [Social capital as a factor of economic growth]. *Ekonomika i banki* [Economy and Banks]. No. 1, pp. 32–41.

Об авторах

Соловьев Семен Сергеевич

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: semyons@mail.ru
ResearcherID: KLZ-2546-2024

Кибанова Юлия Николаевна

магистрант направления «Социология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kibanova777@mail.ru
ResearcherID: KLZ-1675-2024

About the authors

Semyon S. Solovyov

Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: semyons@mail.ru
ResearcherID: KLZ-2546-2024

Yulia N. Kibanova

Graduate Student in Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kibanova777@mail.ru
ResearcherID: KLZ-1675-2024

УДК 316.334

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-439-450>

EDN: WYRZAZ

Поступила: 13.05.2024

Принята: 18.08.2024

Опубликована: 03.10.2024

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ РАННЕЙ ПОМОЩИ

Серебрякова Валерия Юрьевна

ГБУ Пермского края «Центр комплексной реабилитации инвалидов» (Пермь)

Рассматриваются социологические подходы к содержанию понятия «ранняя помощь», представлено разнообразие научных мнений авторов относительно его содержания. В связи с увеличением числа инвалидов среди детского населения обосновывается необходимость переосмысления указанной проблемы к пониманию состояния детской инвалидности в рамках инновационных парадигм и подходов к ее изменению. В современных условиях подчеркивается актуальность создания комплексной системы профилактики детской инвалидности и распространения современных профилактических технологий. В статье исследуются история и развитие ранней помощи, а также ее специфика в современной российской практике. На основании имеющихся данных о состоянии ранней помощи в России подчеркивается объективная потребность в развитии и популяризации служб ранней помощи в целях профилактики детской инвалидности. Особое внимание уделяется анализу содержания термина «ранняя помощь» с позиции социологических подходов и его соответствию зарубежным моделям. Недостаточное социологическое осмысление термина «ранняя помощь» обуславливает необходимость проведения анализа его сущности и специфики в контексте макросоциологических подходов: системного, структурно-функционального, институционального и др. В результате проведенного исследования ранняя помощь рассматривается как формирующаяся служба на основе существующей социальной практики, в рамках которой складываются определенные системообразующие, структурные и функциональные характеристики. Выделены макро-, экзо-, мезо- и микроуровни ранней помощи, а также основные структурные элементы и функции системы в вопросах профилактики детской инвалидности. Отмечен процесс институционализации ранней помощи в существующих российских условиях, автором осуществлена попытка определения и описания основных этапов институционализации ранней помощи.

Ключевые слова: детская инвалидность, профилактика детской инвалидности, ранняя помощь детям и семьям.

Для цитирования:

Серебрякова В.Ю. Социологические подходы к определению понятия ранней помощи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 439–450. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-439-450>. EDN: WYRZAZ

SOCIOLOGICAL APPROACHES TO DEFINING THE CONCEPT OF EARLY INTERVENTION

Valeria Yu. Serebryakova

Center for Complex Rehabilitation of People with Disabilities (Perm)

The article examines sociological approaches to the concept of «early intervention», highlighting a variety of scientific perspectives offered by different authors. In light of the growing problem of disability among children, the paper substantiates the need for rethinking this issue within innovative paradigms of the understanding of childhood disability and approaches to its prevention. In modern conditions, it is highly relevant to create a comprehensive system for the prevention of childhood disability and the dissemination of modern preventive technologies. The article explores the history and development of early intervention, as well as its specifics in modern Russian practice. Based on the available data on the current state of early intervention in Russia, the author stresses the objective need for the development and popularization of early intervention services in order to prevent childhood disability. Particular attention is paid to the analysis of the term «early intervention» from the perspective of sociological approaches and its correspondence to foreign models. The insufficient sociological conceptualization of the term necessitates an analysis of its essence and specific features in the context of macro-sociological approaches: systemic, structural-functional, institutional, and others. The study shows early intervention to be emerging services based on generally accepted social practice with certain system-forming, structural, and functional characteristics. The main elements of early intervention are macro, exo, meso and micro levels, as well as the main structural elements and functions of the system for the prevention of childhood disability. The author notes the process of institutionalization of early intervention in the existing Russian conditions, makes an attempt to identify and describe the main stages of institutionalization of early intervention.

Keywords: childhood disability, prevention of childhood disability, early intervention for children and families.

To cite:

Serebryakova V.Yu. [Sociological approaches to defining the concept of early intervention]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 439–450 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-439-450>, EDN: WYRZAZ

Введение

В современных российских условиях детская инвалидность представляет собой существенную проблему. Актуальные статистические данные свидетельствуют о росте числа детей с инвалидностью за последние пять лет: так, в 2018 г. наблюдался прирост в 3 % по сравнению с минимальным показателем 2017 г., а к 2023 г. этот показатель значительно увеличился до 11 %. В настоящее время сохраняется тенденция увеличения количества инвалидов среди детского населения [Численность детей-инвалидов..., 2024].

Осознание необходимости решения данной проблемы сегодня является все более очевидным для многих развитых стран. В России значимым направлением социальной политики является профилактика заболеваемости и инвалидности среди детей и подростков. Современные исследователи и мировое сообщество акцентируют внимание на важности предотвращения инвалидности у детей в раннем возрасте. Выводы, сделанные на Всемирной Саламанкской конференции по образованию лиц с особыми потребностями, подчеркивают, что своевременное выявление нарушений развития, оценка способностей ребенка и составление

программ, стимулирующих его развитие в младенческом и раннем возрасте, являются ключевыми факторами успешного взаимодействия с этой группой детей [Саламанкская декларация..., 1994].

Современными исследователями в области профилактики детской инвалидности обозначены иные проблемы, препятствующие ее эффективности: вопросы медиализации, отсутствие комплексности и системности проводимых профилактических мероприятий [Кром И.Л., 2007]. Отмечается проблема ограниченности категорий детей, охваченных профилактическими мерами [Баранов А.А. и др., 2012; Яковлева Т.В. и др., 2022].

Рассматривается актуальность создания системы комплексной профилактики детской инвалидности как одного из приоритетов современных профилактических технологий, которые способствовали бы снижению уровня инвалидизации среди детского населения [Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240].

Наиболее перспективным направлением в российской социальной политике является развитие ранней комплексной помощи детям раннего возраста и их семьям, которая прежде всего «корнями» уходит в зарубежную социальную практику и рассматривается в условиях российского общества как новое явление, которое имеет свою историю, специфику формирования и развития.

На сегодняшний день обращение исследователей к осмыслению сущности ранней помощи детям и их семьям в социологической интерпретации связано с тем, что данное социальное явление существует в российской практике уже не одно десятилетие.

В российском законодательстве этот феномен рассматривается как начальное звено в системе комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, направленный на раннее выявление нарушений развития у детей с наиболее раннего возраста, оказанию им комплексной помощи и последующей рациональной маршрутизации в систему дошкольного образования. Уточняется необходимость реализации комплексных мер по предотвращению формирования детской инвалидности путем предоставления ранней помощи детям и их семьям [Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2021 № 3711-р].

Российские исследователи рассматривают раннюю помощь в качестве социальной технологии, ориентированной на поддержку развития ребенка и его семьи, отмечая при этом профилактическую доминанту детской инвалидности [Битова А.Л. и др., 2022].

Примечательным является тот факт, что несмотря на популяризацию формирующегося опыта в регионах страны, а также ее активной поддержки на уровне правительственных органов, осмысление в контексте социологии представлено недостаточно. В связи с чем целью данной статьи является проведение анализа исследования службы ранней помощи в социологии, который позволит рассмотреть всю широту характеристик данного социального явления, в том числе применительно к практической деятельности в российских условиях.

Понятие ранней помощи детям и их семьям

Сегодня в научной литературе существует большое многообразие трактовок данного термина, дискутируется основное его содержание и перечень характеристик в исследованиях зарубежных и российских авторов.

Ю.А. Разенкова в своих работах акцентирует внимание на наличии множества трактовок и разнородности научных взглядов к осмыслению содержания понятия «ранняя помощь». Автор, ориентируясь на собственный анализ зарубежных моделей ранней помощи, подчеркивает, что несмотря на представление ее в качестве объекта социальной политики или программы, социальной технологии, комплекса услуг, ей присущи системные характеристики.

Ряд зарубежных исследователей дают представление о ранней помощи как о междисциплинарной области знаний, рисков возникновения нарушений развития и инвалидности у детей [Guralnick M.J., 2019], системе ресурсов помощи для семей с детьми раннего возраста [McWilliam R.A., 2004], научно-педагогической деятельности профилактического характера для детей с ограниченными возможностями, детей из групп риска или детей из социально-неблагополучных семей [Pretis M., 2009].

Некоторые ученые более системно раскрывают ее содержание, ориентируясь на качество совокупности систем обслуживания, корни которых уходят глубоко в различные профессио-

нальные области [Shonkoff J.P., Phillips D.A., 2000], комплекс услуг социальных сетей, обеспечивающих поддержку семей с маленькими детьми [Dunst C.J. et al., 1988].

Действительно, опираясь на ранее указанные трактовки зарубежных исследователей, мы можем заключить, что несмотря на то, что сущностные характеристики термина «ранняя помощь» различаются по своему содержанию, ключевым аспектом этого понятия является его системный характер. В то же время, как отмечает Ю.А. Разенкова, феномен ранней помощи, имея некоторую историческую продолжительность своего существования, все еще не достиг состояния постоянных системных характеристик, устойчивых параметров и четкой содержательной структуры [Разенкова Ю.А., 2011].

Попробуем уточнить позицию данного исследователя и проанализировать содержание категории с точки зрения макросоциологических теорий, которые, на наш взгляд, имеют важное значение для выявления системных, структурно-функциональных и институциональных особенностей службы ранней помощи на базе формирующейся региональной практики.

По мнению Э. Дюркгейма, системы, существующие в обществе, следует рассматривать в качестве целого, не свойственного его частям. Ранняя помощь может рассматриваться в качестве структуры, которая объединяет сферы здравоохранения, образования, социальной защиты согласно собственному функциональному назначению, также может и сама рассматриваться как система, представляющая собой формирующуюся отрасль социальной сферы со своими особенностями организации и функционирования [Дюркгейм Э., 1991].

При анализе структурных и функциональных характеристик обратимся к трудам Т. Парсонса, который представляет четыре базовые функции, присущие системе для поддержания своего функционального состояния на базе четырех подсистем, находящихся во взаимодействии друг с другом.

Социальная подсистема (функция – интеграция) включает в себя межсекторное взаимодействие в сфере ранней помощи, принятие решений по вопросам развития ранней помощи (принятие нормативно-правовых актов, разработка и реализация механизмов межведом-

ственного взаимодействия и социального партнерства между организациями).

Культурная подсистема (функция – латентность, воспроизводство образца) представляет собой принципы и подходы, на основе которых выстраивается взаимодействие всех элементов системы ранней помощи.

Политическая подсистема (функция – целедостижение) реализует целевую направленность ранней помощи через непосредственную совокупность учреждений и организаций.

Экономическая подсистема (функция – адаптация) раскрывает сложившуюся систему финансирования, инфраструктуру ранней помощи, кадровый состав специалистов, организационное, информационное, кадровое, программно-методическое и иное ресурсное обеспечение функционирования системы [Парсонс Т., 2002].

Т. Парсонс раскрывает также и уровневую структуру системы (индивид – группа (коллективы) – институты – общество), которая, на наш взгляд, применительно к цели статьи, может быть уточнена экологической теорией У. Бронфенбреннера. Последний рассмотрел экологическую среду развития ребенка в контексте четырех экосистем по принципу вложенности одна в другую [Bronfenbrenner U., 1979].

Представляется возможным раскрыть содержание уровневой структуры системы ранней помощи следующим образом (рис. 1).

По мнению У. Бронфенбреннера, представленные в совокупности структуры на разных уровнях в итоге оказывают влияние на семью, в особенности макросреда, которой подвластны все последующие уровни системы, включая семью.

Структурные элементы системы ранней помощи могут рассматриваться как ресурсы, на что указывал R.A. McWilliam. Особую важность в работе социальной специфики ранней помощи подчеркивает ресурсно-потенциальный подход З.П. Замаевой, где ранняя помощь представляет собой набор действий, направленных на увеличение и актуализацию ресурсов у ребенка и его семьи путем осознанного использования определенных норм и ценностей. Семья имеет ключевую роль в мобилизации ресурсов для развития ребенка и повышения качества семейной жизни. Анализ ресурсов семьи, направлен-

ных на преодоление кризисов, акцентирует внимание на улучшении функционирования семьи. Ресурсный потенциал семьи представляет собой возможности развития, которые могут быть использованы для достижения общих целей семьи.

Семья, воспитывающая ребенка с инвалидностью, играет важную роль в его адаптации и социализации, с укреплением связей и преодолением ограничений [Замараева З.П., 2009].

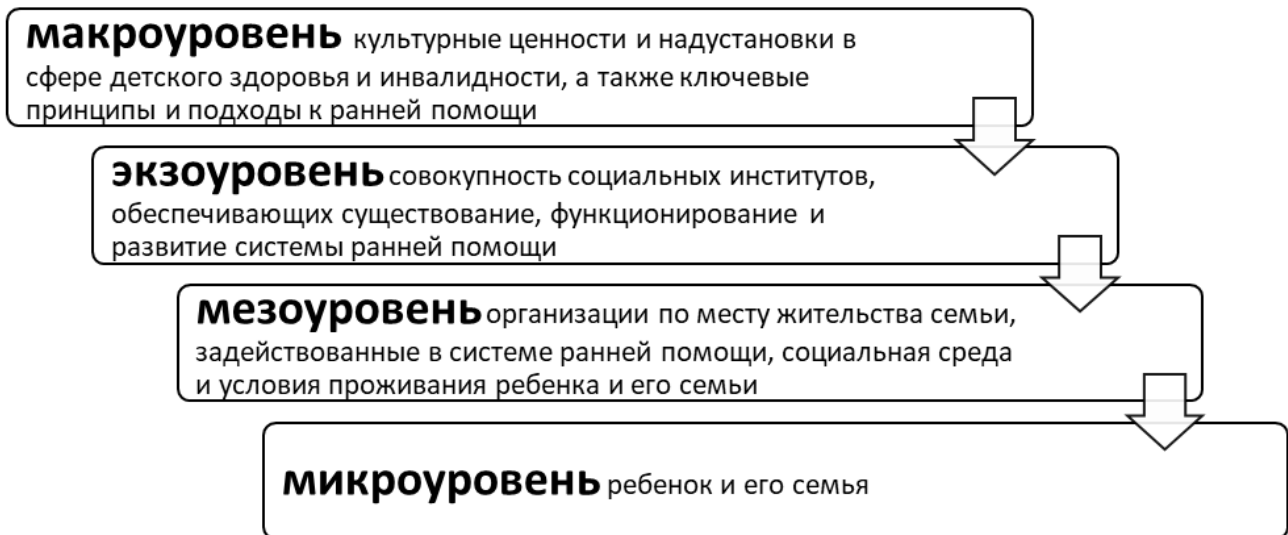

Рис. 1. Уровневая структура системы ранней помощи

Fig. 1. Level structure of the early intervention system

Ю.А Афонькина выделяет важность изучения собственных ресурсов семьи для понимания социальных механизмов и улучшения функций семьи. Она определяет семейный ресурсный потенциал как возможности развития, которые семья может активизировать при объединении усилий для достижения общих целей, особенно в семьях, где воспитывается ребенок с инвалидностью. Семья при этом играет важную роль в укреплении адаптационных способностей ребенка через эмоциональные и лич-

ностные связи, преодолевая проблемы, обусловленные недостаточным здоровьем, и расширяя социальные связи через совместные практики [Афонькина Ю.А., 2018].

В контексте теории Р. Мертон представляется возможным уточнить функции и дисфункции системы ранней помощи, а также проявление их в явном и латентном видах [Мертон Р.К., 2006]. В качестве примера может быть приведена следующая модель (табл. 1).

Таблица 1. Функции и дисфункции в системе ранней помощи

Table 1. Functions and dysfunctions in the early intervention system

	Функции	Дисфункции
Явные	Оказание ранней помощи, согласно единым принципам и методологии	Ведомственная и профессиональная разобщенность в вопросах организации ранней помощи
Латентные	Профессиональный симбиоз по вопросам ранней помощи между специалистами различного профиля	Подмена услуг ранней помощи ведомственными услугами

Рассмотреть следует и теорию структуризации Э. Гидденса, который понимает систему в качестве социальных практик, являющихся результатом отношений, организованных между раз-

личными субъектами и коллективами, носящими воспроизводимый характер. Применительно к ранней помощи во внимание берется наличие структур, которые обеспечивают постоянство и

эффективность функционирования системы, а также устанавливают взаимодействие между ее участниками: правила (методические, нормативные, правовые документы, инструкции), ресурсы (материальные (оборудование, помещения, финансы), нематериальные (профессиональные навыки и личные качества руководящего состава и профессионалов и др.)) [Гиденс Э., 2005].

Существующий зарубежный опыт показывает формирование разных систем ранней помощи. Ю.А. Разенкова отмечает, что в условиях разнообразия моделей им всем присуще общее свойство, которое проявляется в механизмах их развития и функционирования. Н.Н. Малофеев в своих работах также указывает на то, что основным фактором развития ранней помощи стало появление гражданского общества, что позволило перейти к открытому диалогу и взаимодействию государственных и общественных структур по вопросам защиты прав детей с проблемами здоровья, развития и профилактики детской инвалидности [Малофеев Н.Н., 2018].

В основе механизмов функционирования системы ранней помощи лежит взаимодействие между различными ведомствами, объединяющими основные сектора (здравоохранение, социальная защита и образование). Современные тенденции в развитии таких систем показывают, что важными участниками являются не только государственные структуры, но и некоммерческие организации, бизнес и другие гражданские объединения (например, родительские ассоциации, сообщества родителей детей с ограниченными возможностями и т.д.) [Разенкова Ю.А., 2018].

Феномен подобного взаимодействия исходит из идей социального партнерства, которые берут свое начало в теориях «общественного договора».

Для дальнейшей интерпретации данной проблемы проанализируем ряд социологических теорий. Например, Ф. Теннис, обращаясь к термину «объединение», рассматривает его в ключе рациональной и договорной основы социальности с возможностью учета интересов всех ее участников [Окатов А.В., 2016].

М. Вебер осмысливает консенсус сторон через механизм выполнения осознанных и рацио-

нальных действий с позиции всех участников для достижения конкретных целей [Ховрин А.Ю., 2010].

Г. Спенсер отмечает в своих трудах важность процесса регуляции и координации элементов в социальных системах, которые несхожи друг с другом, но имеют потенциал к взаимовыгодному сотрудничеству [Спенсер Г., 2016].

Таким образом, взаимодействие в системе ранней помощи является ключевым механизмом объединения всех ее элементов, основанном на принципах целеполагающего, рационального и партнерского сотрудничества, которое обеспечивает эффективное функционирование ранней помощи в целях предотвращения проблемы детской инвалидности.

В контексте системного подхода следует выделить понятие службы ранней помощи в качестве социальной организации, которая обладает собственными системными признаками. Существующая практика развития ранней помощи в регионах России свидетельствует о развитии данных служб на базе учреждений различной ведомственной принадлежности. Для них характерно выполнение отдельных функций, не связанных с функциями, которые реализуют организации и учреждения различной ведомственной принадлежности в рамках своей целевой направленности (медицинская помощь, социальные услуги, образовательные услуги). Направленность служб заключается в оказании медико-социальных и психолого-педагогических услуг детям младенческого и раннего возраста на междисциплинарной основе. Их целью является своевременное выявление нарушений развития или рисков их возникновения у детей, укрепление физического и психического здоровья, а также обеспечение включения в среду сверстников и успешной интеграции в общество. Кроме того, служба предоставляет сопровождение и поддержку семьям детей, а также способствует повышению квалификации родителей (законных представителей) [Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2021 № 3711-р]. Деятельность службы ранней помощи строится на основе принципов и требований, которые сегодня рассматриваются в качестве основополагающих в практиках организации ранней помощи по всему миру [Доброва-Крол Н., 2014].

Таким образом, системный подход позволяет выделить основные структурные элементы,

уровни, взаимосвязи, а также принципы функционирования ранней помощи (табл. 2).

Таблица 2. Системный подход к содержанию категории ранней помощи

Table 2. System approach to the content of the early intervention category

Элементы	Содержание
Уровни ранней помощи	микроуровень мезоуровень экзоуровень макроуровень
Взаимосвязи в системе	складывающиеся общественные отношения и взаимодействие в системе ранней помощи на основе механизмов сотрудничества и партнерства
Структурные элементы	федеральные и региональные органы исполнительной власти в сферах здравоохранения, социальной защиты и образования государственные организации различной ведомственной принадлежности и негосударственные организации службы ранней помощи ребенок и его семья
Функции	профилактическая абилитационная адаптационная развивающая социализирующая интеграционная
Принципы	всеохватываемость семейноцентрированность ресурсный подход междисциплинарный подход межведомственный подход функциональная направленность

Рассматривая раннюю помощь в контексте институционального подхода, следует обратить внимание на то, как соотносить процесс ее формирования с институционализацией.

Многие значимые социологи при изучении социальных институтов (Г. Спенсер, М. Вебер, Т. Парсонс, Ч.Р. Миллс и др.) выделяют всего несколько в качестве ключевых исторически сложившихся социальных институтов, которые существуют долгое время, обладают устойчивостью и призваны удовлетворять потребности общества.

В то же время близкой и убедительной для нас является теория институциональных изменений Д. Норта, в которой ранняя помощь может быть представлена как формирующаяся институциональная система, складывающаяся на базе установленных правил функционирования, законодательных норм, стандартов качества и организационных структур существующих институтов. Это сложная социальная практика, включающая профессиональные

знания и умения специалистов, взаимодействие различных участников (государственных и неправительственных, семей), а также механизмы финансирования и контроля качества предоставляемых услуг [Лозовая И.В., 2016].

К.И. Ярулин подчеркивает в своем исследовании отмечает, что социальные практики, проходящие через процесс институционализации, оказывают значительное воздействие на функционирование и изменение существующих формальных социальных институтов [Ярулин К.И., 2012].

Мы попытались определить основные этапы институционализации ранней помощи в качестве социальной практики (табл. 3).

Представленные нами этапы подчинены общей логике процесса институционализации и могут быть наблюдаемы в контексте истории возникновения ранней помощи во многих развитых странах.

Таблица 3. Этапы формирования ранней помощи в процессе институционализации

Table 3. Stages of formation of early intervention in the process of institutionalization

Этапы	Содержание
Возникновение общественной потребности	Потребность в снижении уровня детской заболеваемости и детской инвалидности, повышении качества жизни семей с детьми-инвалидами и без инвалидности
Появление социальных норм и правил	Пересмотр парадигмы в понимании проблемы детской инвалидности и методов ее предотвращения; создание комплексного междисциплинарного подхода к профилактике, нацеленного на раннее выявление нарушений развития у детей, и предоставление им комплексной помощи, ориентированной на семью
Появление процедур, связанных с нормами и правилами	Появление практики ранней помощи, ее технологизация и популяризация в современных условиях
Институционализация норм и правил, процедур, их принятие и практическое применение, установление системы санкций для поддержания норм и правил, дифференцированность их применения в отдельных случаях	Развитие международных инициатив, разработка системы нормативных правовых актов в сфере охраны здоровья детей, соблюдения прав детей с инвалидностью, профилактики детской инвалидности; разработка документов, регулирующих сферу ранней помощи в развитых странах
Создание системы статусов и ролей	Появление статусов (например, получатель услуг ранней помощи, родители получателя услуг ранней помощи, специалист по ранней помощи, представитель государственных и негосударственных структур по вопросам ранней помощи) и определение системы ролей в конкретных складывающихся социальных условиях

Так, в условиях появления общественной потребности в снижении уровня детской заболеваемости и инвалидности, а также в повышении качества жизни семей, постепенно происходило развитие ранней помощи, которая изначально возникла как некая практическая деятельность людей, но постепенно стала распространяться в общественном пространстве, обрела определенные структурно-функциональные характеристики, нормы и требования к ее реализации, систему статусов и ролей. В результате практика стала востребованной и закреплённой в общественном сознании в качестве значимого направления в сфере профилактики детской инвалидности. Данный процесс, на наш взгляд, является характерным и для российских условий, поскольку, начиная с единичных инициатив заинтересованных организаций и объединений людей, в России постепенно начала формироваться практика оказания комплексной помощи детям раннего возраста, которая впоследствии стала распространённой во множестве регионов страны, а с 2016 г. развитие системы ранней помощи стало одной из приоритетных задач государства, что в дальнейшем определило правовое закрепление и разработку единых требований к ее организации.

Заключение

Предложенная социологическая интерпретация позволяет рассматривать раннюю помощь как формирующуюся систему, обладающую, определенными структурными и функциональными характеристиками, где существующие элементы системы представляют собой определенный структурный континуум и находятся в выстроенной вертикально-горизонтальной модели взаимодействия на основе механизмов сотрудничества и партнерства.

Мы считаем, что ранняя помощь строится по уровневому принципу, где рассматриваются макро-, экзо-, мезо- и микроуровни. Выделены основные структурные элементы формирующейся системы, среди которых органы исполнительной власти в сферах здравоохранения, социальной защиты и образования, государственные организации различной ведомственной принадлежности и негосударственные организации, службы ранней помощи, семьи с детьми раннего возраста. В качестве ключевых функций определены профилактическая, абилитационная, адаптационная, развивающая, социализирующая, интеграционная.

Несмотря на то, что ранняя помощь обладает институциональными признаками, на наш

взгляд, в большей степени она вписывается в контекст уже существующей институциональной практики таких сфер государства, как здравоохранение, социальная защита и образование, т.к. последние во многом имеют общие цели.

По нашему мнению, ранняя помощь может рассматриваться в качестве социальной практики, которая становится востребованной в текущих социальных условиях роста числа детей с инвалидностью в России на фоне ограниченности формальных современных социальных институтов в вопросах профилактики детской инвалидности, что и обуславливает процесс ее институционализации в качестве новой социальной практики и вхождения ее как одного из важных элементов организации общественной жизни в текущих условиях.

Список литературы

- Афонькина Ю.А. Ресурсный потенциал семьи, воспитывающей ребенка с инвалидностью // Проблемы современного педагогического образования. 2018. Вып. 60, ч. 4. С. 395–398.
- Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Альбицкий В.Ю. Профилактическая педиатрия — новые вызовы // Вопросы современной педиатрии. 2012. Т. 11, № 2. С. 7–10. DOI: <https://doi.org/10.15690/vsp.v11i2.204>
- Битова А.Л., Самарина Л.В., Шишова И.В. Ранняя помощь детям и их семьям в период пандемии // Психология и психотерапия семьи. 2022. № 3. С. 39–42. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-6783-2022-3-39-42>
- Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / пер. с англ. И.Е. Тюрина. М.: Академ. проект, 2005. 528 с.
- Доброва-Крол Н. Раннее вмешательство: Ключевые аспекты и международный опыт / Международный детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). Киев, 2014. 48 с.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. 575 с.
- Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной защиты населения России. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. 182 с.
- Кром И.Л. Медико-социологическая концептуализация феномена инвалидности при болезнях системы кровообращения: автореф. дис ... д-ра мед. наук. Саратов, 2007. 34 с.
- Лозовая И.В. Теория институциональных изменений Д. Норта. Формальные и неформальные институты // Территория науки. 2016. № 4. С. 98–101.
- Малофеев Н.Н. От равных прав к равным возможностям, от специальной школы к инклюзии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2018. № 190. С. 8–15.
- Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.
- Окатов А.В. Социологическая концепция Ф. Тённиса как теоретическая основа изучения институционализации и функционирования современных общественных организаций // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21, вып. 11(163). С. 7–13. DOI: [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-11\(163\)-7-13](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-7-13)
- Парсонс Т. О социальных системах / пер. с англ. Е. Молодцовой и др. М.: Академ. проект, 2002. 832 с.
- Разенкова Ю.А. Межведомственное взаимодействие в системе ранней помощи // Альманах Института коррекционной педагогики. 2018. № 33, вып. 7. С. 17–34. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-33/interagency-cooperation-in-the-system-of-early-intervention> (дата обращения: 12.05.2024).
- Разенкова Ю.А. Система ранней помощи: поиск основных векторов развития. М.: Карапуз, 2011. 144 с.
- Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2021 № 3711-р «Концепция развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112280026?index=1> (дата обращения: 12.05.2024).
- Саламанская декларация и Рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями принятые Всемирной конференцией по образованию лиц с особыми потребностями: «Доступ и качество» (Саламанка, Испания, 7–10 июня 1994 г.) / ЮНЕСКО. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0009/000984/098427rb.pdf> (дата обращения: 12.05.2024).
- Спенсер Г. Основания социологии: Данные социологии. Индукция социологии / пер. с англ. М.: Либроком, 2016. 440 с.
- Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 12.05.2024).
- Ховрин А.Ю. Теоретико-методологические основания исследования социального партнерства в

работах Э. Дюркгейма и М. Вебера // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3. С. 227–250.

Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_8.1.xlsx (дата обращения: 12.05.2024).

Яковлева Т.В., Зелинская Д.И., Туренко О.Ю. Управление детской инвалидностью: медицинские аспекты // Национальное здравоохранение. 2022. Т. 3, № 1. С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.47093/2713-069x.2022.3.1.5-14>

Ярулин К.И. Институционализация неформальных социальных практик: автореф. дис ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2012. 23 с.

Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 348 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674028845>

Dunst C.J., Trivette C.M., Deal A.G. Enabling and empowering families: Principles and guidelines for practice. Cambridge, MA: Brookline Books, 1988. 219 p.

Guralnick M.J. Effective Early Intervention: The Developmental Systems Approach. Baltimore, MA: Brookes Publishing, 2019. 384 p.

McWilliam R.A. Early intervention in natural environments: A Five-Component Model / Early Steps Resource Bank, Florida Department of Health. 2004. URL: http://www.kdec.org/2013Presentations/EINE_Five_Component_Model.pdf (accessed: 12.05.2024).

Preteis M. Early childhood intervention in Austria: An overview of 30 years of development and future challenges // International Journal of Early Childhood Special Education. 2009. Vol. 1, iss. 2. P. 127–137. DOI: <https://doi.org/10.20489/intjecse.107982>

Shonkoff J.P., Phillips D.A. From Neurons to Neighborhoods: The Science of Early Childhood Development. Washington, DC: National Academies Press, 2000. 588 p. DOI: <https://doi.org/10.17226/9824>

References

Afon'kina, Yu.A. (2018). [Resource potential of a family raising a child with a disability]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. Iss. 60, part 4, pp. 395–398.

Baranov, A.A., Namazova-Baranova, L.S. and Al'bitskiy, V.Yu. (2012). [Preventive pediatrics — new challenges]. *Voprosy sovremennoy pediatrii*

[Current Pediatrics]. Vol. 11, no. 2, pp. 7–10. DOI: <https://doi.org/10.15690/vsp.v11i2.204>

Bitova, A.L., Samarina, L.V. and Shirshova, I.V. (2022). [Early intervention to children and their families during the pandemic]. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Family Psychology and Psychotherapy]. No. 3, pp. 39–42. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-6783-2022-3-39-42>

Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 348 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674028845>

Chislennost' detey-invalidov v vozraste do 18 let, po sub'ektam Rossiyskoy federatsii (2024) [The number of disabled children under the age of 18, by constituent entity of the Russian Federation]. Federal State Statistics Service. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_8.1.xlsx (accessed 12.05.2024).

Dobrova-Krol, N. (2014). *Rannee vmeshatel'stvo: Klyuchevye aspekty i mezhdunarodnyy opyt* [Key aspects and international experience]. Kiev: UNICEF Publ., 48 p.

Dunst, C.J., Trivette, C.M. and Deal, A.G. (1988). *Enabling and empowering families: Principles and guidelines for practice*. Cambridge, MA: Brookline Books Publ., 219 p.

Durkheim, E. (1991). *O razdelenii obschestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The division of labor in society. Method of sociology]. Moscow: Nauka Publ., 575 p.

Giddens, A. (2005). *Ustroenie obschestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The structure of society: an essay on the theory of structuration]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 528 p.

Guralnick, M.J. (2019). *Effective early intervention the developmental systems approach*. Baltimore, MA: Brookes Publishing, 384 p.

Khovrin, A.Yu. (2010). [Theoretical and methodological foundations for the study of social partnership in the works of E. Durkheim and M. Weber]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 3, pp. 227–250.

Krom, I.L. (2007). *Mediko-sotsiologicheskaya kontseptualizatsiya fenomena invalidnosti pri boleznyakh sistemy krovoobrascheniya: avtoreferat dis ... d-ra med. nauk* [Medical and sociological conceptualization of the phenomenon of disability in diseases of the circulatory system: Abstract of Ph.D. dissertation]. Saratov, 34 p.

Lozovaya, I.V. (2016). [D. North's theory of institutional change. Formal and informal institutions]. *Territoriya nauki* [The Territory of Science]. No. 4, pp. 98–101.

Malofeev, N.N. (2018). [From equal rights to equal opportunities, from special schools to inclusion]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 190, pp. 8–15.

McWilliam, R.A. (2004). *Early intervention in natural environments: a five-component model*. Early Steps Resource Bank, Florida Department of Health. Available at: http://www.kdec.org/2013Presentations/EINE_Five_Component_Model.pdf (accessed 12.05.2024).

Merton, R.K. (2006). *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST Publ., Khranitel' Publ., 873 p.

Okatov, A.V. (2016). [Sociological concept of F. Tonnies as theoretical basis of institutionalization and functioning of modern voluntary associations' study]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities]. Vol. 21, iss. 11(163), pp. 7–13. DOI: [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-11\(163\)-7-13](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-7-13)

Parsons, T. (2002). *O sotsial'nykh sistemakh* [The social system]. Moscow: Akademicheskiiy Proekt Publ., 832 p.

Pretis, M. (2009). Early childhood intervention in Austria: An overview of 30 years of development and future challenges. *International Journal of Early Childhood Special Education*. Vol. 1, iss. 2, pp. 127–137. DOI: <https://doi.org/10.20489/intjecse.107982>

Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 18 dekabrya 2021 g. № 3711-r «Kontseptsiya razvitiya v Rossiyskoy Federatsii sistemy kompleksnoy reabilitatsii i abilitatsii invalidov, v tom chisle detey-invalidov, na period do 2025 goda» [Order of the Government of the Russian Federation of December 18, 2021 No. 3711-r «Concept for the development in the Russian Federation of a system of comprehensive rehabilitation and habilitation of persons with disabilities, including children with disabilities, for the period until 2025»]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112280026?index=1> (accessed 12.05.2024).

Razenkova, Yu.A. (2018). [Interdepartmental interaction in the early intervention system]. *Al'manakh Instituta korrektsionnoy pedagogiki* [Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy]. No. 33, iss. 7, pp. 17–34. Available at: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-33/interagency-cooperation-in-the-system-of-early-intervention> (accessed 12.05.2024).

Razenkova, Yu.A. (2011). *Sistema ranney pomoschi: poisk osnovnykh vektorov razvitiya* [Early help system: search for the main vectors of development]. Moscow: Karapuz Publ., 144 p.

Salamanskaya deklaratsiya i Ramki deystviy po obrazovaniyu lits s osobymi potrebnostyami prinyatyie Vsemirnoy konferentsiyey po obrazovaniyu lits s osobymi potrebnostyami: «Dostup i kachestvo» (Salamanka, Ispaniya, 7–10 iyunya 1994 g.) [The Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education. Adopted by the World Conference on Special Needs Education: Access and Quality (Salamanca, Spain, June 7–10, 1994)]. UNESCO. Available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0009/000984/098427rb.pdf> (accessed 12.05.2024).

Shonkoff, J.P. and Phillips, D.A. (2000). *From Neurons to Neighborhoods: The Science of Early Childhood Development*. Washington, DC: National Academies Press., 588 p. DOI: <https://doi.org/10.17226/9824>

Spencer, H. (2016). *Osnovaniya sotsiologii: Dannye sotsiologii. Induktsiya sotsiologii* [Foundations of sociology. The data of sociology. The inductions of sociology]. Moscow: Librokom Publ., 440 p.

Ukaz Prezidenta Rossiiskoy Federatsii ot 29.05.2017 N 240 «Ob ob'yavlenii v Rossiiskoy Federatsii Desyatiletia detstva» [Decree of the President of the Russian Federation dated May 29, 2017 N 240 «On the announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation»]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (accessed 12.05.2024).

Yakovleva, T.V., Zelinskaya, D.I. and Turenko, O.Yu. (2022). [Child disability management: medical issues]. *Natsional'noe zdavookhranenie* [National Health Care]. Vol. 3, no. 1, pp. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.47093/2713-069x.2022.3.1.5-14>

Yarulin, K.I. (2012). *Institutsionalizatsiya neformal'nykh sotsial'nykh praktik: avtoref. dis ... kand. sotsiol. nauk* [Institutionalization of informal social practices: Abstract of Ph.D. dissertation]. Khabarovsk, 23 p.

Zamaraeva, Z.P. (2009). *Resursno-potentsial'nyy podkhod v sisteme sotsial'noy zashchity naseleniya Rossii* [Resource-potential approach in the system of social protection of the population of Russia]. Perm: PSU Publ., 182 p.

Об авторе

Серебрякова Валерия Юрьевна

методист, Краевой ресурсно-методический центр

ГБУ Пермского края «Центр комплексной
реабилитации инвалидов»,

614065, Пермь, ул. Встречная, 35;

e-mail: sere.lerusa@yandex.ru

ResearcherID: AHA-6144-2022

About the author

Valeria Yu. Serebryakova

Methodist, Regional Resource-Methodological Center

Center for Complex Rehabilitation
of People with Disabilities,

35, Vstrechnaya st., Perm, 614065, Russia;

e-mail: sere.lerusa@yandex.ru

ResearcherID: AHA-6144-2022

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**Кибер.Ленинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из 15–20 источников; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 в *алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «>», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennyye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru и дублируются на платформе <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-21062024.pdf>.

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2024 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	11 апреля
в № 2 — до 01 мая	4 июля
в № 3 — до 01 августа	3 октября
в № 4 — до 01 октября	27 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For resources in English the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Authors have to send their materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru). In addition, submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>). The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2024

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 11
No 2 May 1	July 4
No 3 August 1	October 3
No 4 October 1	December 27

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2024
Выпуск 3

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 30.09.2024
Дата выхода в свет 03.10.2024
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 19,1
Тираж 48 экз. Заказ № 1528

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Философско-социологический факультет.
Тел. +7 (342) 239-63-05

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Управление издательской деятельности.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке